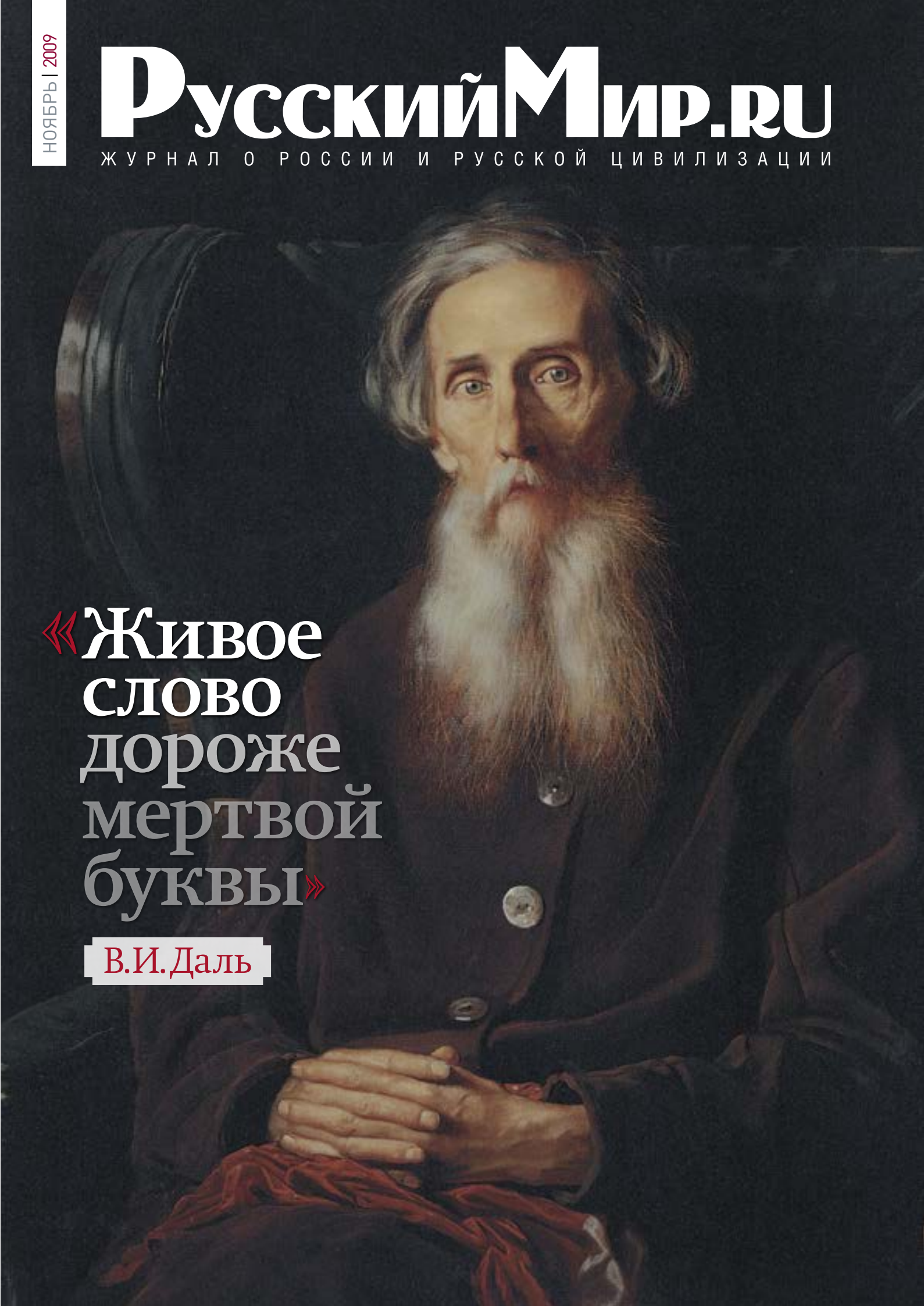

НОЯБРЬ | 2009

РусскийМир.ru

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

A detailed oil painting of V.I. Dal, an elderly man with a long, flowing white beard and hair. He is wearing a dark, high-collared coat with large buttons. His hands are clasped in his lap, resting on a red cloth. The background is dark and indistinct.

«Живое
слово
дороже
мертвой
буквы»

В.И. Даль

ЗА ДАЛЮ – ДАЛЬ

ИМЯ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ДАЛЯ ДАЖЕ для не очень грамотных наших соотечественников четко и жестко ассоциируется со словосочетанием «словарь русского языка». Мы говорим «Даль», подразумеваем – словарь. Говорим «словарь», подразумеваем – Даль. Самое любопытное в его биографии, пожалуй, то, что он, одаривший русский язык словарем, не устаревавшим уже которое десятилетие, не был русским по крови совершенно. Его отец Йохан Христиан фон Даль был приглашен в Россию еще Екатериной Великой. Как и многие другие европейцы, ставшие потом частью – притом неотъемлемой частью – русской культуры, науки, военного дела, дела управленческого. Приехав в Россию библиотекарем императрицы, Йохан затем стал врачом. Как впоследствии и его сын. А ведь кто знает о Владимире Ивановиче Дале, что он делал офтальмологические операции? Что ходил в военные походы? Что был далеко не последним в свою эпоху управленцем, бюрократом, причем в хорошем смысле этого слова? Таким бюрократом, благодаря которым России никогда не надо было подниматься с колен – поскольку она на них никогда и не вставала. А еще и литературой «баловался». Всего лишь одна биография, а как она в очередной раз высвечивает непреложное обстоятельство – глубочайшую интеграцию русской культуры в культуру европейскую. Идеи, люди, знания перетекали свободно по всему континенту. Не было для людей культуры и науки понятия «гастарбайтеры», не было понятия «утечка мозгов». Перетекание внутри единого целого – было. А утечки – нет, не было. Потом это все рухнуло в одночасье. А для нас обернулось разрывом исторической и культурной традиции, в большой степени – реставрацией варварства. От чего не можем очухаться до сих пор. И еще долго придется нам все это восстанавливать. Но, восстанавливая, не поленитесь, откройте Даля. Посмотрите, как сочно, красиво, ярко и богато образно некогда говорили в самой что ни на есть русской глубинке. ■

Состав попечительского совета фонда «Русский мир»

ВЕРБИЦКАЯ

Людмила Алексеевна

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [1]

АМВРОСИЙ

(ЕРМАКОВ Виталий Анатольевич)

Викарий Санкт-Петербургской епархии, епископ Гатчинский [2]

БОГДАНОВ

Сергей Игоревич

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, декан филологического факультета СПбГУ [3]

ДЗАСОХОВ

Александр Сергеевич

Член СФ РФ – представитель в СФ РФ от исполнительного органа власти Республики Северная Осетия–Алания [4]

ДОБРОДЕЕВ

Олег Борисович

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [5]

ИГНАТЕНКО

Виталий Никитич

Генеральный директор ИТАР-ТАСС [6]

КОСТОМАРОВ

Виталий Григорьевич

Президент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина [7]

ЛАВРОВ

Сергей Викторович

Министр иностранных дел Российской Федерации [8]

ЛИПСКЕРОВ

Дмитрий Михайлович

Писатель, ответственный секретарь Ассоциации учащейся молодежи Российского союза молодежи «Содружество» [9]

МИТРОФАНОВА

Элеонора Валентиновна

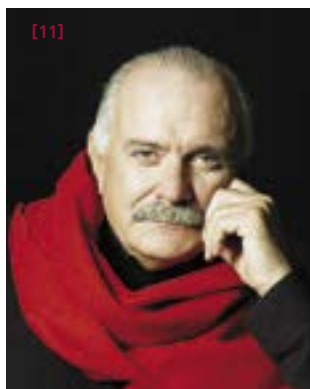
Постоянный представитель Российской Федерации при ЮНЕСКО [10]

МИХАЛКОВ

Никита Сергеевич

Президент Российского фонда культуры [11]

НАРОЧНИЦКАЯ

Наталья Алексеевна

Руководитель Парижского института «Демократии и сотрудничества», президент фонда «Исторические перспективы» [12]

ПОЛЛЕЙЕВА

Джахан Реджеповна

Помощник президента Российской Федерации [13]

ФУРСЕНКО

Андрей Александрович

Министр образования и науки РФ [14]

ЮРКОВ

Евгений Ефимович

Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ [15]

Состав правления фонда «Русский мир»

НИКОНОВ

Вячеслав Алексеевич

Исполнительный директор правления, президент фондов «Политика», «Единство во имя России» [16]

МОРГУНОВ

Сергей Евдокимович

Первый заместитель исполнительного директора правления фонда «Русский мир» [17]

КАЛИНА

Исаак Иосифович

Заместитель министра образования и науки РФ [18]

ПРОКОФЬЕВ

Павел Алексеевич

Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД РФ [19]

ШАРКОВ

Анатолий Сергеевич

Начальник департамента Референтуры президента РФ [20]

НИКОЛАЙ СИДОРОВ / КОММЕРСАНТЪ

РИА НОВОСТИ

Интервью 06 «Я бы хотел, чтобы Русский мир заявил о себе во всех странах, где живут русские»	Главная тема 10 Большое видится на расстоянии 20 Казак Луганский Наследие 26 Наследие Лихачева 32 Завещание патриарха	Ситуации 36 Изюминка внутри большого пирога 43 Русский язык в Армении: на пути к статусу 46 Всем миром 54 Русские архитекторы в Лондоне	Люди и время 58 На роду написано 66 Такая работа, земля 74 Чтобы жить культурно... 82 Визуальный язык эпохи

84 | Экспедиция

Хозяева
Кольской
тундры

88 | Города

Третья столица

94 | Зарисовки жизни

Ошибка
Толика Дзена

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Жанна ВАСИЛЬЕВА
Павел ВАСИЛЬЕВ
Василий ЖУРАВЛЕВ
Зинаида КУРБАТОВА
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Людмила ЛУНИНА
Алексей МАКЕЕВ
Лариса МАРИУПОЛЬСКАЯ
Елена ПРИВЕН
Оксана ПРИЛЕПИНА
Евгений РЕЗЕПОВ
Наталья ШЕРГИНА

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

**«Я БЫ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ
РУССКИЙ МИР ЗАЯВИЛ
О СЕБЕ ВО ВСЕХ СТРАНАХ,
ГДЕ ЖИВУТ РУССКИЕ»»**

Накануне открытия Третьей Ассамблеи Русского мира исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Алексеевич Никонов рассказал журналу «Русский мир.ru» об итогах деятельности за истекший период и о планах фонда на будущее.

Вячеслав Алексеевич, в этом году проходит уже третья Ассамблея Русского мира.

Пожалуй, отличие нынешнего года состоит прежде всего в том, что он – год кризисный. Как это отразилось на работе фонда «Русский мир», в частности на темпах открытия Русских центров по всему миру? Этих центров сейчас, как мы знаем, насчитывается уже 40.

– Конечно, в какой-то степени отразилось. Прежде всего через девальвацию рубля. Фонду удалось отстоять бюджет, несмотря на кризисный год, что я считаю одним из важнейших достижений – это было непросто. Здесь я хотел бы выразить благодарность большому числу представителей правительства, Государственной думы, которые приняли самое непосредственное участие в судьбе фонда, помогли отстоять бюджетные позиции.

Но спастись от девальвации рубля все равно было невозможно, поскольку большая часть затрат фонда осуществляется в валюте, так что падение курса рубля сказалось на наших возможностях. Но, в общем, кризис, если считать, что мы его уже прошли, для фонда был не очень болезненным. Практически мы не снижали темпов открытия центров Русского мира, но нам в какой-то степени пришлось сократить расходы на грантовую деятельность, поскольку она во многом осуществляется в валюте.

В целом я считаю, что кризис мы прошли достаточно успешно. Повторяю – если он уже действительно закончился.

– По поводу грантов. Для России, когда фонд только образовывался, это было совершенно новое направление. То есть частные структуры это практиковали, но государственные в общем-то не занимались этим вовсе. Тем не менее, насколько можно наблюдать, в том числе изнутри фонда, не без проблем проходит согласование всех бюрократических вопросов. Российское законодательство не очень заточено – это мягко говоря – под такую деятельность. Масса вопросов просто препятствует деятельности фонда и, по большому счету, работает против России и ее образа за рубежом.

– Проблема в том, что в своей грантовой деятельности фонд во многом идет по правовой целине. До сих пор, согласно букве российского законодательства, гранты – это то, что приходит в Российскую Федерацию извне. Законодательство писалось в памятные 90-е годы, когда многочисленные зарубежные организации поддерживали те или иные российские структуры. Под грантом понималось именно это. Поэтому правовое регулирование подобной деятельности минимальное, мы основываемся в своей работе на той части Гражданского кодекса, которая относится к пожертвованиям. Так что правовая база не разработана.

Здесь действительно много спорных вопросов. Порой приходится слышать замечания, что процедура представления отчетности по грантам чрезмерно забюрократизирована. В чем-то я соглашусь, хотя никто не может нам четко сказать, насколько достаточна или недостаточ-

на та информация, которую требует фонд по поводу предоставления грантов. Мы это выясняем путем проб и ошибок. В то же время я не могу сказать, что по характеру запрашиваемой документации мы сильно отличаемся от иностранных структур, выдающих гранты. Во всяком случае, грант-менеджеры нашего фонда пришли к нам на работу из зарубежных фондов. И они могут сравнивать. Так вот, подобные сравнения показывают, что различий не так уж много.

– Если судить по этим же бюрократическим параметрам, насколько трудно работать, скажем, со странами СНГ и странами дальнего зарубежья?

– Вообще сложно работать с Русским миром. Потому что он довольно неформализованный и не очень привык действовать в рамках какой-то бюджетной отчетности. Очень много «импрессионизма».

– Ну, это и его сильная черта, наверное...

– ...И любая бюрократия в Русском мире как таковая вызывает острое чувство протеста, поэтому, думаю, оно общее для всех стран, где Русский мир существует. Я не вижу большой концептуальной разницы между странами СНГ или странами европейскими. В европейских организациях, если это организации с определенной историей, проблем, связанных с нашей бюрократией, не возникает. Потому что они знают, что нужно, а что не нужно. Другое дело, когда наши грант-менеджеры требуют документы, которые в соответствующей стране обычно не спрашивают и там просто не знают,

что это такое. Так что каждый случай в отдельной стране, конечно, уникален. Мы накапливаем опыт, надо учитывать специфику каждой страны, законодательство каждой страны. Более того, мы подписываем порой договоры, основанные на законодательстве других стран, а не только Российской Федерации, потому что некоторые вопросы либо вообще не регулируются нашим законодательством, либо гораздо лучше регулируются законодательством других стран.

– Часто ли приходится сталкиваться со случаями политической настороженности в отношении деятельности фонда, когда кто-нибудь видит за этим «руку Москвы»?

– Конечно, с этим приходится сталкиваться. Когда мы направили предложение об открытии нашего центра одному из уважаемых японских университетов, то получили

учающих русский язык хотя бы на постсоветском пространстве – уже позади? Спад замедлился, прекратился или, наоборот, уже наблюдается повышение интереса к русскому языку, появление новых точек роста интереса к нему?

– Спад, безусловно, преодолен. С начала этого десятилетия наблюдается рост интереса к русскому языку, который сопровождает рост российской экономики и восстановление Россией своих позиций на международной арене.

Речь идет не только о бывшем Советском Союзе. Можно говорить о мире в целом. В странах СНГ, за исключением, пожалуй, лишь Украины и в какой-то степени Молдавии и Грузии, во всех остальных странах за последние годы был очевидный прогресс и в числе людей, изучающих русский язык, и в плане возобновления интереса к русскому язы-

– В Китае пока не сумасшедшие цифры. Но, естественно, если брать рост, то он действительно сумасшедший. Это рост в разы числа студентов, изучающих русский язык.

Но даже если мы возьмем страны Запада, то закрытие кафедр русистики, сворачивание программ изучения России, которое наблюдалось повсеместно в 90-е годы, – всё это, конечно, прекратилось. Число студентов, специализирующихся на России, растет практически во всех странах.

Но есть и большие зияющие лакуны, где русский язык изучается плохо. Сейчас, естественно, это африканские, латиноамериканские страны. Там проблем много.

– В этой связи как «Русский мир» будет – и будет ли – модифицировать свою деятельность, в том числе грантовую, будет ли сделан акцент на разработке дистанционных программ по изучению русского языка?

– Мы создаем дистанционные программы. В том числе некоторые из них можно использовать, выходя на сайт «Русского мира». Мы поддерживаем разные программы для онлайн-обучения русскому языку. Но это далеко не единственное направление нашей работы. Есть и поддержка национальных усилий, усилий отдельных государств в области развития системы школ, где преподавание ведется на русском языке или преподается русский язык. С той же Киргизией мы сотрудничаем не только по созданию учебника русского языка для киргизских школ, но и, возможно, по изданию этих учебников. С Монголией достигнуты договоренности о том, что мы возьмем на себя подготовку линейки учебников русского языка для монгольских школ. На самом деле фонд своими грантами никогда не может заменить национальную систему образования.

Еще одно направление, на мой взгляд, перспективное, важное, которому мы будем уделять большое внимание, хотя это и очень непросто, – развитие сети русских школ там, где их просто нет.

– Причем удивительно, что их нет даже в тех странах, где существен-

Сложно работать с Русским миром.

Он довольно неформализованный

и не очень привык действовать

в рамках бюджетной отчетности.

Очень много «импрессионизма».

ответ, в котором был перечень адресованных нам вопросов, и первый из них звучал так: сколько сотрудников КГБ будет работать в этом центре? Поэтому говорить о том, что никакой настороженности нет, ни в коем случае нельзя. При этом ведь хорошо известно, что никто из собственно сотрудников фонда работать в этом центре не будет. Там работают представители самого университета, которых руководство этого университета само назначит на эту работу.

Да, есть, конечно, известные опасения в некоторых странах. Но надо сказать, что это небольшая группа стран, которые в общем-то понятны. Это страны, где распространение русского языка рассматривается как угроза национальным интересам.

– Как раз вопрос по поводу русского языка. Можно ли сказать, что постсоветский кризис спада интереса к русскому языку, падение числа из-

ку в школах. Так, в Казахстане все изучают русский язык в школах. В Киргизии принято решение о заметном увеличении преподавания русского языка. В Армении введена норма, согласно которой знание русского языка является обязательным для поступления в вузы Армении. Это всё новое.

Если мы рассмотрим бывшие страны так называемого социалистического лагеря, то там был катастрофический спад интереса к русскому языку в 90-е годы. Например, в Польше русский язык стал шестнадцатым по изучению в учебных заведениях, в Болгарии – четырнадцатым. И в Болгарии, и в Польше он сейчас второй. В Монголии в этом году уже принято решение о том, что русский язык в перспективе будет обязательным для изучения в школах, с седьмого по одиннадцатый класс.

– В Китае – Год русского языка. Там вообще сумасшедшие цифры.

ные русские диаспоры, – в Черногории или Испании.

– Именно так. Это сопряжено с целым рядом проблем и финансового, и организационного, и содержательного свойства. Проблема первая заключается в том, что такого рода деятельность должна лицензироваться. В странах Европейского союза, например, должна быть лицензия на преподавание.

Вторая проблема – проблема помещений для этих школ. Это действительно большие затраты.

Третья проблема – учебники для этих школ, которые должны соответствовать нормам соответствующих стран или нормам Европейского союза. Просто учебники из Москвы для этой цели не годятся. Далеко не всегда годятся.

Четвертое – проблема диплома. Родители, отдавая детей в школу, всегда прежде всего исходят из того, какой диплом получит ребенок и что он будет с ним делать. Можно ли с этим дипломом поступить в Оксфорд или в МГУ или этот диплом потребует еще какого-то подтверждения.

Если эти проблемы все вместе решены, тогда возможно открытие школ. К тому же значительная часть русскоязычной диаспоры не располагает достаточными средствами, чтобы отправлять детей в частные школы. Но интерес к этому есть. И есть интересные примеры. Так, я не столь давно ознакомился с работой школы, которая действует по принципу пансиона, интерната, если хотите, на Мальте. Там уже двенадцать лет реально функционирует школа, имея лицензию Европейского союза, выдает дипломы, которые подтверждаются Министерством образования Российской Федерации. Проблема в том, что детей в этом году заставили ехать в Москву – сдавать ЕГЭ. Что создало довольно большую проблему.

– За свой счет?

– Естественно. Но это школа, в которой учатся русскоязычные дети из самых разных стран: грубо говоря, узбеки из Франции или украинцы из Италии и так далее. Иными словами, опыт есть, и я считаю,

что его нужно распространять. Это очень важное направление.

В сентябре этого года в Вене проходил семинар, во многом посвященный проблемам русскоязычного образования, где мы презентовали линейку учебников для первого класса, которые уже применимы в школах Европейского союза, отвечают всем европейским нормам – от цветности до количества часов на те или иные предметы. Так что работа начата, и она будет продолжена. Без этого трудно делать следующие шаги. Интерес к созданию таких школ есть, он растет, и диаспоры проявляют все большую активность в этом вопросе. На семинаре в Вене принимали участие представители 27 стран.

– Следующий год будет годом 65-летия победы в Великой Отечественной войне. Фонд «Русский мир» собирается участвовать в подготовке

– Имеется в виду – инициированные нашими соотечественниками?

– Да. Но также и проекты, инициированные не обязательно соотечественниками, но людьми, которые чувствуют свою причастность к этой победе и относят себя к этому широкому понятию – «Русский мир».

Кроме того, мы не исключаем просто поддержки отдельных инициатив организаций, граждан, которые так или иначе откликнутся на юбилей в тех странах, где они проживают.

– Последний вопрос: каким бы вы видели фонд «Русский мир» и его деятельность лет через десять?

– Я бы хотел, чтобы фонд «Русский мир» заявил о себе во всех без исключения странах земного шара, где живут русские, русскоязычные, где изучается Россия. Для этого, конечно, фонд должен иметь

Еще одно направление, перспективное,

важное, которому мы будем

уделять большое внимание,

хотя это и очень непросто, – развитие

сети русских школ там, где их просто нет.

этого юбилея. На чем были сделаны акценты?

– Прежде всего мы инициируем собственную программу, связанную с сохранением памяти о Второй мировой войне, о Великой Отечественной войне в зарубежных странах. Огромное число наших соотечественников, которые сейчас проживают в разных уголках земного шара, хранят память об этих событиях. Там находится большое количество артефактов – от памятников до фронтовых писем. Нужно вспомнить все это, создать базу данных, вспомнить каждого. Это было бы очень важной программой, и мы постараемся эту программу развернуть в преддверии 65-й годовщины великой Победы. Это также позволит выявить и разного рода интересные проекты, которые могут быть поддержаны фондом. Проекты, связанные именно с сохранением памяти...

уже достаточную материальную базу, быть инициатором развития сети школ, которые существуют во всем мире, иметь центры во всех крупнейших университетах земного шара, во всех крупнейших библиотеках и большую сеть соратников, сторонников во всем мире, объединенную огромной, глобальной социальной сетью в Интернете.

И, конечно, хотелось бы, чтобы к тому времени бюджет фонда «Русский мир» немного приблизился к бюджету крупных и уважаемых фондов, которые работают на этом поле в Великобритании или Германии. Сегодня British Council, выполняющий аналогичные функции, имеет бюджет приблизительно в пятьдесят раз больше, чем бюджет фонда «Русский мир» при сопоставимых размерах экономики России и Великобритании. ■

Беседовал Георгий Бовт

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

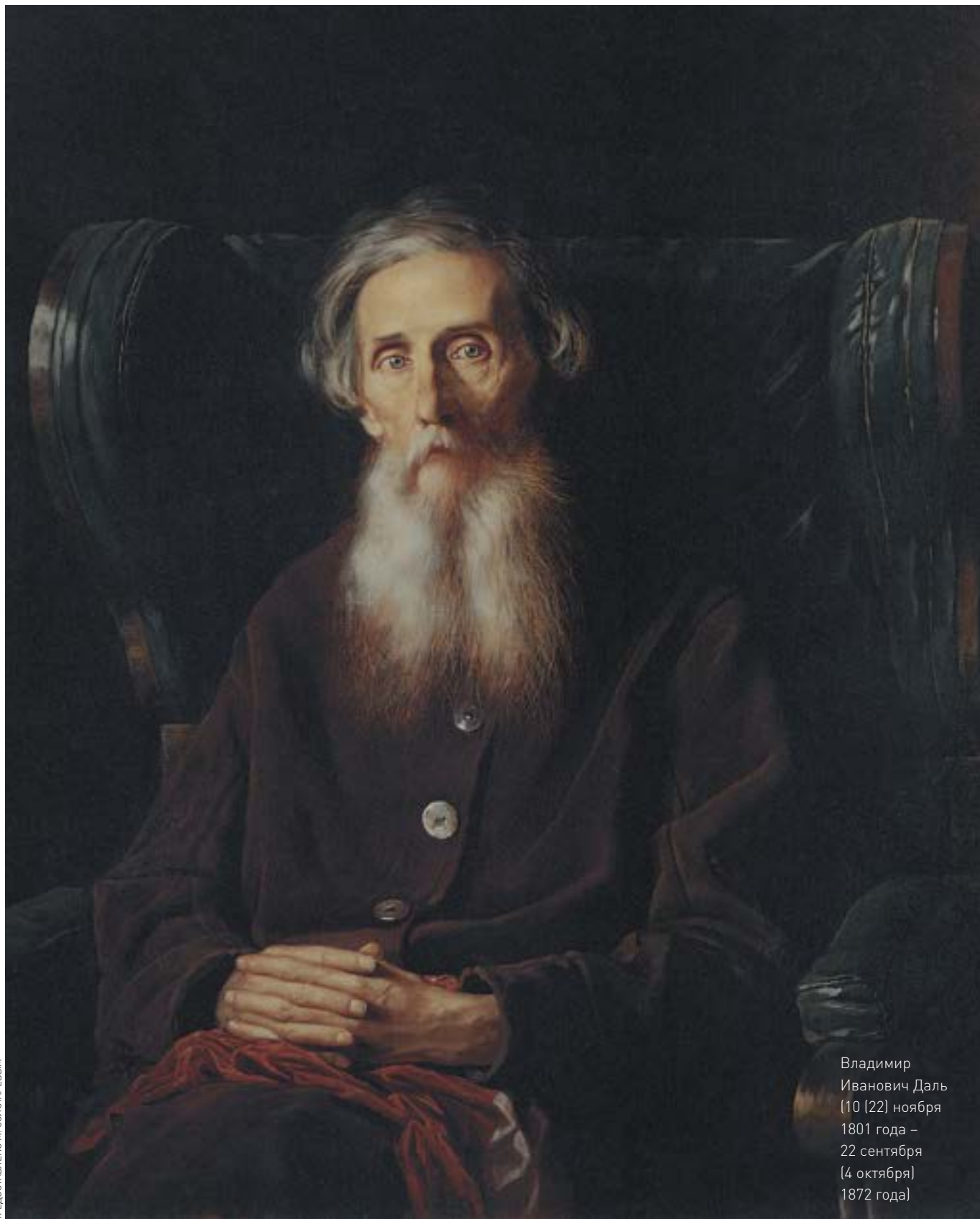
Ирина Лукьянова

Чуть не любой спор на тему «есть такое слово или нет», «можно так сказать или нельзя» в конечном счете оканчивается апелляцией к Далю: у него все есть. Полная коллекция русских слов как коллекция бабочек: обширная, разноцветная, включающая вымершие к нашему дню виды и редкие мутации. Коллекционер и классификатор – роль во всякой национальной культуре важная. Даль, однако, для российской культуры был больше, чем коллекционер и классификатор.

РУССКИЙ ЛЕКСИКОГРАФ, ОДАРИВШИЙ Россию полным словарем ее языка, даже и русским по крови не был – хотя, несомненно, был русским по духу. Отец его, датчанин Йохан Христиан фон Даль, был по образованию филологом и богословом. В Россию его позвала Екатерина II служить придворным библиотекарем, однако он понял, что больше пользы может принести как врач. Вернулся в Йену, выучился на доктора и вновь отправился в Россию. Работая врачом в Луганске, он боролся с антисанитарией, занимался профилактикой инфекций, устроил лазарет для рабочих. Затем семья переехала в Николаев. Мать Даля, Мария Фрейтаг, дочь немца и беглой француженки-гугенотки, владела пятью

языками. Йохан Даль знал семь языков, в том числе древнееврейский. Владимир унаследовал родительские таланты в полной мере. Дети – а их в семье было шестеро – получали образование дома. Мать учила их и наукам, и рукоделию. Дочь Владимира Ивановича Екатерина писала: «Часто он говаривал, что никогда не быть бы ему таким искусным хирургом, если бы пальцы его не были приучены к мелкой женской работе». Даль очень любил мать и писал о ней: «Мать разумным и мягким обращением своим, а более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало, окрепнувшее с годами и не покидавшее меня во всю жизнь... Я сознаю это благое влияние материнского воспитания, и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же».

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Владимир
Иванович Даль
(10 (22) ноября
1801 года –
22 сентября
(4 октября)
1872 года)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мальчик писал стихи и проявлял, скорее, гуманитарные таланты, однако в 13 лет вместе с младшим братом, Карлом, отправился в телеге из Николаева в Петербург учиться в престижном Морском кадетском корпусе. Среди одноклассников и друзей Даля были будущий адмирал Нахимов, будущие герои сражения в Наваринской бухте Станицкий, Завалишин (ставший декабристом) и Рыкачев, автор воспоминаний «Год Наварина»... Владимир учился очень хорошо: был двенадцатым по успеваемости, но корпус не любил, бездушное и казенное воспитание претило

ему. Впоследствии он написал о своих юношеских годах повесть «Мичман Поцелуев». Главный герой ее, Смарагд Поцелуев, «жаждал познаний, душа его требовала постоянных, урочных и полезных занятий – а между тем он носил ее с собою в караул, на знаменитую гауптвахту в молдавском доме, иногда на переключку в казармы у вольного дока, носил как гостью, как чужую, и сам видел, что этой пищи было для него недостаточно». Время учебы в корпусе Даль называл «убитыми годами». Учебное плавание по портам Балтийского моря в 1817 году убедило его в том, что море – не его призвание. Хотя бриг «Феникс» был прекрасен, командовал им один из лучших флотских командиров, лейтенант Дохтуров, программа практики была чрезвычайно обширна и включала знакомство с городами и жизнью иностранных гардемарин. Двенадцать лучших учеников, взятых в плавание, должны были вести дневники, куда записывали впечатления. Вот писательство Владимиру было интересно (кстати, он еще во время учебы в корпусе собрал словарь кадетского жаргона из 34 слов). В программе практики был заход в Копенгаген; Даль очень ожидал встречи с родиной предков, но в Дании убедился, что родина его Россия, что с Данией у него нет ничего общего. Окончив курс и получив звание мичмана, он попросился служить на Черном море, в Николаеве, где еще жила его семья. Отправился через всю Россию к месту службы на лошадах, как тогда и путешествовали. «На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотоле не слышал», – писал Даль, а Мельников-Печерский рассказал в своих воспоминаниях случай, который вошел даже в школьные учебники русского языка: «Ям-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.А. Зенф (?).
Портрет
В.И. Даля

щик... поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо – верный признак перемены к теплу. «Замолаживает!» – сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на холод, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет: «Замолаживает – иначе пасмурнеет – в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью...»

Далю тогда едва шел восемнадцатый год. Так началась работа над словарем, которая длилась более полувека.

Поиски себя

В 1821 году умер отец семейства, Иван Матвеевич, как его звали по-русски. Большая семья осталась почти без средств к существованию: старшие братья были юны и только начинали карьеру, младшие еще не вышли из детского возраста. Брата Льва взял в свой полк муж старшей сестры; мать с братом Павлом уехала в Дерпт и зарабатывала там репетиторством.

В 1823 году у Владимира Даля случилась крупная неприятность. Он написал хлесткую эпиграмму на главнокомандующего Черноморским флотом вице-адмирала Грейга, эпиграмма широко разошлась по городу, и начальство решило принять меры. При обыске у Даля обнаружили рукописный черновик стихотворения, так что молодого моряка разжаловали в матросы и посадили на полгода под арест. Затем суд его оправдал, ему присвоили следующий чин, лейтенанта, но оставаться в Николаеве Владимир Иванович не мог: Грейг препятствовал его продвижению по службе. Даль перевелся в Кронштадт, а в 1826 году, отслужив положенные 7 лет отработки обучения за казенный счет, он вышел в отставку. Он еще и качки не выносил.

Двадцать пять лет, отставка, ни дела в руках, ни дохода – по сути, надо начинать жизнь заново. Он уехал в Дерпт к матери и там поступил в университет на медицинский факультет. Зарабатывал частными уроками русского языка, жил на чердаке, однако свои студенческие годы всегда вспоминал добром: «Каждый сам располагает собою и временем своим как ему лучше, удобнее, наконец, как хочется... Нас не секли,

«НА ЭТОЙ ПЕРВОЙ ПОЕЗДКЕ МОЕЙ ПО РУСИ Я ПОЛОЖИЛ БЕССОЗНАТЕЛЬНО ОСНОВАНИЕ К МОЕМУ СЛОВАРЮ, ЗАПИСЫВАЯ КАЖДОЕ СЛОВО, КОТОРОЕ ДО ТОЛЕ НЕ СЛЫШАЛ».

не привязывали к ножке стола... Это не школа, здесь нет розог, нет неволи». Здесь уже его однокурсником был Николай Пирогов, будущее светило хирургии и друг Даля на всю жизнь.

Даль продолжал писать стихи и маленькие комедии, причем стихи его в первый раз появились в печати в журнале «Славянин», который издавал Воейков. Именно в это время студент-медик вошел в литературные круги и свел знакомство с известными литераторами, в том числе с Жуковским и Языковым.

Молниеносный хирург

В 1828 году в мирные планы Даля вмешалась русско-турецкая война. Всех медиков, которые учились за казенный счет, отправили на фронт фельдшерами. Далю, отличному студенту-энциклопедисту, позволили в виде исключения сдать экзамены досрочно и ехать в армию вра-

Н.И. Пирогов

Д.И. Завалишин

П.С. Нахимов

чом; он блестяще сдал экзамены – и на степень доктора не только медицины, но и хирургии. В армии новоиспеченный хирург получил большую практику и огромный опыт. После того как русские войска заняли крепость Силистрия, на поле боя осталось две тысячи раненых, и Даль, уже чуть не падавший от усталости, «резал, перевязывал, вынимал пули»... За турецкую кампанию он получил орден Св. Анны.

Солдатики в госпиталь попадали из всех уголков России, и чуткое ухо доктора продолжало автоматически ловить интересные словечки. «Речь простолудина, – замечал тогда Владимир Иванович, – с ее своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определительностью, и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди». Он постоянно собирал новые слова, пословицы, сказки. Даль писал: «Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка...» Записи свои он возил в тюках на верблюде, который однажды пропал. Даль был безутешен – однако через 11 дней казаки привели к нему отбитого у турок верблюда вместе со всеми драгоценными записями.

лантивный врач, как некогда и его отец, воевал с казнокрадством, антисанитарией, бюрократизмом (кое-что из его опыта воплотилось в повести «Вакх Сидоров Чайкин»).

Мельников-Печерский пишет о годах его работы в госпитале: «Здесь он трудился неутомимо и вскоре приобрел известность замечательного хирурга, особенно же окулиста. Он сделал на своем веку более сорока одних операций снятия катаракты, и все вполне успешно. Замечательно, что у него левая рука была развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать и делать все, что угодно, как правою. ...Самые знаменитые в Петербурге операторы приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удобнее левою рукой».

Сказочник

В столице у него было больше времени заниматься литературой и больше возможностей печататься. Бывший моряк, хирург, он вошел теперь в круг литераторов, познакомился и подружился с Пушкиным, Крыловым, Гоголем, Одоевским. Первая повесть Даля, под названием «Цыганка», вышла в еще 1830 году; в 1832-м он издал книгу лично собранных и пересказанных сказок с кучерявым названием: «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казакон Владимиром Луганским. Пяток первый». Писатели приветствовали новую книгу, Пушкин горячо обсуждал с ее автором красоту и поэзию русского фольклора. Однако Фаддей Булгарин усмотрел в ней насмешки над правительством и цензурщиц и написал донос. Книгу запретили, а самого Даля взяли в печально известное Третье отделение. За него заступился Жуковский, служивший при дворе. Николай I опять сыграл роль доброго царя: Даля освободили уже через несколько часов. Более того, освободили и от предстоящей тяжелой командировки на эпидемию глазной болезни в военно-сиротских заведениях: царь счел, что это будет уж очень похоже на ссылку. Но вскоре Даль оставил не только Петербург, но и медицину: оставаться в госпитале, где с попустительством начальства творились безобразия, он уже не мог и не хотел. Он попросил о помощи Жуковского, тот переговорил со своим другом Василием Перовским, военным губернатором Оренбурга и братом писателя Алексея Перовского (мы его знаем как автора «Черной курицы» Антония Погорельского). Губернатор предложил Далю место чиновника особых поручений. Эта работа под началом человека образованного и мыслящего означала свободу от утомительной казенщины. Перед отъездом в Оренбург Даль женился на 17-летней Юлии

В ВОЕННО-СУХОПУТНОМ ГОСПИТАЛЕ В ПЕТЕРБУРГЕ ЕГО ПРОЗВАЛИ «МОЛНИЕНОСНЫМ ХИРУРГОМ»: НА СТОЛЕ У ДАЛЯ НИ ОДИН РАНЕНЫЙ НЕ УМЕР ОТ БОЛЕВОГО ШОКА.

Даже после войны Даль продолжал работать в опасных местах. В 1831-м лечил холерных больных и занимался профилактикой распространения холеры; врачей на холере и тогда, и позже бунтующий народ мог убить. Затем он оказался в Польше, на подавлении восстания. Здесь он отличился: когда войскам нужно было перебраться на другой берег Вислы, но инженера для постройки моста не было, доктор Даль сам создал понтонный мост, защищал его, пока войска переправлялись, и затем разрушил. Начальство вместо благодарности объявило ему выговор: врач должен раненых лечить, а не мосты строить; однако император Николай I наградил Даля орденом Св. Владимира с бантом. После войны Владимир Иванович пошел работать ординатором в военно-сухопутный госпиталь в Петербурге. Здесь его прозвали «молниеносным хирургом»: наркоза еще не было, операции делали по живому, но на столе у Даля ни один раненый не умер от болевого шока. При этом та-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Андре. Когда в Оренбург приезжал Пушкин, собирая материалы о Пугачевском бунте, Даль несколько дней ездил вместе с ним. В воспоминаниях Даля о Пушкине есть уморительный эпизод: поэт расспрашивал старожилов о Пугачеве и одарил одну старуху, которая ему особенно много рассказала, золотым червонцем. Местные жители испугались, отвезли старуху с ее червонцем к начальству и наябедничали: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Антихрист Пушкин, который обычно отпускал длинные ногти, немало смеялся. Кстати, именно Даль подарил Пушкину сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Пушкин написал Дально на новенькой книжке: «Твоя от твоих. Сказочнику Дально от сказочника Пушкина». К вопросу о том, каким Даль был сказочником: «Курочку Рябу» именно он написал.

Натуралист и этнограф

По службе Даль много ездил по губернии и встречал самых разных людей. Он внимательно вглядывался в необычную для него азиатскую, степную жизнь. Он написал повесть о башкирах и повесть о казахах. Собрал две богатые коллекции флоры и фауны губернии, которые получили высокую оценку Академии наук. Замысел «Толкового словаря» тоже вызрел в Оренбурге.

При этом Даль продолжал оперировать – за семь лет своей службы в Оренбуржье он бесплатно сделал более 50 операций на глазах.

Город стоял на пути из России на восток и был центром торговли со Средней Азией; Даль увлекся востоковедением, тюркскими языками, которые заинтересовали его еще в русско-турецкую войну. Его описания особенностей тюркских языков – едва ли не первые лингвистические работы в русской тюркологии. Даль собирал старинные тюркские рукописи, одну из которых, редкое и ценное историческое сочинение XVII века, тоже передал Академии наук.

Он основал в Оренбурге естественно-научный музей, перевел на русский язык с немецкого «Естественную историю Оренбургского края» Эверсмана и приобрел такие обширные познания в области биологии, что по возвращении в Петербург начал работу над учебниками для военно-учебных заведений. Его «Зоологию» и «Ботанику» высоко оценили и преподаватели, и ученые. В 1838 году Петербургская Академия наук избрала Даля своим членом-корреспондентом за его естественно-научные труды.

Свидетель

В 1836 году Даль ненадолго приехал в Петербург.

П.И. Мельников-Печерский рассказывал: «Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски – выползина.

Д. Белюкин.
«Смерть
Пушкина»

К.П. Брюллов.
В.А. Перовский
в форме
Оренбургского
казацкого
войска

предоставлено М. Золотаревым

Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Дально: «Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!..» На другой день Пушкин пришел к Дально в новом сюртуке. «Какова выползина! – сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. – Ну, из

мал: вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни; здесь, где душа рвется из тела, где живое, мыслящее совершает страшный переход в мертвое и безответное, чего не найдешь ни в толстых книгах, ни на кафедре!» Именно в эти часы Пушкин перешел с Далем на ты – навсегда. Впадая в забытие, поэт брал друга за руку и звал – пойдем, пойдем со мной, выше! Приходя в себя, рассказывал: мне показалось, что мы лезем с тобой по книжным полкам... И снова звал – подними меня, пойдем, пойдем! Даль сохранил последние слова Пушкина: «Кончена жизнь» – и «тяжело дышать, давит». И слышал его тихий, незаметный последний вздох. Пушкин завещал другу свой перстень с изумрудом, который называл своим талисманом, и простреленный сюртук, ту самую «выползину»; похоронили поэта в сюртуке его друга Нащокина. Понимая ценность этих реликвий, Даль заботился о том, чтобы сберечь их для потомства; и перстень, и сюртук сейчас находятся в Музее Пушкина на Мойке.

Управленец

В Оренбурге родились сын и дочь Даля. После рождения дочери умерла жена. Даль остался вдовцом с двумя малыми детьми. В 1839 году Даль принял участие в походе против хивинского хана, который окончился трагедией: большая часть войска не вернулась обратно. Остаться в Оренбурге он больше не собирался: Перовский, измученный неудачным походом, уходил в отставку, и его команда, как сейчас говорят, задумывалась о новых местах службы.

В 1840 году Даль снова женился – на Екатерине Соколовой, и в 1841 году переехал в Петербург. Вторая жена родила ему трех девочек.

В столице он продолжал свои естественнонаучные изыскания – работал над учебниками, писал для журналов статьи о повадках животных. Писал повести и рассказы, много публиковался и именно в это время стал известным писателем. Работал он теперь начальником особой канцелярии Министерства внутренних дел; министром был третий брат Перовский – Лев.

К этому времени Даль уже дослужился до статского советника; он довольно много сделал для совершенствования системы больницы, создал и ввел в Петербурге «городовое положение», написал исследование о скопческой ереси. Пользуясь своим служебным положением, Даль придал своей работе над словарем всероссийский масштаб: он мог рассылать запросы в регионы и получать материалы с мест. Писцы их переписывали и сортировали по губерниям; один из служащих канцелярии писал потом, что «самый воздух в ней был пресыщен филологией».

«У СТОЛИЧНЫХ ЧИНОВНИКОВ ДАЖЕ НЕТ И ПОНЯТИЯ О ТОЙ ГРЯЗИ, С КОТОРОЙ МЫ ВОЗИМСЯ. НО УНЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ, А НАДО БОРОТЬСЯ ДЕНЬ И НОЧЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА».

этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу...».

Когда Даль услышал, что Пушкин ранен на дуэли, немедленно помчался к нему. Как врач и как друг, он стоял у постели Пушкина, которому тогда медицина ничем не могла помочь. Он просидел с умирающим всю ночь, поил с ложечки, подавал лед – у поэта был жар. Даль подробно описал эти тяжкие часы для потомства – пушкинскую тоску и боль, смирение и готовность встретить смерть. «Ужас невольно обдавал меня с головы до ног, – я сидел, не смеядохнуть, и ду-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Гости у Далея собирались по четвергам. И были они замечательные, цвет страны: мореплаватель Врангель, хирург Пирогов, актер Щепкин, поэт Шевченко, писатель Одоевский. На одном из таких «четвергов» родилась идея создания Русского географического общества.

В 1847 году Даль попросил читателей журнала «Отечественные записки» присылать ему народные слова, сказки, пословицы, описания праздников. Общество откликнулось – материалы ему присылали многие литераторы, ученые, чиновники.

Вот это еще в нем замечательно: он не только собиратель, писатель, доктор – но и неутомимый, опытный, умелый организатор; не только в лексикологии, но и в лечебном деле, и в этнографии, и в изучении естественных наук; не только самому узнать, но и поставить дело так, чтобы принести максимальную общественную пользу, – вот доминанта его служения.

Защитник

В 1848 году в «Москвитянине» вышла маленькая повесть «Ворожейка» о цыганке-мошеннице. Кончалась она словами: «Власти, как всегда, бездействовали». Повесть очень не понравилась царю: от литератора это стерпеть можно, от чиновника – уже никак. Царь велел поставить автору на вид. Министр Перовский сказал Дально афористически: «Выбирай что-нибудь одно: писать – так не служить; служить – так не писать». Деваться было некуда – Даль попросился в провинцию. Он хорошо помнил предыдущий арест с обыском – и заходя сжег все свои бумаги, о чем потом жалел. Он уехал в Нижний Новгород управлять удельной конторой – ведать делами крестьян, принадлежащих царской семье. В губернии их было 37 тысяч, и нового управляющего ожидало бескрайнее море бед и проблем. Даль писал друзьям: «У столичных чиновников даже нет и понятия о той грязи, с которой мы возимся. Но унывать нельзя, а надо бороться день и ночь до последнего вздоха». Здесь он чем только не занимался: от систематизации сведений о губернии до собственноручного выдергивания больших зубов крестьянам! И все это время он продолжал работать над словарем. Бродил с записной книжкой по Нижегородской ярмарке, собирал, классифицировал; писцы писали, длинные списки слов укладывались в коробочки... В Нижнем же он опубликовал статью «О наречиях русского языка», несколько статей о вреде одной грамотности без просвещения и сотню очерков из русской жизни (потом он издал их отдельной книгой).

Когда в 1853 году началась очередная русско-турецкая война, Даль создал в Нижнем Новгороде добровольческий полк, один из первых в России, и в составе этого полка на фронт поехал его сын Лев.

С ранних лет Даль не выносил несправедливости и дурного устройства дел, поэтому постоянно ссорился с начальством. В Нижнем он конфликтовал с губернатором, которому прямым текстом однажды написал: «Чиновники Ваши и полиция делают, что хотят, любимцы и опричники не судимы. Произвол и беззаконие господствуют нагло, гласно». Отношения с губернатором обострились, и наконец после очередной ссоры с ним Даль подал в отставку. Служить в условиях тотальной неправды и несвободы ему надоело. Он хотел заниматься своим делом – словарем. В Нижнем он закончил обработку материалов до буквы П включительно.

Лексикограф и писатель

В 1859 году семья Даля переехала в Москву. Здесь его уже ничто не отвлекало от словарной работы. Наконец он выступил с докладом о ней

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Главное здание Юрьевского (Дерптского) университета

на заседании Общества любителей российской словесности; Общество признало работу важной и решило изыскать средства для публикации словаря. К этому времени Даль разбирался в словечках, диалектах, акцентах как русский профессор Хиггинс, куда позднее придуманный Шоу; поговору он безошибочно определял происхождение человека – и однажды неожиданно вывел на чистую воду двух бродяг с фальшивы-

тынь; говорил на украинском, польском, белорусском; в Оренбурге научился объясняться с татарами, казахами и башкирами на их языках. Зная несколько славянских языков, смог читать и на других – болгарском и сербском. Публикация словаря началась в 1861 году и продолжалась семь лет; в 1862-м вышел в свет второй фундаментальный труд – «Пословицы русского народа», появилось его Полное собрание сочинений.

Работу Даля страна оценила по заслугам: он стал почетным членом Петербургской Академии наук, Общества любителей российской словесности, Императорской Академии наук... Вообще, к концу жизни награды посыпались на Даля как из рога изобилия; сам он оставался человеком скромным и перечислять свои орден и регалии не любил. Составляя их перечень по просьбе академика Грота, Даль писал: «Сам испугался учености своей, переписав все почеты эти... Да для чего вам все это, право, не понимаю... Судите дело, а личность откиньте, что вам до нее?» Ученые-языковеды, однако, считали труд Даля далеко не безупречным. Сергей Булич, автор статьи о Дале в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, отзываясь о «Толковом словаре» без всякого пиетета: «Его словарь, памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического... не всегда достоверного». Булич ста-

«РЕЧЬ ПРОСТОЛЮДИНА С ЕЕ СВОЕОБРАЗНЫМИ ОБОРОТАМИ ВСЕГДА ПОЧТИ ОТЛИЧАЛАСЬ КРАТКОСТЬЮ, СЖАТОСТЬЮ, ЯСНОСТЬЮ, ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОСТЬЮ, И В НЕЙ БЫЛО ГОРАЗДО БОЛЬШЕ ЖИЗНИ, ЧЕМ В ЯЗЫКЕ КНИЖНОМ И В ЯЗЫКЕ, КОТОРЫМ ГОВОРЯТ ОБРАЗОВАННЫЕ ЛЮДИ».

ми паспортами, которые пытались выдать себя за вологжан-монахов. Даль собирал материалы для украинского словаря. Знал немецкий, французский, английский; в Дерпте выучил ла-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В. И. Даль

вит Дально в вину отсутствие фундаментального филологического образования, неспособность систематизировать и объяснить собранный материал научно. «В природе Даля, несмотря на естественно-историческое образование, полученное в Дерптском университете, было что-то мешавшее ему сделаться спокойным и точным ученым», – пишет Булич, излагая довольно популярный в научном сообществе начала XX века взгляд на роль Даля в русской лингвистике.

Кажется, «спокойным и точным ученым» Дально мешало сделаться его постоянное стремление действовать, приносить непосредственную пользу здесь и сейчас. Не было описания края – составил; увидел больного крестьянина – прооперировал; коллекцию собрал и подарил академии; нашел любопытный сюжет – передал тому, кто им лучше распорядится; увидел интересное – описал и напечатал. Сюжет Пушкину, песни Киреевскому, сказки Афанасьеву, собрание лубочных картин – Императорской публичной библиотеке... Коллекции, собрания, редкие рукописи раздавал щедро и бескорыстно: берите, пользуйтесь!

Литературное творчество Даля Булич тоже ценит невысоко: «Многочисленные повести и рассказы его страдают отсутствием настоящего художественного творчества, глубокого чувства и широкого взгляда на народ и жизнь. Дальше бытовых картинок, схваченных на лету анекдотов, рассказанных своеобразным языком, бойко,

живо, с известным юмором, иногда впадающим в манерность и прибаутность, Даль не пошел, и главная заслуга его в этой области заключается в широком пользовании этнографическим материалом». А вот иного мнения придерживался Гоголь: «По мне он значительней всех повествователей-изобретателей». Белинский называл его «живой статистикой русского народонаселения». В литературе Даль занимает свою нишу – «физиологического очерка», считается основателем и типичным представителем «натуральной школы». Когда Россия Далья ушла в историю, эти очерки, повести, сказочки, перечислять которые здесь будет слишком долго, стали живым и непосредственным свидетельством канувшей в Лету пестрой и многообразной жизни.

Недаром и в заглавие словаря своего Даль вставил ключевое слово «живой» – «живого великорусского языка». И словарь с его огромным количеством контекстуальных примеров дает полную и подробную картину богатого и щедрого языка; в этом смысле он – произведение более художественное, нежели научное.

Большое, говорят, видится на расстоянии. С расстояния в полтора века, отделяющих нас от первой публикации Даля, уже хорошо видно, какая это громада.

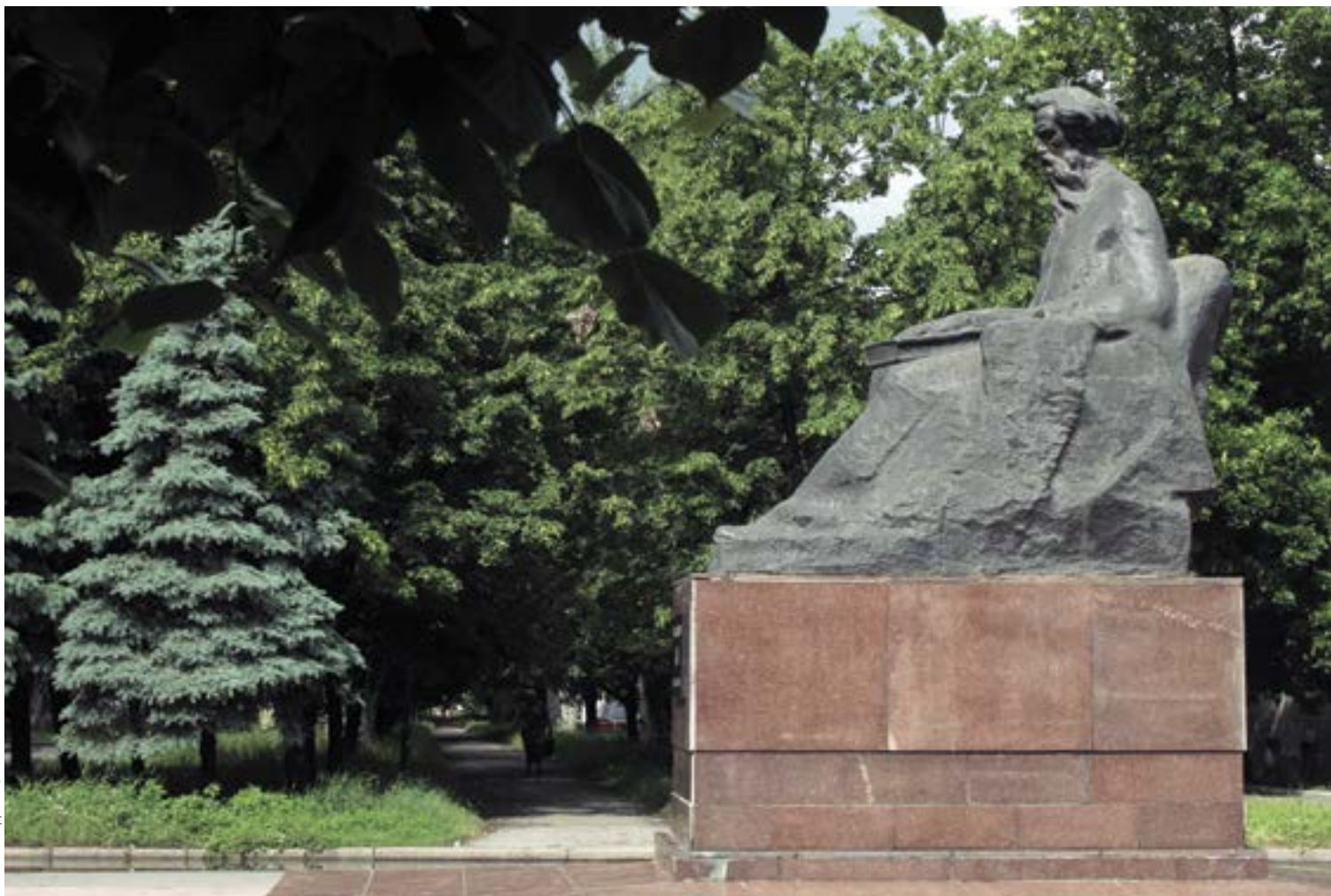
Толковый словарь живого великорусского языка

В.И. Даль составлял «Толковый словарь» 53 года. До сих пор он остается одним из крупнейших и авторитетнейших словарей русского языка. Содержит около 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок и присловий. Последние четыре новых слова, услышанных от прислуги, Даль внес в свой словарь за неделю до смерти.

«...Это не есть трудъ ученый и строго выдержанный; это только сборъ запасовъ изъ живаго языка, не изъ книгъ и безъ ученыхъ ссылокъ; это трудъ не зодчаго, даже не каменщика, а подносчика его; но трудъ цѣлой жизни...» – из речи Даля «О русском словаре», зачитанной в Обществе любителей российской словесности 25 февраля 1860 года.

И не только словарь, но и автор его человек поразительный, возрожденческого масштаба: вышивать, оперировать глаза, сколачивать табуретки, устраивать разумную систему здравоохранения, писать учебники по ботанике и изучать татарский язык – все он умел, все ему давалось. И все его многолетние труды были не для собственной славы, карьеры, богатства. А для чего – сегодня хорошо видно.

Как заспорим, есть в русском языке какая-нибудь «каралька» или нет, – так пожалуйста к Дально. 📖

НИКОЛАЙ СИДОРОВ / КОММЕРСАНТЪ

Елена Привен [Луганск]

КАЗАК ЛУГАНСКИЙ

Тридцать лет жители Луганска добивались создания в своем городе музея Владимира Ивановича Даля. Ведь именно Луганск – родина этого выдающегося русского этнографа, писателя, лексикографа, лингвиста и врача.

И ХОТЯ ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ, РОДИВШИЙСЯ в семье датского лекаря, врачевавшего работников Луганского литейного завода, прожил здесь всего четыре детских года, он на всю жизнь сохранил этот край в своем сердце и увековечил имя города в собственном псевдониме. Даль всегда считал Луганск своей родиной, к которой был сильно привязан. Казак Луганский, Владимир Луганский – так подписывал писатель и ученый свои научные и литературные труды. Энтузиасты из числа профессоров и доцентов луганских институтов, литераторов, музыкантов, врачей, инженеров собирали частные коллекции, изучали наследие Даля. Вполне естественно, что у этих людей возникла общая

мечта – создать музей. В 50-е годы в Луганске было организовано общественное движение в поддержку этой идеи. Сказать, что в советское время реализовать эту мечту было непросто – значит ничего не сказать. Ведь речь шла не о музее героя Гражданской или Великой Отечественной войны. Речь шла о личности полузабытой, к тому же дворянского происхождения да еще известной своими монархическими взглядами. Так что путь был тернистым, трудным и долгим. Только в 1986 году в Луганске открылся первый в СССР музей Владимира Ивановича Даля. До этого еще сумели добиться переименования одной из улиц города, которая до этого носила имя Юного Спартака.

«Это говорит прежде всего об интенсивности культурной жизни региона, об уровне его интеллигенции, его творческой элиты, о ее подвижничестве. Сплоченность этих людей сдвинула горы. Скульптор Илья Овчаренко работал над памятником Далю, который был установлен в 1981-м, с 1950-х годов. Валентин Нестайко, доцент медицинского института, писатель Тарас Рыбас, врач-онколог Юрий Ененко, художники, литераторы – все вместе они смогли сделать почти невозможное. Но и городская власть проявила мужество, потому что идею приходилось отстаивать на государственном уровне, несмотря на противодействие чиновников. Музей начинали с нуля, поэтому понадобились большие средства. И сегодня есть финансовые проблемы, но они решаемы, хотя денег, конечно, всегда не хватает, ведь экспозиция требует обновления, пополнения», – рассказывает заведующая Музеем Владимира Даля Людмила Соколова.

Культурные корни

Людмила Петровна из тех энтузиастов, которые могут рассказывать о Дале часами. С гордостью она говорит о том, что для широкой общественности имя Владимира Даля в середине XX века открыли не в последнюю очередь луганские ученые, литераторы, энтузиасты, изучавшие его жизнь и творчество.

Этот факт имеет большое символическое значение, особенно в связи с бессовестными разговорами о том, что Донецкий край, Луганск якобы были и остаются Диким полем – местом, где живут чуждые культуре и духовности люди, не знающие своего прошлого и безразличные к будущему. На самом деле все обстоит совершенно иначе. На Луганском литейном заводе, построенном в конце XVIII века, была создана высокочеловеческая техническая школа, которая готовила инженерных специалистов. Здесь работали лучшие выпускники Горного кадетского корпуса. Техническая интеллигенция была высокообразованной и в гуманитарном отношении. Мастера и инженеры знали языки, владели музыкальными инструментами, открывали школы, преподавали в них, опекали библиотеки, организовывали благотворительные концерты. «Улица Даля когда-то называлась Английской, потому что здесь жили приехавшие в Луганск, на Литейный завод, иностранные мастера. Многие из них увлекались искусствами, знали литературу, музыку. Поэтому современная интеллигенция Луганска имеет весьма глубокие культурные корни, наша история благородна и велика, мы ее не забыли», – говорит Людмила Соколова.

Студенты
выходят из Музея
В.И. Даля после
экскурсии

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Интерьер
одного из залов
музея

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ДАЛЬ ВСЮ ЖИЗНЬ СТРАСТНО ЛЮБИЛ УКРАИНУ. ОН ПРЕКРАСНО ВЛАДЕЛ УКРАИНСКИМ ЯЗЫКОМ, ЗНАЛ МАЛО- РОССИЮ, ЕЕ БЫТ, НРАВЫ, ОБЫЧАИ, КУЛЬТУРУ И ЛИТЕРАТУРУ.

Сегодня музей финансируется из городского бюджета. Мэрия много делает для содержания здания в порядке и пополнения экспозиции. Есть большой круг друзей музея, меценатов, расширяющих коллекцию документов и артефактов. И это не только луганчане. Несколько портретов Владимира Даля написала, привезла в Луганск и передала в дар музею нижегородская художница Нэлла Генкина. Экспозиция может похвастаться раритетными и даже уникальными вещами, подаренными музеем городской и областной властью, учеными мединститута, благотворительными фондами. Настоящая гордость музея – фортепиано, принадлежавшее семье Владимира Ивановича Даля. Здесь есть артефакты той эпохи, в которую жил Владимир Иванович, – хирургические инструменты, которыми мог бы оперировать врач Даль, учебник зоологии, в написании которого принимал участие биолог Даль, первые оригинальные оттиски офортов

Андрея Сапожникова 1842 года, собрание которых сделал коллекционер Даль... А вот фотокопия первого сборника «Русские сказки», вышедшего в 1832 году. Книга написана простым языком и называется «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные». Автор – Казак Владимир Луганский. Это ценнейшая копия, потому что весь тираж этой книги был уничтожен. Власти усмотрели в сатирических текстах угрозу провоцирования народного недовольства и запретили продавать книгу, изъяв и уничтожив тираж. Даля даже арестовали, но к вечеру того же дня выпустили как героя Русско-польской кампании 30-х годов XIX века.

Можно лишь удивляться тому, насколько разносторонне одаренным человеком был Владимир Даль. Он разрабатывал хирургические инструменты, проводил блестящие офтальмологические операции, строил мосты, изучал биологию и военные науки, стал одним из основателей Российского географического общества... Конечно, нам более всего известны его этнографические и филологические изыскания. Даже очень мало интересующиеся науками люди наверняка слышали о «Толковом словаре живого великорусского языка» Даля – чудесном собрании слов, пословиц, поговорок русского языка. И уж точно все читали сказку о Курочке Рябе, написанную Владимиром Ивановичем.

Объединение славянских культур

Даль всю жизнь страстно любил Украину, многие даже считали, что идеализировал ее. Он прекрасно владел украинским языком, знал Украину, ее быт, нравы, обычаи, культуру и литературу. «Малороссия – словно Родина его», – говорил Белинский. Почему – словно? Она и есть его Родина, принятая всем сердцем. Вот его строки: «Да, благословенная Украйна. Как бы там ни было, у тебя за пазушкой жить еще можно! Оглобля, брошенная на землю, за ночь обрастает травой. Каждый прут, воткнувшийся мимоходом в тучный чернозем, дает вскоре тенистое дерево. Как сядешь на одинокий курган да глянешь до конца света – так и кинулся бы в плывь по этому волнистому морю трав и цветов, – и плыл бы, упиваясь гулом его и пахучим дыханием до самого края света».

«Такие строки невозможно написать без искренней любви. И это только одна цитата. А как он описывал украинскую кухню! Природу, характер украинцев! Даль много работал над созданием украинского словаря, но, к сожалению, не закончил его. Но в Словарь живого великорусского языка ввел и пословицы украинские, и множество слов малороссийского южного диалекта», – рассказывает Людмила Соколова.

В XIX веке в обществе шла дискуссия: будет ли жить украинская литературная проза или украинский останется лишь языком басен и песен, красивым, мелодичным, но используемым почти исключительно в фольклоре? Даль, для того чтобы убедить спорщиков, что украинская литература будет существовать, делает перевод повести Григория Квитки-Основьяненко и помещает его в солидном периодическом издании. Он хотел таким образом увлечь читающую публику украинской литературой и языком. Для него, этнографа и филолога, русский и украинский народы всегда были неразрывным, единым целым, и всю жизнь Даль посвятил объединению славянских культур.

Высочайшим образом Даль оценивал творчество Тараса Шевченко. Молодой малороссийский писатель и художник опекался российским творческим бомондом, приложившим огромные усилия к тому, чтобы выкупить талантливого самородка из крепостной зависимости. Его снабжали деньгами, красками и холстами, старались облегчить ссылку. Владимир Даль активно участвовал в этом, стараясь, по природной скромности, оставаться в тени. Писатели встречались, общались, но между ними случилась размолвка, связанная, очевидно, с пристрастием Шевченко к алкоголю и его высокомерным отношением к своим благодетелям. Однако Даль всегда весьма высоко отзывался о талантах Шевченко, считая его самым заметным явлением украинской культурной жизни.

Чтобы помнили

В наше прагматичное время, когда даже «Войну и мир» издадут в виде комиксов, чтобы не нагружать ленивых отроков чтением, добиться того, чтобы молодые люди помнили и изучали наследие Даля, непросто. Для этого нужен энтузиазм, граничащий с подвижничеством. Студенты Восточноукраинского национального университета им. В. Даля опекаемы именно таким человеком. Татьяна Свиридова, одна из основательниц Музея Даля, возглавлявшая его на протяжении многих лет, сегодня научный сотрудник Центра далеведения университета, даже пьесы написала, чтобы заинтересовать студентов личностью, судьбой и трудами великого этнографа. «Мы живем на родине Даля, но, если вы спросите у молодых людей, даже студентов-гуманитариев, чем прославился этот великий ученый, мало кто из них вам ответит на этот вопрос. Не знают, почему он велик, почему известен во всем мире, почему вошел в сотню великих украинцев, почему 2001 год был объявлен ЮНЕСКО Годом Даля, имеют лишь самое общее представление. Приходит-

Пианино из дома Даля. На нем играла мать Владимира Ивановича

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Словарь живого
великорусского
языка,
составленный
Далем

ся прикладывать колоссальные усилия, чтобы молодых людей, для которых есть только компьютер, Интернет и современная музыка, заинтересовать личностью великого ученого», – говорит Татьяна Николаевна.

В 2001 году в результате огромных усилий научной и творческой общественности Восточноукраинский национальный университет получил имя Даля. А в 2003 году в универси-

размещены самые интересные материалы. Например, фотографии сцен из спектаклей, которые поставлены по пьесам Татьяны Свиридовой. В одной из них действие разворачивается на Нижегородской ярмарке, где Владимир Иванович встречается с представителями разных слоев общества того времени. «На ярмарке Даль встречается и с Тарасом Шевченко. Такая встреча была на самом деле. Когда Даль был в Нижнем Новгороде, мимо проезжал, возвращаясь из оренбургской ссылки, Тарас Шевченко. В своих дневниках украинский поэт писал о встрече с Далем. У Владимира Ивановича об этом тоже есть воспоминания. А я уже досочинила их возможный диалог. Даль рассказывает Шевченко, что пришел на ярмарку послушать народный говор, песни, найти новые пословицы, народные анекдоты», – объясняет Татьяна Николаевна. Студенческий театр поставил пьесу, и она прошла с большим успехом. Зрители были просто ошеломлены энтузиазмом студентов СтудДаляТеатра. Ободренная успехом постановки, Татьяна Свиридова написала еще одну пьесу – «Незабываемые встречи». Александр Пушкин и Владимир Даль сыграли в жизни друг друга огромную роль. По оценкам литературоведов, их вклад в российскую словесность огромен. Пушкин стал основоположником современного лите-

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ ПОЛУЧИЛ ИЗ РУК РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА 13 ГОСУДАРСТВЕННЫХ НАГРАД, СРЕДИ НИХ – 4 БОЕВЫХ ОРДЕНА.

тете был создан Центр далеведения для исследовательской работы и просветительской деятельности. Сотрудники центра, финансируемого университетом и активно поддерживаемого ректором Александром Голубенко, читают лекции, проводят беседы, чтения, традиционные Далеvские четверги. Все это включено в программу вуза. На сайте центра

«Мне приходилось неоднократно выслушивать пренебрежительные вопросы от слишком ретивых украинских националистов, так называемых патриотов. Особенно когда я работала в Музее Даля. Они приезжали в Луганск, приходили в музей заранее негативно настроенные. Вот, например, известный националист, бывший в советское время диссидентом, Левко Лукьяненко со своими однопартийцами здесь были несколько лет назад. Они вошли в музей, увидели большой портрет императора Николая I и спросили: «Що цей кат тут робить?» («Что этот палач здесь делает?») Я ответила, что это не кат, а российский император, которому верой и правдой служил Владимир Иванович Даль. Он получил из рук царя 13 государственных

Книги,
изданные
при жизни
автора

НАСЛЕДИЕ ЛИХАЧЕВА

РИА НОВОСТИ

Зинаида Курбатова

Меня, еще маленькую, дед учил не разбрасываться, не тратить время зря. Телефон, например, в нашем доме существовал только для того, чтобы договориться о встрече, выяснить важные вопросы. Не для пустой болтовни. Заниматься спортом, ходить на танцы – все это, по его мнению, было тратой времени.

ДЕД СЧИТАЛ, ЧТО ЧИТАТЬ нужно много, но в соответствии с определенной системой. В книжном шкафу тоже не должно быть «ничего лишнего». Каждый профессионал всю жизнь собирает библиотеку – это сложно, это важно. Книги достают, выписывают из-за границы, покупают у букинистов. Хорошая библиотека – это клад.

Дедушка следил за тем, что я читаю. Часто приносил книги из магазина на Невском, он и сейчас, слава богу, существует – это «Книжная лавка писателей». Там ему «оставляли» какие-то редкие вещи. Что же нужно было читать интеллигентному человеку? Что нужно было читать мне, по его мнению? Классику русскую и зарубежную. Труды по истории С. Платонова. Из пушкинистов – Ю. Лотмана. Издания о правильном произношении. Конечно, моего любимого Льва Успенского «Ты и твоё имя». Книжки животных Даррелла. Книжки ленинградцев – Евгения Тарле, Владислава Глинки. Помню «Повесть о Сергее Непейцыне», героя 1812 года, – я ее зачитала до дыр. Во время одного из переездов она пропала. Я до сих пор помню ее твердый переплет с истертыми уголками, картинку на обложке – солдат, идущий в атаку. Необычную фамилию автора – Глинка. Дедушка всегда расспрашивал потом, что мне понравилось и почему. Рассказывал про авторов. Не разрешал давать книги кому-то из друзей. «Зачитают, не вернут».

Во многом благодаря деду я полюбила книги. Запах свежей типографской краски и запах старых книг, разные типографские шрифты, книжные элементы-заставки, концовки, шмуцтитулы. Золотой обрез, суперобложки, красивые форзацы и, конечно, экслибри-

Зинаида Курбатова, внучка Д.С. Лихачева

сы. Каждый уважающий себя владелец библиотеки должен иметь такой книжный знак, квадратик с картинкой, который наклеивают на форзац. Моей маме, искусствоведу, дед подарил пачку экслибрисов, это были ксилографии, выполненные художником. На них – элемент византийского храма и надпись: «Из книг Веры Лихачевой». Лет в 14 я уже знала – буду книжным иллюстратором.

Образование – это прежде всего самообразование, считал дед. И здесь чтение играет важнейшую роль.

Была и литература, которую читать, по его мнению, было нельзя. Она портила вкус. Я так и не читала «Двенадцать стульев» – не рекомендовал. Еще ругал Андрея Синявского «Прогулки с Пушкиным».

Когда я увлеклась Кавериним, дедушка выписал мне его собрание сочинений. Некоторые из книг, что он мне дарил, дед снабжал полусерьезными надписями на авантитуле. Вот альбом «Авангард, остановленный на бегу» Евгения Ковтуна. Серьезная научная работа о ленинградских авангардистах 1930-х. Дедушка

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ

(28 (15) ноября 1906 – 30 сентября 1999)

Всемирно известный ученый и деятель культуры, выдающийся филолог, историк, философ культуры. Родился, прожил жизнь и скончался в Санкт-Петербурге. Похоронен в Комарово, под Санкт-Петербургом. Его имя присвоено малой планете (2877), открытой отечественными астрономами. Академик Лихачев был председателем Российского фонда культуры, депутатом Верховного Совета, Героем Соцтруда, лауреатом трех Государственных премий, первым кавалером ордена Андрея Первозванного, среди его многочисленных наград ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, орден «За заслуги перед Отечеством» и др. Весь путь Д.С. Лихачева в науке связан с Пушкинским Домом – Институтом русской литературы АН, куда он пришел младшим научным сотрудником в 1938 году, заслужил все возможные ученые степени, возглавил Отдел древнерусской литературы и не расставался с Пушкинским Домом до конца, до последних дней научного творчества. Его исследования летописания, «Слова о полку Игореве» и многих других памятников древнерусской литературы, фундаментальные труды, посвященные историко-литературным проблемам и глобальным вопросам русской художественной культуры, – признанная славистами всего мира классика. Д.С. Лихачев автор 500 научных и примерно 600 публицистических работ. Академик Лихачев был избран иностранным членом Болгарской, Сербской, итальянской Национальной академии деи Линчеи, членом-корреспондентом Австрийской, Британской, Геттингенской академий наук, почетным доктором университетов Бордо, Будапешта, Оксфорда, Софии, Цюриха, Эдинбурга, Университета имени Николая Коперника в Торуне и др.

Дмитрий Лихачев с родителями Сергеем Михайловичем и Верой Семёновной во время свидания с ними в исправительно-трудовом лагере на Соловках. 1929 год

надписал ее так: «Дорогой Зиночке. Для ознакомления, но не для подражания». Это было в те времена, когда я профессионально училась живописи. Некоторые фильмы дедушка тоже запретил смотреть. «Андрей Рублев»

Тарковского был, по его мнению, неправильной картиной. Неправильно трактующей отечественную историю. Он был невероятно цельной личностью. Он знал, чего хочет в жизни, он

знал, сколько всего ему нужно сделать. Поэтому сам был предельно собран, работал очень много и, конечно, не разбрасывался по мелочам. Всегда и во всем он оставался архивистом, историком. Вот альбомы с семейными фотографиями, которые хранятся у меня. Каждый снимок подробнейшим образом подписан. Кто изображен, где, когда, с кем. «Свадьба тети Шуры и дяди Вали Андреалетти», «Бабушка Вера и Юра в квартире на Каменноостровском, сзади висят фамильные портреты, кожаный диван потом продали во время блокады». Целые биографии предков на этих страницах. Как это

важно сейчас, когда деда с бабушкой уже нет и некому рассказать о некогда большой семье. А дипломы, справки, письма, записки, карточки – все это дед хранил в особом чемоданчике. Он вез с собой из Соловецких лагерей особого назначения деревянную ложку, вырезанную другом, пропуск, чтобы ходить по лагерю, английский словарь, который отбывал с ним срок. Он уже тогда, 26-летним юношей, понимал: это – история.

Именно поэтому, как только дедушка умер, весь его архив мы передали в Пушкинский Дом. Многие говорят: надо было отдавать в ЦГАЛИ. Не знаю, но ведь дед хотел, чтобы все было в Пушкинском Доме, Институте русской литературы, где он проработал всю жизнь. Потом уже я отдала и библиотеку, и красивый книжный шкаф в институт. В отдел древнерусской литературы, которым дед руководил. Когда я прихожу в Пушкинский Дом, то смотрю на знакомые переплеты.

А вот архив за 10 лет так почему-то и не разобрали. Хотя это по меньшей мере очень интересно... Впрочем, жизнь сейчас иная. Наверное, поэтому и нет человека, который за небольшие деньги разбирал бы архив Лихачева... Нет пока и книги об академике Лихачеве. Ее хоте-

ИТАР-ТАСС

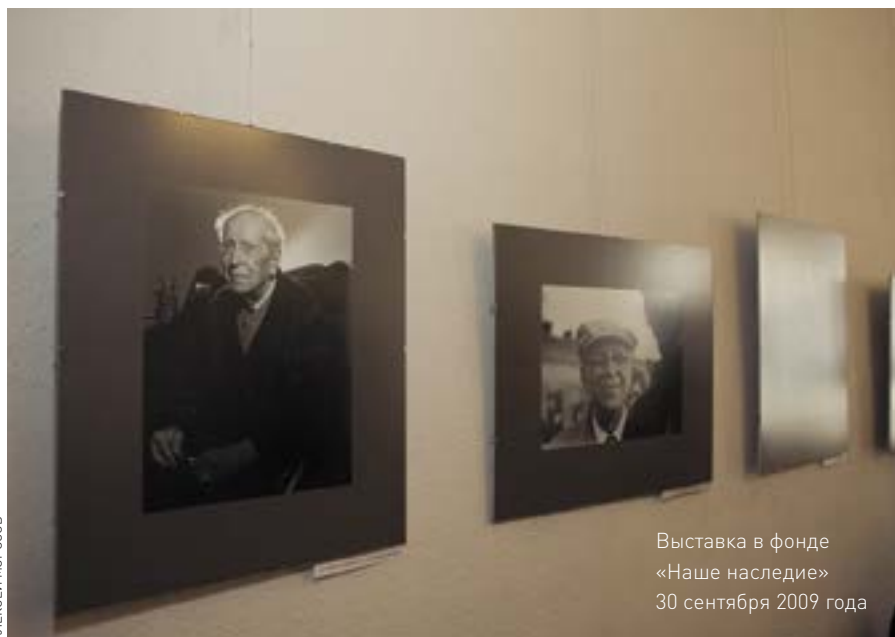
«Мои книги – в сущности, поминальные записочки»

Дмитрий Сергеевич Лихачев был великим книжником, и у него была его любимая книга. Это – «Русское искусство. От древности до авангарда», книга, опубликованная совместными усилиями не существующего ныне московского издательства «Искусство» и итальянского «Фабри». Как только книга увидела свет, она мгновенно превратилась в библиографическую редкость.

...Дмитрий Сергеевич представил в редакцию эстетики нашего издательства материал для книги под условным названием «Ответственность искусства». При знакомстве я подарила ему иллюстрированную книгу известного искусствоведа Михаила Алпатова. Дмитрий Сергеевич, просмотрев ее, сказал, что у него не было издано ни одной красивой книги.

ИТАР-ТАСС

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

Выставка в фонде
«Наше наследие»
30 сентября 2009 года

ли выпустить в издательстве «Молодая гвардия», в знаменитой серии ЖЗЛ. Но как писать, когда архив не разобран? Впрочем, есть и другой аспект проблемы. Кто будет писать? Вызвался один из дедушкиных учеников, но провалил эту затею. Ведь комарику не под силу осмыслить и описать жизнь слона.

Все личные вещи дедушки мы отдали в музей истории города. Все ордена, кроме «Андрея Первозванного» – его дед сам передал Эрмитажу. Три мантии – особенно ценную Оксфордскую, Пражского университета и Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Фотографии, письменный стол, пишущую машинку, на которой были написаны все его знаменитые вещи – «Поэзия садов», «Смеховой мир» Древней Руси», «Письма о добром»... Косоворотку, вышитую бабушкой в 1947-м. Все подарки, сделанные известными людьми. Например, смокинг Николая Бенуа. Коллекцию пластинок с дарственными надписями Марии Юдиной, Ивана Козловского... Сначала нам обещали, что будет отдельная экспозиция в Румянцевском особняке. Что все вещи будут храниться в одном месте. Но этого, к сожалению, не случилось.

Все предметы расписали по разным фондам. Часть вещей музей отдал без описи в народный музей гимназии Мая (гимназия, где дед учился). Все это очень печально для меня и не очень объяснимо. Ведь такая экспозиция и имя Лихачева могли бы привлечь особое внимание к музею. И не только внимание, но и деньги! Однажды я спросила деда, почему он решил заниматься именно древнерусской литературой. Он рассказал мне такую историю. Когда дедушке было лет восемь, а его брату Мише тринадцать, к празднику Рождества они рисовали поздравительные открытки. Миша изобразил новогоднюю елочку, падающий снег – обычный в таких случаях набор. Дедушка – тогда маленький Митя – нарисовал древнерусскую икону с Богородицей. Он запомнил, что брат над ним потешался, но у него осталось ощущение, что он поступил единственно правильным образом. Когда дедушка учился в старших классах школы, начались гонения на православную церковь. Храмы оскверняли, во время службы в них входили пьяные комсомольцы в шапках. Священников репрессировали. Тогда – вспоминал дед – особенно остро он почувствовал жалость к родной стране, интерес к ее истории, же-

В ответ на мое замечание, что красивые иллюстрированные издания готовятся долго, он ответил, что был бы счастлив, даже если бы она вышла после его смерти, потому что красота привлечет внимание к мыслям, красивую книгу купят. Не прочтет хозяин, прочтет сын хозяина... Книгу «Русское искусство. От древности до авангарда» тиражом всего в 3,5 тысячи экземпляров удалось издать в 1992 году. Она получилась красивой. Дмитрий Сергеевич был счастлив, разглядывал и гладил каждую страницу...

Десять лет с нами нет Лихачева. Человека, которого называли совестью нации, знаковой фигурой русской культуры. Ровесник века, Д.С. Лихачев пережил три войны, революцию, голод, блокаду, каторгу. «Прожив большую жизнь от самого начала века до его приближающегося конца, – писал Дмитрий Сергеевич, – я имею не книжные, а самые непосредственные впечатления от русской истории... Для меня, например, памятны Николай II, Александра Федоровна, наследник-цесаревич, великие княжны, старый дореволюционный Петербург – и его мастерские, и его балерины. Революция и пулеметные очереди у стен Петропавловской крепости со стороны Артиллерийского музея, а затем выстрелы из наганов на кладбище Соловков, видения прячущихся в

мороз в Ленинграде 32-го года по парадным крестьянок с детьми, проработки плачущих от стыда и бессилия ученых в стенах университета и Пушкинского Дома, ужасы блокады – и все это в моей зрительной и слуховой памяти».

На каторге в Соловецком лагере особого назначения началась трудовая биография будущего академика. Среди его сокамерников были и уголовники, и люди, известные в русской культуре. «Чему я научился на Соловках? Прежде всего я понял, что каждый человек – человек. Мне спасли жизнь «домушник» Овчинников и... король всех уроков на Соловках, бандит и соучастник налетов знаменитого Леньки Пантелеева – Иван Яковлевич Комиссаров, – вспоминает Дмитрий Сергеевич. – Из всей этой передраги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать... добро, полученное от самих сокамерников, опыт всего виденного создали во мне какое-то очень глубоко залегающее во мне спокойствие и душевное здоровье. Я не приносил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу». Памятником соловецкого заключения явилась первая научная публикация, «Черты первобытного примитивизма воровской речи».

Академики
А. Сахаров
и Д. Лихачев
после избрания
в совет директоров
Международного
фонда за выжи-
вание и развитие
человечества

ление заниматься древнерусским искусством и литературой, популяризировать их. При дедушке отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме получил особый статус, сотрудники ездили повсюду с докладами, конференции проходили в столице и провинции. Приезжали коллеги-иностранцы. «Слово о полку» – наше все!

Интересный факт. В 1975-м деда попытались избить на лестнице нашего дома – это была акция устрашения, после того как он отказался выступить против Сахарова. С верхней площадки спустился человек и

ударил деда в область сердца. А у дедушки за борт пальто была вложена рукопись доклада о «Слове о полку». Так вот дед много раз вспоминал: «Меня спасло «Слово»!

А что теперь? Дедушка ушел 10 лет назад. Недавно один из его учеников сделал в Пушкинском Доме доклад о том, что «Слово» – поздняя подделка... Как я могу прокомментировать это? Если бы дед был жив, это была бы бесстрашная вылазка врага, притаившегося в родном гнезде. А когда его нет...

Лихачева бесконечно переиздают. По-разному происходят эти переиз-

дания. В свое время в издательстве «Искусство» вышла книга «Русское искусство. О древности до авангарда». Там был ряд глав-статей, их список и порядок дед утвердил лично. Он радовался выходу этой книги, вернее, альбома, радовался красивой обложке, великолепным иллюстрациям. Даже гладил переплет, когда из Москвы пришел первый этот альбом. Теперь эту книгу решили переиздать. Но... своеобразно. Исключили статью «Слово о Киеве», центральную, основополагающую. Почему? Из-за политики, из-за ситуации с Украиной. Получается, Лихачева правят и цензурят...

История с Советским фондом культуры для деда была и блистательная и грустная одновременно. Он основал его единолично, а Раису Горбачеву привлек к работе в фонде по понятным причинам. Сколько всего замечательного было сделано. Сколько перевезено из-за рубежа в Россию ценных раритетов, не считать. Русские эмигранты помогали из-за того, что верили именно академику Лихачеву. Знаменитая парижанка и меценат Лидия Борисовна Варсано подружилась с дедушкой и передала крупные суммы в Пушкинский Дом, оплачивала выступления во Франции талантливых юных музыкантов. Дед лич-

Позднее были изданы воспоминания о годах каторги и блестящее историко-культурное исследование Соловецкого монастыря с его уникальным архитектурным комплексом, знаменитым собранием рукописей и икон и мартирологом узников.

Но избранной в студенческие годы сфере научных интересов – литературе и культуре Древней Руси – Д.С. Лихачев был верен всю жизнь. «Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери... – пишет академик Лихачев в своих воспоминаниях. – Мои книги – это, в сущности, поминальные записочки, которые дают за упокой... записываешь наиболее дорогие имена, а такие находились для меня прежде всего в Древней Руси»... Мечта об изучении летописания и искусства Древней Руси осуществилась лишь в 1938 году. Проработав корректором издательства Академии наук, а затем редактором, Дмитрий Сергеевич становится младшим научным сотрудником Института русской литературы АН – Пушкинского Дома. 11 июня 1941 года блестяще защищает кандидатскую диссертацию по новгородскому летописанию XII века. А через две недели началась Великая Отечественная.

Воспоминания о блокаде, о гибели под обстрелом и еще более страшной смерти – от холода, голода, истощения, о самоотвержении, благородстве и о подлейших проявлениях человеческой природы Дмитрий Сергеевич написал вместе с женой, Зинаидой Александровной. «Были ли ленинградцы героями? Нет, это не то: они были мучениками», – скажет он позднее. А в блокадные годы он совместно с археологом М.А. Тихановой публикует исследование «Оборона древнерусских городов». «С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня «современное звучание», – пишет ученый... Дмитрий Сергеевич защищал гонимых ученых, дискредитируемые нравственные ценности, духовные традиции, архитектурные памятники, великие реки, малые города. Это была великая оппозиция души. Когда режим преступал пределы нравственно допустимого, когда искусствоведческая критика уподоблялась судам инквизиции, а научные дебаты могли завершиться для одной из сторон лагерем, Лихачев вводил в актив общественного сознания великое наследие древнерусской культуры. «В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения», – утверждал Дмитрий Сергеевич. Он выступал

но вез в Россию вещи Тургенева, и на таможне отчаянно зазвенели у него в чемодане тургеневские ножи и вилки. Помню, как к деду обратилась искусствовед Марина Бенцони. Она рассказала, что художник театра Николай Бенуа тяжело болен, у него остается огромный архив, из которого российские музейщики хотят отобрать часть. «Какую часть, надо увозить все!» – крикнул дедушка и написал письмо президенту страны. Таких историй сотни. Дед ездил, уговаривал, писал в высокие инстанции. Не жалел себя и своего времени. Его должность в фонде не оплачивалась, да он и не думал о материальном вознаграждении или какой-то личной выгоде.

Однажды он понял, что ему не все говорят, что за его спиной кто-то решает свои дела, придумывает командировки, чтобы отдохнуть за границей. А один известный москвич явился в гости к мадам Варсано и попросил шубу для своей дочери. Для деда это было неприлично, позорно. После его выхода из фонда был у него публичный спор с режиссером и новым президентом фонда, Никитой Михалковым, на тему «Может ли культура зарабатывать деньги?». Михалков считал, что может. Особняк, принадлежавший фонду, стали сдавать для вечеринок, пока в нем не произошел

Памятный знак
«Площадь
академика
Лихачева»
в Санкт-
Петербурге

где главным интервьюируемым был как раз Никита Михалков. Хотя в ситуации, когда у них сложились такие, мягко говоря, плохие отношения, записывать интервью с Михалковым как-то странно.

А после дедушкиной смерти было образовано целых три фонда. Один

пожар... Дед потом говорил: «Я против любых фондов...» В год столетия дедушки на одном из телеканалов прошла программа,

как-то очень быстро перестал существовать, другой, самый известный, возглавляемый писателем Граниным, сейчас особенно активно занимается популяризацией Петра I (этой эпохой и этой фигурой дед не занимался).

А вот журнал, основанный одновременно с фондом – «Наше наследие», продолжает выходить. На здании в Неопалимовском переулке, которое занимает редакция, установили мемориальную доску. 30 сентября 2009 года здесь отмечали 10-летие со дня смерти дедушки. Была выставка фотографий и автографов...

В Петербурге именем Лихачева названа маленькая площадь на Петроградской стороне, на ней год назад открыли с большим вкусом сделанную стелу. Есть школа, которая носит его имя, – там учился он и его братья. Проходят Лихачевские чтения в Гуманитарном университете профсоюзов и Пушкинском Доме. Талантливым детям из области ежегодно вручают «Звезду Лихачева». Конкурс «Созвездие талантов» был придуман еще при его жизни, там много номинаций, теперь вручают победителям и звезду из бисера его имени.

Лихачева помнят.

Много печального происходит, но много и хорошего. ■

с требованием не разоблачать, а изучать старое искусство. Разъяснял, что эстетические категории не носят оценочного характера и что прогресс в области культуры обнаруживает себя не столько в изменении, сколько в сохранении прошлого, в накоплении культурных ценностей. Лихачев стремился вернуть вытесненный из нашей жизни пласт духовной культуры, требующей хотя бы некоторого знания Священного Писания. Древнерусские писатели, летописцы и философы, озабоченные историческими судьбами родины, исправлением общественных недостатков, защитой справедливости, поднимались из глубины веков как живой укор существующему порядку.

Постперестроечная эпоха принесла академику Лихачеву свободу передвижения, многочисленные награды и почести, государственное признание... И большое разочарование от нравственного упадка и безразличия к гибнущей культуре. Он прилагает титанические усилия для защиты культурного наследия на государственном уровне, формулирует «Декларацию прав культуры» и, наконец, в последней надежде вразумить сограждан, разрабатывает проблему экологии культуры, рассматривая ее как цель и смысл существования человечества.

У академика Лихачева были враги: агрессивное невежество, людская глупость, предательство, которое он считал более страшным, чем смерть, следовательно Стромин, который сфабриковал его дело, беспринципность в науке и... беспочвенные концепции. Наверное, поэтому блестящие и бесспорные теоретические выводы, полученные в итоге скрупулезного изучения памятников древнерусской и русской художественной культуры на протяжении ее исторического развития, Дмитрий Сергеевич называет своим сугубо личным мнением. Итак, личное мнение академика Лихачева о русской культуре: многовековая русская культура не замкнута в себе. Россия жила и живет единой жизнью общекультурного космоса.

Д.С. Лихачев сказал: «Ученый – это его труды, открытия. В этом он в той или иной степени бессмертен». Память о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве хранят его бесчисленные добрые дела – спасенные культурные ценности, восстановленные репутации, его ученики. Но лучшей памятью об ученом будет – перечитать его книги.

Лариса Мариупольская

Можно предположить, что свел вашего отца с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым интерес к наследию Пушкина? Ученый работал в Пушкинском Доме, а Аркадий Моисеевич Гордин восстанавливал после войны усадьбу в Михайловском...

– Нет, они познакомились гораздо раньше. В первой половине 30-х годов оба были молодыми людьми, но за плечами Дмитрия Сергеевича были Соловки и Беломорканал, а отец тогда заведовал редакцией в «Учпедгизе». И поскольку Дмитрий Сергеевич был в очень трудном положении, бедствовал, отец давал ему корректорскую работу. Впоследствии Дмитрий Сергеевич доброе отношение отца помнил. Позже, уже после войны, они встречались чаще, в том числе, конечно, и в Пушкинском Доме. Потому что музей в Михайловском, где несколько лет проработал отец, долгое время был филиалом Пушкинского Дома. С момента первого, «корректорского» пересечения добрые отношения у них сохранялись всегда. Отец никогда не рассказывал подробностей о поводе для знакомства с Лихачевым. Об этом мне как-то напомнил сам Дмитрий Сергеевич. Он очень ценил человека, протянувшего руку неблагонадежному гражданину со «шлейфом» сидельца ГУЛАГа. Позже Лихачева взяли на работу в Пушкинский Дом, где он с увлечением исследовал «Слово о полку Игореве». Там и застала его война и блокада Ленинграда. Именно в тот период Лихачев написал книгу о защите русских крепостей.

– Причем эту работу о военном искусстве русских воинов нужно было написать всего за два месяца. Но пойти на своих ногах в типографию, чтобы сдать рукопись в печать, он уже не мог, – был настолько истощен и изможден, что жена отвезла его на саночках. Только после этого семью Лихачева отправили на Большую землю в эвакуацию.

– В тот момент остро потребовалась патриотическая книга для поднятия духа бойцов. Его вызвали, дали задание, и он его выполнил. Карьера Дмитрия Сергеевича была непростой, да и академиком он стал далеко не сразу, только с третьего раза.

PHOTOPRESS

ЗАВЕЩАНИЕ ПАТРИАРХА

Особое место среди работ академика Лихачева занимает документ под названием «Декларация прав культуры». Претворить Декларацию в жизнь в начале 90-х годов пытались ученики и соратники академика. В том числе литератор, историк, соредaktor журнала «Звезда» Яков Гордин, продолжатель дела своего отца – известного пушкиниста Аркадия Гордина. Судьбы этих семей, принадлежащих к особому кругу петербургских интеллектуалов, не раз пересекались. В беседе с корреспондентом «Русского мира.ru» Яков Гордин вспоминает, каким был Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Наученный горьким и тяжелым жизненным опытом, он точно выбрал предмет исследования: Древняя Русь не так идеологически контролировалась, как XVIII–XIX века, не говоря уж о XX столетии. В 2006 году в специальном номере журнала «Звезда», посвященном 100-летию академика Лихачева, мы внесли ясность в полемику о том, за что же все-таки «закатали» на Соловки совсем юного ученого. Принято считать, что за организацию безобидного веселого студенческого кружка «Космическая академия наук». Это совсем не так. Мы опубликовали

следственное дело кружка. Дмитрий Сергеевич вел себя не так безобидно. В частности, следствие зафиксировало, что на заседании кружка он сделал доклад о репрессиях ЧК, о расстрелах. Дмитрий Сергеевич не хотел представлять себя героической личностью и поэтому об этом докладе он нигде не упоминает. В автобиографии он пишет, что студенты кружка обсуждали реформу алфавита, языка и тому подобное. На самом деле это был вполне политизированный кружок резко настроенных против советской власти молодых людей, людей рели-

гиозных. Это был один из кружков – ведь в Ленинграде во второй половине 20-х годов была целая сеть таких религиозно-философских кружков, к примеру «Воскресенье» и другие. Во главе стояли более зрелые люди, мыслители, о них-то Дмитрий Сергеевич писал с большим уважением. Разгром подобных кружков был в общем-то с точки зрения советской власти совершенно логичным.

– Семья вашего отца тоже пострадала от репрессий, как и сотни тысяч людей. Каким же мощным оказался тот «культурный пласт», который, невзирая на страдания и вопреки культу силы, сделал столько открытий во многих областях знаний, что нам до сих пор есть чем гордиться.

– Этот слой не изгнанной, не расстрелянной, не сосланной русской интеллигенции «тянул» национальную традицию, что было, конечно, очень важно. Интеллектуалы, в противовес господствующему невежеству, занялись своим предназначением – просвещенческой работой. Они стремились сохранить фундаментальные ценности дореволюционной русской культуры. Тут советская власть попала в собственную ловушку. Потому что, с одной стороны, они настаивали на прославлении отечественных классиков, чтобы было чем гордиться, а с другой – эта классика очень плохо корреспондировала с соцреализмом. Что касается отца, то, действительно, два его старших брата были репрессированы. Один отсидел 20 лет, вышел, а второй, дядя Владимир, погиб. Интеллигенция той поры была разная, в том числе достаточно активная, к примеру оба моих дяди были в ленинградской антисталинской оппозиции. Несмотря на давление, тогдашние «несогласные» пытались действовать и даже печатали и распространяли листовки, в городе было немало подпольных групп. Разумеется, к 1928 году всех оппозиционеров похватали. Что касается отца, то он, хотя и не был причастен к заговорам в силу возраста, в 1945 году все-таки был из Ленинграда выслан. Несмотря на то, что был награжден медалью «За оборону Ленинграда», невзирая на другие заслуги. Видимо, сказалось неблагонадежное родство.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ

Под культурными ценностями подразумеваются не только отдельные объекты – памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, – которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т.п., но и явления, такие как традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т.д.

Живая культура не может быть исчерпана списками, каталогами, описаниями и т.д. Она составляет определенную ценность и целостность в своей совокупности, в которую входят как произведения и явления первого разряда, так и второстепенного свойства, кроме обычаев и навыков, явно вредных для окружающих.

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

I. ПРАВА КУЛЬТУРЫ И ГОСУДАРСТВА

Ответственность за сохранность культурных ценностей и культуры как таковой лежит на государстве. Государство, в частности, отвечает за самовозобновляемость культуры в стране, за образование, за свободу творчества при полном невмешательстве государства в творческую жизнь.

Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей в первую очередь и культуры всех этносов, проживающих на территории государства. На государственных организациях (воспитательных, образовательных, ин-формирующих и пр.) лежит обязанность воспитывать уважение к культуре в целом, к культурным памятникам, культурной деятельности, интеллигенции, отдельным языкам малых и крупных этносов; не ущемлять права пользования любым языком на своей территории, учитывая, что язык является главной культурной ценностью любого народа, малого или большого, проживающего на любой территории.

Самоокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры. «Самоокупаемая» культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей.

II. ПРАВА КУЛЬТУРЫ НА СОХРАННОСТЬ

Культура всех стран любого уровня, если только она является подлинной культурой, а не псевдокультурой (что в случае необходимости устанавливается экспертами ЮНЕСКО), имеет право на сохранность, строго инспектируемую как местными организациями, так и единым для всех стран высшим учреждением при ЮНЕСКО. Этот орган со своим независимым штатом инспекторов, своими юридическими полномочиями по единым для всех стран статьям сможет привлекать к судебной ответственности виновников нарушений сохранности (уничтожения или искажения) произведений культуры или нанесения различного рода ущерба для учреждений культуры и ее положения в обществе.

Учитывая, что культура больше всего терпит ущерб от военных действий, мы вновь подтверждаем полную правомочность «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 года и настаиваем на неукоснительном соблюдении ее требований всеми государствами, в том числе и вновь образованными.

Ввиду того, что памятникам культуры очень часто наносится ущерб при реставрационных работах, в дополнение к существующим правилам (в частности, так называемой «Венецианской хартии») считать необходимыми постоянные совещания по основным вопросам реставрации и международные консультации реставраторов, особенно если памятник создан не в той стране, где он находится в настоящее время.

К реставрации особо значительных памятников (список которых должен быть серьезно расширен по сравнению с существующими) необходимо допускать лишь реставраторов, имеющих международные дипломы высшей категории, выданные соответствующей организацией при ЮНЕСКО.

– А когда в Ленинграде зазвучало имя Дмитрия Сергеевича Лихачева как маститого ученого? После написания серии исследований о «Слове о полку Игореве» или позже?

– Уже в 50-е и 60-е годы прошлого века. Вообще, принято связывать его имя с изучением «Слова о полку Игореве». Можно подумать, что Дмитрий Сергеевич занимался только этим произведением средневековой литературы. Дмитрий Сергеевич – это тот человек, который фактически заново открыл древнерусскую культуру. У него есть важные теории, связанные с тем периодом, а анализ «Слова о полку Игореве» – только часть этой работы. У него есть выдающаяся работа об Иване Грозном, в издании памятников «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». И это одно из самых тонких и точных сочинений, пример культурно-психологической аналитики этого «замечательного» царя и его литературного наследия. Напомню его работу «Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси». Чтение статей и книг Лихачева было для образованного общества интеллектуальным открытием, погружением в культуру русского Средневековья. А уже в конце 60-х о Дмитрие Сергеевиче знали не только как об ученом, но и как об общественной фигуре. Помимо научных заслуг он был известен своей абсолютной порядочностью. Он не подписал ни одного письма против гонимых людей, например против Солженицына или Сахарова. Кстати, он помогал Солженицыну с материалами, когда тот писал главу о Соловках в «Архипелаге ГУЛАГ». Что весьма существенно изменило отношение к нему властей, когда этот факт стал известен. В результате у Лихачева появились серьезные жизненные осложнения. Но он не делал громких заявлений, не вел себя вызывающе. Это был образец порядочного человека, которого не может сломать советская власть. Несмотря ни на что, он не переставал писать статьи в защиту Ленинграда как города-памятника от разрушения. Благодаря Лихачеву власти оставили в покое Невский проспект, а ведь хотели снести старинные здания, все переделать. Благодаря ему остались не вырубленными Екатерининский парк в Цар-

РИА НОВОСТИ

ском Селе и Петергофский парк. Он защитил, отстоял старинные деревья, которые помнили Пушкина и других великих русских людей, и сделал это в 60-е годы, то есть в глубокие и чреватые последствиями советские времена. Это академик Лихачев не допустил строительства высотной гостиницы «Ленинград». Позже Дмитрий Сергеевич встал на пути строительства небоскреба в устье реки Смоленки. Выдвигнув и обосновав знаменитый тезис о «небесной линии» города на Неве, он убедил образованное население, равно как и начальников, в том, что нарушать гармонию смыкающихся над невысокими зданиями линий водного и воздушного горизонта недопустимо. И все это он смог сделать без шумных телевизионных кампаний, без информационных штурмов в прессе. К Дмитрию Сергеевичу как к знатоку русских древностей обращались жители многих старинных городов России. Люди просили его вступить за старину и защитить от сноса местные исторические памятники. И он живо отзывался, письменно и устно поддерживал хранителей национального достояния. Спокойное слово Лихачева или его подпись под петицией были гораздо более весомыми, чем официальная пропаганда.

– Идею написания Декларации прав культуры придумал академик Лихачев или коллектив авторов, единомышленников?

– Декларацию разработал, конечно, Лихачев. Не думаю, чтобы кто-то претендовал на соавторство.

– Была ведь целая городская комиссия по доработке текста, в которую входили и вы.

– В реальности вся наша комиссия не так-то много в текст Декларации добавила. Мы, скорее, были заняты тем, чтобы о ней рассказывать на всех уровнях, пропагандировать идеи прав культуры и скорейшего принятия документа на государственном уровне.

– А вот принять Декларацию Лихачева страна не успела. Позже политики стали говорить, что Россия не имеет права принимать такие обязательства, потому что они противоречат мировой практике. И сегодня важнейшее завещание академика – стать государством, в котором главный приоритет отдан культуре, – отодвинуто, согласны?

– К сожалению, это так. Надо сказать, подобное отношение к наследию человека, служившего культуре России до последнего вздоха, легкомысленно. Дмитрий Сергеевич был одним из тех людей, кто прекрасно понимал, что культура страны – это не только чтение книг. Культура не менее важна, чем экономика, потому что это связанные категории.

В малокультурной стране не может быть ни экономического процветания, ни политического равновесия. Культура – основа всего уклада жизни, фундамент безопасности государства, если хотите. Что произойдет с нами вслед за ветшающими в значительной части провинции библиотеками, разваливающимися Домами культуры, закрывающимися музеями? Мы уже ведь даже говорим о разрушении общего культурного пространства. Потому что культура сегодня как функциональная составная общества сосредоточена в городских и областных центрах. А на остальных просторах России, в бесчисленных деревнях и райцентрах, живут по-другому. Разрушение культурного пространства ведет к дальнейшей деградации. Вот когда говорят об опасности распада России, почему-то меньше всего вспоминают о содержании Декларации прав культуры. Меньше всего думают о том, что скрепой большой страны должна быть культура, а вовсе не властные вертикали или горизонталы, какие-то чиновничьи связи. К огромному сожалению, я не вижу сегодня у власти понимания роли культуры в государстве. И нет Дмитрия Сергеевича, чтобы авторитетно указать всем нам на этот опасный провал.

– Дмитрий Сергеевич бывал в гостях в семье ваших родителей или у вас?

– У нас он не бывал, но я у него несколько раз гостил.

– Говорят, у Лихачевых был очень простой быт?

– У Лихачевых был очень гостеприимный дом. Как-то раз меня угощали у них рисовыми котлетками. И я сразу вспомнил Льва Николаевича Толстого и Ленина. В работе «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин над писателем за эти самые рисовые котлетки издевается. А они были очень вкусные, я ел с удовольствием.

– Кого в сегодняшней России можно назвать всенародно признанным носителем нравственных идеалов?

– Думаю, такой фигуры нет, хотя совестливых людей у нас много.

*Беседовала Наталья Шергина,
Санкт-Петербург*

Ансамбли памятников культуры, созданные как единое целое (алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки и коллекции, представляющие собой эстетическое или историческое целое и имеющие общечеловеческое значение), не должны разъединяться при продажах и различных перемещениях. Исторические города (список которых необходимо значительно расширить и утвердить ЮНЕСКО) должны иметь право на сохранение не только своего центра, но также окраин и окрестностей, которые зачастую представляют собой историческую ценность (для России это: Петербург с его окраинами, дворцовыми городами и селениями; Новгород с окружающими его монастырями и церквями; Москва с подмосковными усадьбами и т.п.).

Охраняемый исторический облик наиболее ценных городов определяется планировкой, высотой (не выше, скажем, Зимнего дворца в Петербурге) зданий, их средними габаритами, окраской фасадов, допустимостью того или иного стиля в городе и т.п.

Исторический облик наиболее ценных исторических городов определяется понятием «облик города», согласно с введенными в свое время в науку определениями в работах И.М. Гревса и Н.П. Анциферова.

Понятие ценного ландшафта определяется не только историческими событиями, произошедшими на этих местах (в России – битвы: Полтавская, Куликовская, Бородинская, Сталинградская, Курская, Севастопольская оборона), но и памятью художественной (Плес на Волге, связанный с именем Левитана, гора св. Виктории, памятная работами Сезанна и т.п.).

III. ПРАВА КУЛЬТУРЫ НА ДОСТУПНОСТЬ

Доступ к ознакомлению и изучению произведений культуры должен быть открыт для каждого человека (кроме, разумеется, потенциальных злоумышленников, вопрос о которых должен быть рассмотрен соответствующими комиссиями).

Открытость («гласность») произведений должна касаться как находящихся в государственном, так и в частном владении. Невозможность обозрения тех или иных книг, акварелей, рисунков и пр. должна решаться компетентными комиссиями, и сами решения эти не должны быть тайными.

Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения в назначаемые владельцами дни не реже двух раз в год. Особый статус для обозрения предоставляется учащимся, пенсионерам, ученым.

Особо ценным собраниям необходимы полные каталоги. Финансовая поддержка в их составлении и печатании осуществляется государством или благотворителями (с соответствующим сокращением налогов для последних).

Под полными каталогами понимаются научные описания произведений, находящихся как в экспозиции, так и в запасах. Сведения о малых собраниях или отдельных произведениях, хранящихся в частных руках, могут печататься в прессе (научной или популярной).

Произведения культуры (археологические, живописные, прикладного искусства и т.д.) должны иметь стабильное местопребывание и только по особым причинам, исключительно культурного характера, могут менять его; причины должны быть рассмотрены в ЮНЕСКО.

Вместе с тем необходимо усилить права жертвователей произведений культуры. Их воля относительно местонахождения пожертвованных предметов, имеющих общечеловеческую ценность, должна полностью выполняться прижизненно и посмертно, о чем в случае прижизненного пожертвования необходима полная договоренность между прежним и новым хранителями.

В случае невозможности выполнения условий жертвователя (или в некоторых случаях продавца) разрешение на перемену условия хранения общечеловеческих ценностей должно выдаваться ЮНЕСКО.

Настоящая «Декларация прав культуры» является сугубо предварительной. Государства, принявшие положение данной Декларации, обязуются организовать учреждение при ЮНЕСКО, которое выработает окончательный текст, создав действенные меры по охране и доступности культуры, и станет в дальнейшем пристально следить по общим для всех государств правилам и законам за выполнением всех прав культуры.

Д. Лихачев

Евгений Верлин
Фото автора

ИЗЮМИНКА ВНУТРИ БОЛЬШОГО ПИРОГА

«Да, Москва говорит нам спасибо за усилия по сохранению русской идентичности у наших учеников, но посмотрите, что делают в этой же сфере французы, итальянцы, японцы. Это небо и земля!» – вот лишь одно из эмоциональных высказываний директоров и учителей зарубежных русских школ. Общее впечатление от бесед с ними невеселое: русские школы дополнительного образования в Европе держатся в основном на энтузиазме энергичных мам-педагогов.

ТИПИЧНЫЙ ПОРТРЕТ ОРГАНИЗАТОРА русской школы: мама, имеющая двух или более детей, для которой школа – это и источник дохода, и способ реализовать в чужой стране свои возможности педагога и родителя. Иногда из таких мам создается команда единомышленников.

«Мы создали нашу школу в 2003 году по просьбе женщин, обеспокоенных тем, что их дети теряют родной язык и желание говорить на нем», – рассказывает Нателла Якимова, руководитель субботней школы «Перспектива» в Осло.

Но есть побудительные мотивы иного рода, когда поиск новой идентичности, ощущение себя эмигрантом порождают психологические проблемы. Кто-то возразит, что уехавшие в Европу соотечественники в большинстве своем не испытывают особого желания сохранять русский

язык. Что многие стремятся быстрее ассимилироваться. Во-первых, это не относится к большинству. Во-вторых, издержки интеграции в новую среду неизбежны. У детей мигрантов психологи отмечают повышенную тревожность, агрессивность, недостаточное проявление волевых качеств, сниженную адаптивность. «А это, – делится своими наблюдениями Виктория Новоселова из Центра российского образования в Чешской Республике, – естественно, осложняет их социальную адаптацию».

Русские школы в определенной мере решают эти неприятные проблемы. Развитие у детей навыков мышления на родном языке помогает ребенку точнее и правильнее понять, а значит, быстрее усвоить титульный язык принимающей страны. На это обстоятельство обратили внимание педагоги фин-

ского некоммерческого общества Mosaiikki.ru. Давно установлено, что у детей-билингвов гораздо лучше и раньше развиваются требуемые по жизни навыки и способности. Отсюда и вывод, сформулированный в Рабочей программе ЕС «Общее и профессиональное образование 2010»: «...должно стать нормой, чтобы каждый европеец владел двумя иностранными языками. Изучение иностранного языка, если это возможно, необходимо поддерживать уже в раннем детстве».

Родной, но не первый...

Большинство учеников русских школ дополнительного образования (РШДО) – дети в возрасте от 6 до 13 лет. Чаще всего сюда приходят дети, которые посещали русские детские сады. В некоторых случаях детские сады «встроены» в школы; такое удается, когда помещение арендуется на постоянной основе, а не только по субботам или воскресеньям.

Директора и педагоги русских школ едины во мнении: чрезвычайно важно научить детей писать и читать по-русски до поступления в «основную» школу по месту жительства. Дальше всех пошли в Пушкинской школе в Лейдене: там русскому языку начинают учить в два годика; на полтора года позже, в три с половиной, начинают в русской школе в Осло; с пяти лет стартует обучение родному языку в субботней начальной школе «Азбука» в Гамбурге (Германия). В большинстве других школ – тоже с пяти лет. По словам наших собеседников, они преподают русский как второй родной язык. Но все чаще используются элементы методики РКИ (русский как иностранный). Ведь сегодня в русских школах в Европе доля учащихся, родившихся не в России, достигает уже 60–70 процентов, а иногда доходит до 90 процентов. Это вторые и третьи дети эмигрантов периода 90-х годов.

Как правило, ребенок растет в смешанной семье, где общаются на языке страны проживания. Все чаще педагогам вновь созданных русских школ приходится сталкиваться с 6–7-летними детьми русских мам или пап, которые по-русски не говорят вообще.

Учителя отвечают на вопросы

Мы провели небольшой опрос, проанкетировав участников II Международного форума «Русский язык вне России», который проходил в этом году в Лондоне. Прежде всего мы поинтересовались, какой примерно процент от целевого контингента (детей из русскоязычных семей) охвачен русским дополнительным образованием в стране (городе) пребывания. Разброс цифр очень широк. Чаще всего фигурирует показатель 5–10 процентов (Нидерланды, Италия, Великобритания, Германия). По отдельным городам и муниципальным образованиям цифры выше (например, 40 процентов в Лейдене и лондонском районе Илинг). Удивила Болгария. В русской школе в Софии, по информации ее директора Любови Гезенко, обучается всего 50 детей при 25 тысячах потенциальных учеников! Многие родители хотели бы привести в школу своих чад, но кусается плата – 500 евро за полугодие. Получить же финансовую поддержку из России или со стороны местных спонсоров дирекции частного учебного заведения, каковым является школа г-жи Гезенко, пока не удается. Приятное исключение составляют Скандинавские страны. Учитель рус-

ского языка в коммуне города Фалун (административный центр округа Даларн, Швеция) Инна Шестопалова сообщила, что в целом по стране примерно 90 процентов русскоязычных детей имеют возможность изучать родной язык. А в 60-тысячном Фалуне, где она проживает, охват и вовсе составляет 100 процентов! Такой показатель – «заслуга» местного закона, согласно которому преподавание родного языка на бесплатной основе для

Учителя школы «АБВГДейка» на празднике русской Масленицы. Лондон, 1 марта 2009 года

коммуны. Я езжу по школам, которые расположены как в городе, так и в деревнях, где учатся русскоговорящие дети, родители которых подали соответствующее заявление. Иногда в школе один-два ученика – это не имеет значения. Я могу их объединить в одну группу или заниматься индивидуально, в зависимости от их возраста и уровня владения языком. В день у меня не менее 3–5 уроков, к тому же при начислении зарплаты учитывается время на дорогу. Кроме того, засчитываются методические часы, а их у меня несколько в неделю. В гимназических классах занятия длятся не 40, а 80 минут, и это тоже идет в зачет. Вот из этого и складывается моя зарплата. Но сейчас, в условиях кризиса, нас заставляют объединять детей одной школы. Это сложно,

Должно стать нормой, чтобы каждый европеец владел двумя иностранными языками. Изучение иностранного языка, необходимо поддерживать уже в раннем детстве.

детей этнических меньшинств должно составлять не менее часа в неделю. Практически все дети-иностранцы, посещающие общеобразовательные школы, используют это право. Встроенные в эту систему учителя русского языка получают за свои педагогические услуги из шведской казны весьма приличную зарплату – от 17 до 26 тысяч шведских крон (примерно 2–3 тысячи долларов). Вот что рассказывает Инна Шестопалова: «У меня 28 учеников от 6 до 17 лет, все они учатся в разных школах, но в пределах одной

когда на одном уроке шестиклассник и первоклассник и каждому надо уделить внимание, заинтересовать и научить. А ведь иногда в такой группе может быть от 5 до 12 учеников». А вот во Франции, где национальная образовательная политика фактически отвергает, власти не поощряют создание детских русскоязычных или двуязычных структур дополнительного образования. Не лучше ситуация и в Италии. По оценке директора миланского Методического

Какая она, русская школа?

Никто не знает точно, сколько русских школ в Европе, какие они и сколько детей охвачено обучением. До сих пор никто не предпринял попытки сделать точный «замер» состояния русского образования за рубежом, и в частности в Европе. Мы попытались составить примерный социально-экономический портрет типичной русской школы в Европе, опираясь на данные нашего анкетирования.

1. Оплата труда, социальная защищенность

Обычно в русских школах работают «часовики». В странах Западной Европы почасовая оплата их труда составляет 30–50 процентов от зарплаты «местных» учителей. Преподаватели русских школ, как правило, получают заработную плату только за часы, отработанные в школе. Не оплачиваются подготовка к занятиям, любой вид обучения (переподготовки). За один день занятий учитель русской школы получает от 15 евро в Италии, 12–20 фунтов в Лондоне и 30–50 евро в Нидерландах. Официально большинство учителей русских школ числятся волонтерами, получая не зарплату, а компенсацию. В большинстве стран Европы социальная защищенность «русских» педагогов оставляет желать лучшего. Если у них нет иной постоянной работы, они не получают стандартных социальных льгот.

2. Источники финансирования

Как правило, за счет платы за учебу, взимаемой с родителей учеников, формируется весь бюджет школы. Лишь у наиболее успешных этот показатель ниже. Например, в Пушкинской школе в Лейдене – 75 процентов, остальное обеспечивают спонсоры (10 процентов) и другие источники (15 процентов). Бюджет школы «Знание» в Лондоне на 90 процентов формируется из платы за учебу, остальное – за счет спонсоров, дотаций местных властей, реализации различных проектов.

3. Ситуация с арендой

На аренду помещения для школы уходит от 40 процентов (Пушкинская школа Лейдена) до 60–70 процентов («Знание», Лондон) и выше (в Италии, Норвегии, Франции) школьного бюджета. В ряде германских земель местные власти предоставляют русским школам возможность использовать свободные помещения на безвозмездной основе.

4. Плата за обучение

Обучение может быть бесплатным (Швеция, Норвегия), почти бесплатным или недорогим (10 евро в месяц в Германии, до 50 евро в Голландии и Италии). А может обходиться в приличную сумму (100–120 фунтов в месяц в Лондоне). Дополнительные кружки оплачиваются отдельно. Как правило, родители платят только за учебные дни. Каникулы и пропущенные дни при наличии оплаты не учитываются.

5. Число детей, возрастной состав

Количественный разброс по школам велик – от 20 до 200 учащихся. В среднем в одном классе 10–15 человек. Возрастной состав учащихся по классам обычно от 6 до 13 лет, но иногда бывает и от 3 до 16 и даже 20 лет. Активнее всего посещают занятия дети в возрасте до 7 лет. Затем численность классов с каждым годом снижается (примерно на 10 процентов в год); после пятого-шестого класса отсеивается до 60–70 процентов учеников.

6. Предметы, преподаваемые в школе

«Стандартный набор»: русский язык, литература, история, окружающий мир, музыка, рисование, танцы, театральное искусство.

В Европе книги наших писателей легче найти на английском, чем на русском

центра развития билингвизма им. Л.Н. Толстого Елены Зубовой, в больших городах Италии показатель охвата целевой аудитории русским дополнительным образованием составляет менее 5 процентов. На всю страну имеется чуть более 10 русских центров и школ. К тому же они расположены только в больших городах: в Милане и окрестностях (4 школы), Турине (1), Риме (1), Вероне (1) и т.д. В небольших городах и поселках ситуация еще хуже: здесь охват – до 1 процента. А ведь большая часть русскоязычных семей живет именно в небольших населенных пунктах. Отсюда идея наладить дистанционное обучение; ее активно внедряют в Италии. Так, дистанционное отделение уже два года существует при миланской школе «Гармония»; с нынешнего учебного года оно выделяется в отдельную структуру – Центр дистанционного обучения им. Л.Н. Толстого при ассоциации «Русский дом – Италия». И еще один важный момент. Русские школы культурологической, «страноведческой» частью своей учебной программы заточены на Россию. Но ведь в Европе две трети русскоговорящих – представители других наций бывшего СССР: немцы, молдаване, греки, евреи, армяне, украинцы и др. К примеру, в Италии львиная доля русскоязычных детей – выходцы из Молдавии и с Украины, и они, по сообщениям наших респондентов, крайне редко посещают русские школы. Между тем ежегодная эмиграция только из этих двух стран в Италию сохраняется на уровне 40–50 тысяч человек!

Проблема самоидентификации для выходцев из бывших советских республик и их детей порой стоит очень остро. В бельгийцев, французов и шотландцев они превращаться не спешат (или не могут), а сохранять национальную идентичность в Европе им сложно. В целом эта категория «наших» соотечественников вовсе не против сохранения русского языка как средства межнационального общения, как инструмента образования, однако эти люди не всегда заинтересованы в преподавании их детям российской истории, русской литературы. Ольга Севастьянова из школы «Слово» в Абердине (Шотландия) считает, что нужно создавать специальные учебные пособия по истории и литературе для русскоязычной диаспоры. Если мы действительно хотим расширить зарубежное про-

странство русского языка, русской литературы и культуры, охватив детей украинцев, чеченцев, греков и др., не лучше ли делать акцент на мультикультурную компоненту русского языка и литературы, на

Лондоне и других европейских столицах российские олигархи в спонсорстве русского образования за рубежом пока не замечены. Так что привлечение меценатов остается очень актуальной темой. Органи-

Сегодня в русских школах в Европе доля учащихся, родившихся не в России, достигает уже 60–70 процентов.

Пока основными «донорами» русских школ за рубежом являются не российские организации и фирмы.

многонациональный характер российского государства?

Как со спонсорами у нас...

В русские школы за рубежом редко приходят спонсоры. Чаще всего это преуспевшие в бизнесе мужья директрис школ. Проживающие в

затеры II Международного форума «Русский язык вне России» неслучайно пригласили в Лондон специалиста в области фандрайзинга. В Европе немало благотворительных фондов, помогающих образовательным учреждениям, в том числе этническим школам; да и

**КОНДИТЕРСКАЯ
Золотой Трюфель
ФАБРИКА**

ООО «Кондитерская фабрика «Золотой трюфель»

Тел/факс: (495) 730-41-11 E-mail: info@golden-truffle.ru www.golden-truffle.ru

Занятия в русских классах проходят в стенах английских школ

муниципальные власти нередко готовы выделить средства на их «интеграционные» усилия.

Но возникает множество вопросов: как правильно составить заявку на грант, как получить все необходимые образовательные и иные сертификаты, чтобы иметь право на получение «внешних» пожертвований?

Увы, пока основными «донорами» русских школ за рубежом являются не российские организации и фирмы. Например, русско-немецкий клуб «Самовар» в Любеке (Германия) уже 10 лет, с самого создания, поддерживается местным Rotary. И если бы не финансовая помощь этой организации, говорит председатель «Самовара» Гаянэ Готенова, вряд ли удалось бы создать на базе клуба русский детский хор и посто-

янно действующие классы русского языка...

На форуме в Лондоне было принято решение обратиться к правительству РФ с призывом выработать необходимые законопроекты и единую стратегию базовой поддержки сети русских школ дополнительного образования за рубежом. Участники форума обратились к правительству РФ с просьбой выделить 30-процентные субсидии «в бюджет тех школ дополнительного образования за рубежом, которые являются по форме некоммерческими и у которых отсутствуют дополнительные источники финансирования, кроме платы родителей за обучение».

...И как у них

Правительства ряда стран активно поддерживают сохранение языка и идентичности среди соотечественников. Правительство Франции, например, обеспечивает зарубежным французским школам, в том числе частным, 50 процентов их бюджета. Причем это не субботние школы, а полноценные лицензированные средние учебные заведения. В Лондоне это школы, в которых учебная

Я поняла, мама...

«Моя дочь родилась в Англии. Когда ей исполнилось 6,5 лет, я поняла, что без русской школы мне не научить ее понимать русский язык и культуру. Это стало очевидным, когда она однажды пришла из английской школы и небрежно бросила фразу: «Мама, я – англичанка, а ты – русская!» Я немедленно притормозила свой бизнес, которым занималась, и бросила все силы на организацию школы. Тогда, в 1997 году, существовали лишь некоторые классы при церкви да консультации, или так называемый экстернат при посольстве РФ два раза в месяц. Нужна была школа. Мы с коллегой Марией (обе педагоги-филологи) созвонились с другими родителями, нашли хороших учителей, настоящие школьные помещения, разработали концепцию школы, систему оценок, необходимый комплекс предметов: русский язык, русская литература и страноведение. В конце января 98-го наконец приступили к систематическим занятиям по субботам с 16 детьми. Это была первая профессиональная русская школа дополнительного образования в Англии – Лондонская школа русского языка и литературы. Сейчас нашей школе уже 11 лет, в ней работают постоянно 15–17 педагогов-специалистов и учатся почти сто ребят. Школа постоянно совершенствуется, у нее есть методическая библиотека, учебные программы, общая программа развития.

А что до моей дочери... Уже за первые три месяца посещения школы она научилась писать и читать по-русски. Бойко читала на память практически без всякого акцента строки из «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина, стихи и песенки к 8 Марта, стала больше говорить, лучше понимать русскую речь на слух. Еще через два-три месяца она сказала мне: «Я теперь поняла, мама, что русские люди жили в России, а теперь приехали пожить в Англии for a change (для разнообразия)». И у меня немного отлегло от сердца. Значит, мы на правильном пути. Дочь прочла сотни произведений русских авторов, всех не перечислить, ведь программа школы по литературе предусматривает 30–50 произведений в год, выучила десятки стихов, познакомилась с курсом русской истории до начала XX века, знает русских музыкантов, художников, ученых и актеров. Читает вслух по-русски почти без акцента. Хотя говорить ей гораздо труднее. Русский звук «Р» мы освоили только в 9 лет после нескольких часов занятий с логопедической тетрадью. С грамматикой тоже далеко не все гладко. Русские книги с полки тоже не берет по своей охоте. Но когда она в школьном спектакле представляла Чехова или Фонвизина со своим классом, читала стихи ко Дню Победы, вы ни за что бы не угадали, что русский язык у нее – лишь второй родной».

Ольга Брамли, директор Лондонской школы русского языка и литературы

программа на две трети британская и на треть – французская. Причем в небританскую треть входят не только родной язык, родная литература и история, но и, например, математика: считается, что во Франции математический курс прописан лучше. Французские (как, кстати, и японская) школы в Лондоне отвечают всем стандартам ЕС и Британии, имеют все необходимые сертификаты. Они полностью интегрированы в образовательную систему страны проживания. Как следствие – их выпускники легко поступают в британские университеты.

С другой стороны, они обладают достаточным уровнем знаний, чтобы поступать и в самые престижные университеты Франции. То есть дверь на историческую родину остается открытой. В итоге двойное образование становится все более популярным среди живущих в Великобритании французских семей, отсюда и последовательный рост количества французских школ в том же Лондоне.

Не хватает специалистов

Но даже если деньги на начальный этап создания школы находятся, все не факт, что в итоге получится действительно полноценное учебное заведение. «Непрофессионализм – хотя это не совсем точное и слишком грубое слово – явление характерное для многих школ, – считает директор Пушкинской школы в Лейдене Наталья Барабан. – Редко

Детский праздник в библиотеке района Илинг (Лондон) по случаю открытия Кабинета русского языка.
17 апреля 2009 года

когда организатор подобной школы имеет педагогическое или – что еще реже – филологическое образование. Он может быть неплохим «бизнесменом», знающим, как найти помещение, организовать «финансовую сторону» предприятия, подбирать преподавателей. Это не умаляет достоинств созданной школы, но заставляет педагогический состав тратить невероятное коли-

нает мне советские времена, когда специалистов по распределению направляли в школы в деревни, а они там не задерживались, поэтому грамоте учили те, кому придется».

Эти слова Натальи Барабан отражают типичную ситуацию типичной русской школы в Европе. Кстати, на лондонском форуме одна из участниц посоветовала, что многие из тех, кто участвовал в первом форуме «Русский язык вне России», за два минувших года «выпали из игры». То есть люди приходят на эту стезю, пытаются что-то сделать, сталкиваются с массой проблем и, не полу-

Большинство учеников русских школ дополнительного образования – дети в возрасте от 6 до 13 лет. Чаще всего сюда приходят дети, которые посещали русские детские сады.

чество времени для нахождения и определения учебной, методической литературы, на подготовку к каждому занятию и т.д. В русских школах за рубежом большая нехватка методистов, детских психологов, логопедов, филологов, лингвистов, специалистов по дошкольному образованию. И, конечно же, специалистов, преподающих русский язык как иностранный. Ими становятся сами педагоги, отработавшие в школе какое-то время. Но педагогов необходимо учить. Пока же происходящее в русских школах напоми-

чая адекватной помощи, уходят. Проблему недостаточного профессионализма, считают наши собеседники и респонденты, надо рассматривать в комплексе. Да, все чаще в России устраивают семинары для «зарубежных» преподавателей РКИ. На них приглашаются различные специалисты, в том числе по РКИ. Но, по мнению многих наших собеседников, «слишком далеки они от народа». Более эффективны были бы практические семинары на базе конкретных российских и зарубежных русских школ, у педагогов ко-

торых есть интересный опыт, специальные разработки, конкретные результаты. «Их опыт, – убеждена Наталья Барабан, – необходимо распространять, таких педагогов-практиков было бы здорово направлять в различные зарубежные русские школы для обмена опытом. Приток в русские школы и интерес к ним будут расти тогда, когда каждая школа станет маленькой изюминкой внутри большого пирога».

Сохранить связи с Россией

Проблема финансовой поддержки русских образовательных центров за рубежом, в которых обучаются дети уехавших на Запад россиян, представляется крайне актуальной. «Учеников было бы вдвое-втрое больше, если бы не ограниченные финансовые возможности родителей», – считает директор лондонской школы «Знание» Айна Шарифи. Аналогичные ответы получены и из других школ разных стран Европы; их директора в один голос пишут как минимум об удвоении контингента учащихся в случае 30-процентного или более значительного «внешнего» субсидирования. Но вопрос не только в стоимости об-

В Лондонской школе русского языка и литературы

Праздник, посвященный 210-летию со дня рождения А.С. Пушкина в Пушкинской школе в Лейдене (Нидерланды)

АНДРЕЙ ЗАДОРКИН

В русских школах за рубежом нехватка методистов, психологов, логопедов, филологов, лингвистов, специалистов по дошкольному образованию, специалистов, преподающих русский язык как иностранный.

учения. И не в том, что родители хотят поскорее покончить со старой идентичностью и обрести новую. Для проживающих в Лондоне отпрысков русских олигархов и вообще состоятельных людей сотня-две фунтов в месяц на оплату субботних занятий в русской школе – не вопрос. Только вот не посылают, как правило, туда своих детей богатые люди. В лучшем случае приглашают учителя на дом. Но в целом образовательные предпочтения этой части наших соотечественников лежат в иной плоскости. «Для быстрорастущего сообщества нуворишей России, – писала Sunday Times, – опре-

деление своих детей в английский пансион становится столь же обязательным, как владение виллой на Сардинии и яхтой на Карибах». В Лондоне довелось услышать рассказы о том, что жены некоторых олигархов в последние год-два прекратили «выписывать» преподавателей русского языка на дом. Дело в том, что их дети, посещающие престижные частные школы, вступив в подростковый возраст, утратили мотивацию к изучению русского языка. Подрастающее поколение с каждым годом все меньше ощущает связь с русским языком и Россией; они говорят на русском с ярко выра-

женным акцентом, их словарный запас родного языка довольно скуден. Но бог с ними, с детьми олигархов. Невозможность получения адекватного среднего образования на русском языке на Западе приводит к тому, что сотни тысяч детей русскоязычных родителей безвозвратно «уплывают» из Русского мира. Для них русский язык и русская культура перестают быть родными. Как результат – Россия теряет людской резерв, который при благоприятном раскладе (если родина станет более привлекательной и предсказуемой) мог бы ей еще послужить. Сохранение русского языка и русской идентичности могло бы помочь решить эту проблему. А раз так, то финансовые вложения как в русские школы дополнительного образования, так и в создание полноценных русских школ за рубежом окупятся сполна. ■

При участии Сергея Мирошниченко

И ВСЕ ЖЕ... КОГДА В РЕСТО-
ране «Старый Ереван»,
посетить который нам
рекомендовали наши ере-
ванские друзья, меню оказалось
только на армянском и английском
языках, стало немного обидно. Что
ж так быстро все забыли? Каких-то
18 лет прошло, а в Армении уже вы-
росло поколение, с которым мы в
лучшем случае теперь можем толь-
ко на английском объясниться...

Пожинаем горькие плоды...

«Увы, это правда», – подтвердили
в Международном центре русской
культуры «Гармония». По мнению
руководителя этой общественной
организации, Аиды Арутюнян, и
академика, профессора кафедры
русского языка Армянского государ-
ственного педагогического универ-
ситета им. Х. Абовяна Беллы Мар-
ковны Есаджян, спад в изучении
русского языка начался в Армении
в 1993 году. Тогда был принят за-
кон о языке, предусматривавший
преподавание в образовательных и
учебных заведениях страны только
на армянском языке. Вскоре после
этого все русские школы были за-
крыты или переведены на государ-
ственный язык обучения.

Надо отметить, что в советское вре-
мя в русских школах училось очень
много детей из армянских семей.
Не секрет, что уровень образова-
ния в русских школах в те годы был
выше, чем в армянских. Из-за этого
в русских школах – как в городских,
так и в сельских – всегда был пере-
бор учащихся.

«Нам приходилось слышать в каче-
стве упрёка, что в соседней Грузии
не закрыли ни одной из 17 русских
школ, – признается ведущий спе-
циалист Армении по вопросам рус-
ского школьного образования Бела
Есаджян, – но ведь грузины
практически никогда не отдавали
туда своих детей. В советские годы
там учились в основном русско-
язычные дети, а также дети из ар-
мянских, еврейских, курдских, но
не грузинских семей. В Армении
же сложилась совсем другая тради-
ция, поэтому и языковая реформа
прошла у нас довольно болезнен-

Алла Березовская [Ереван]

РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ: НА ПУТИ К СТАТУСУ

Пообщаться свободно на русском языке
в Армении сегодня можно в основном
лишь с представителями среднего
и старшего поколения. Молодые
люди или вовсе нас не понимали,
или говорили по-русски с большим
трудом. Правда, были при этом очень
приветливы и доброжелательны.

но. Сегодня мы пожинаем горькие
плоды. За эти годы было упущено
то, что вернуть уже нельзя, – поте-
рянное поколение школьников,
которое плохо знает русский язык,
не понимает, не читает и не гово-
рит по-русски».

Даже в советское время коренное
население Армении составляло 89
процентов в городах и 94 процен-
та в сельской местности. В годы пе-
рестройки и суверенитета из ре-
спублики в поисках лучшей жизни
выехали сотни тысяч жителей, что
интересно – в основном армянской
национальности. Но, конечно, сре-
ди выезжавших было и немало
русских. После закрытия крупных
комбинатов и промышленных ком-
плексов многие из приезжих спе-
циалистов остались без работы, да и
ситуация с русскими школами в Ар-
мении подтолкнула людей к отъез-
ду из страны. Сегодня в Армении
проживает не более 8 тысяч этниче-
ских русских.

Концепция в действии

«Русский язык выживет в сегодняш-
ней Армении?» – задаю я немного
провокационный вопрос. «А как же!
Он никогда здесь и не умирал, ну
разве что затаился немного», – заве-
рили собеседницы.

Ситуация с русским языком немно-
го изменилась в лучшую сторону по-
сле принятия правительством Арме-
нии в конце 1999 года концепции
«Русский язык в системе образова-
ния и общественно-культурной жиз-
ни Республики Армения». В 2000 году
было утверждено положение о функ-
ционировании школ с углубленным
изучением русского языка. Сейчас
таких школ в стране более 60. Кро-
ме того, со второго класса во всех об-
щеобразовательных школах русский
язык изучают в обязательном поряд-
ке или как иностранный язык, или
как отдельный предмет. В некото-
рых школах есть специальные клас-
сы, в которых преподавание ведется
на русском языке. По окончании две-

ИЗ АРХИВА ЦЕНТРА «ГАРМОНИЯ»

По инициативе Международного центра русской культуры «Гармония» в День независимости Армении в Ереване впервые состоялось праздничное шествие национальных меньшинств

надцатого класса выпускники школ сдают единый централизованный экзамен по русскому языку и литературе. В восьми ереванских вузах, в том числе в Российско-Армянском (Славянском) университете, обучение студентов ведется на русском языке.

ресмотра и либерализации закона о языке и определения статуса русского языка как языка межнационального общения. Этой проблеме был посвящен последний номер профессионального журнала для преподавателей «Русский язык в Армении», который издается в республике уже 10 лет и главным редактором которого является профессор Есаджян.

Говоря о перегибах в сфере языковой политики, Белла Марковна при-

Как признают многие граждане Армении, свободное владение русским языком в первую очередь необходимо им самим. Ведь не секрет, что многие из них содержат свои семьи, работая в России, да и в Армении большая часть рабочих мест обеспечивается предприятиями, взятыми под экономическую «опеку» РФ и федеральной Программой помощи регионам и странам СНГ, в числе которых есть и Республика Армения.

Дружим общинами

В Ереване зарегистрировано пять русскоязычных обществ. Центр русской культуры «Гармония» был одним из самых первых в республике.

«Наш центр был создан в 1993 году, – рассказывает Аида Арутюнян, которая последние десять лет возглавляет «Гармонию». – В наших рядах помимо русских женщин армян и их детей также очень много представителей армянской интеллигенции и тех людей, которые выросли и были воспитаны на русской культуре. Нам дорого все, что связано с Россией и ее историей, и мы не хотим, чтобы эти связи прерывались».

Помимо русскоязычных общественных организаций в Армении существуют также украинское, грузинское, еврейское, курдское, польское, ассирийское общества. Между собой они, как правило, общаются по-русски.

Конечно, трудности остаются, и о них постоянно говорят на своих конференциях русисты и преподаватели школ и вузов. Не удовлетворены они и качеством учебников, по которым занимаются школьники в классах с русским языком обучения. Но все это решаемые вопросы. Сейчас же, по мнению Беллы Есаджян, одна из основных задач общественности – добиваться пе-

вела случай с директором одной из общеобразовательных школ, которую оштрафовали за то, что она разрешила учителям по русскому языку заполнять классный журнал на русском языке. Директор обратилась в суд и выиграла дело. А потом и другие учителя-русисты подняли шум и добились разрешения тоже вести журналы по своему предмету на русском языке.

Помимо русскоязычных общественных организаций в Армении существуют также украинское, грузинское, еврейское, курдское, польское, ассирийское общества. В стране зарегистрировано 11 объединений национальных меньшинств. Между собой они, как правило, общаются по-русски. «Сначала мы существо-

альбомы с фотографиями, на которых запечатлены счастливые лица участников шествия. «Вот поверьте, никто из них не возьмет греха на душу и не скажет, что в нашей стране кого-то ущемляют по национальному признаку», – уверяет председатель «Гармонии». – Армения одна из стран, где подобного вообще никог-

ные вечера, выставки, презентации новых фильмов и книг. Московский Экспериментальный молодежный театр под руководством В. Спесивцева порадовал местных театралов двумя спектаклями – «Горе от ума» и «Дорогие мои, хорошие...». Был полный успех.

«И обязательно напишите про наш школьный клуб «Что? Где? Когда?», – попросила на прощание Аида Сергеевна. – В Армении среди студентов такой клуб уже был, мы же решили привлечь к игре школьников, причем все игры будем проводить только на русском языке. Наш проект был поддержан фондом «Русский мир», который выделил нам грант для его реализации. Теперь наши школьники, стремясь выйти в корифеи клуба, начали много читать русскую литературу. А еще мы пригласили поучаствовать в игре представителей других национальных организаций, в том числе и взрослых. И знаете, так здорово все получилось, что теперь все за мной ходят и просят: «Давай еще!» Я очень хочу привлечь молодежь к нашему движению, чтобы наши дети так же полюбили русский язык и культуру, как любим их мы». О преемственности традиций говорила и Белла Есаджян. С подачи педагогов-словесников и при поддержке Министерства образования в Армении регулярно проводятся олимпиады по русскому языку и литературе среди студентов и школьников, международные конкурсы. В четырех государственных вузах страны ведется подготовка учителей русского языка и литературы, проходят семинары и конференции для преподавателей-русистов, на которые съезжаются педагоги со всей республики и из Нагорного Карабаха, приглашаются ведущие специалисты-филологи и лингвисты из России. Профессор Есаджян уже подготовила 47 кандидатов наук, на очереди еще пять. По ее мнению, за русский язык в Армении теперь можно не переживать. Особенно если правительство узаконит его официально. Именно за это сейчас и выступает общественность страны в лице педагогов и остальной интеллигенции Армении. ❀

Президент Международного центра русской культуры «Гармония» Аида Арутюнян (слева) и академик, кавалер ордена Дружбы РФ, профессор Белла Есаджян

вали исключительно на общественных началах, – рассказала «Русскому миру.ru» Аида Арутюнян. – Но мы стучались во все двери и в конце концов добились, что и в правительстве РА теперь есть отдел по вопросам нацменьшинств и религий, а в аппарате президента был создан Координационный совет национальных меньшинств Армении, в который входят по два представителя от каждой общины. Вместе мы обсуждаем общие вопросы, сообщаем проводим многие мероприятия. Государство выделяет каждой нашей организации небольшие суммы на реализацию культурных и общественных программ». Так, в сентябре в рамках празднования Дня независимости республики в Ереване прошел праздник нацменьшинств Армении. Под оркестр по главным улицам города со своими флагами прошли одетые в национальные костюмы русские, грузины, украинцы, поляки, курды... Всего более двух тысяч человек. В руках они несли плакаты, на которых на двух языках было написано «Армения – наш общий дом», «Единство в разнообразии»... Рассказывая об этом праздничном шествии, Аида Арутюнян охотно демонстрирует

да не было – ни в советское время, ни сейчас. Мы живем дружно, прекрасно сотрудничаем друг с другом. Меня недавно пригласили на праздник в курдскую общину, все сидели за столом, звучали тосты на курдском и армянском языках. Но когда обратились с приветственным словом ко мне, то тосты произносили на русском языке. Я была приятно удивлена, честно говоря, у нас считалось, что курды не знают русского, оказалось, это совсем не так».

Поддержал фонд «Русский мир»

В сентябре проходили Дни русского слова в Армении – широкомасштабное мероприятие, которое уже в третий раз проводили федеральное агентство Россотрудничество и Российское общество дружбы и сотрудничества с Арменией. Его президент Виктор Кривоупусков недавно возглавил представительство Россотрудничества в РА и Российский центр науки и культуры, открывшийся в Ереване в апреле этого года. Писатели, поэты, артисты, режиссеры, художники из России выступали перед студентами, жителями разных городов Армении, в Доме Москвы проходили творческие и литератур-

Оксана Прилепина
Фото Антона Беркасова

ВСЕМ МИРОМ

Интердом в Иванове занял исключительное положение прямо со дня основания – 26 марта 1933 года, став единственным в мире интернациональным детским домом для детей коммунистических борцов. «Маленькому Интернационалу» отдавалось все лучшее в СССР.

ЗАКРЫТОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ вскормило детей Мао Дэдуна, Долорес Ибаррури, Пальмиро Тольятти, Джу Де, будущих министров, экономистов, военных героев, чьими именами потом называли пароходы и улицы по всей планете. В одной КНР председатель парламента и 9 министров в разные годы были выпускниками Интердома. Спустя

десятилетия утихли сражения за коммунизм, и Интердом стал принимать жертв всех подряд земных войн и природных катаклизмов: Кореи, Вьетнама, Афганистана, Ирана, Ирака – всего 85 стран. Примечательно, что до последних лет Интердом не был государственным. Он исправно финансировался федеральной казной, но с 1947 года относился к общественной органи-

зации «Российский Красный Крест». Точки помогло расставить Минобороны РФ, решившее в 2004 году на месте Интердома организовать суворовское училище. В громкий скандал было вовлечено много информационных и властных ресурсов, два года воспитанники жили под страхом расформирования, даже грозили устроить голодовку, но в результате детский дом не просто устоял, а даже приобрел исключительный статус, перейдя под эгиду Минобразования. Теперь это единственный детдом России, который финансируется из федерального бюджета.

Боль всех времен и народов

Автором и спонсором идеи интернационального детского дома стала немка Монтена Мозер. Ее отец создал первую в России часовую фабрику Henry Moser & Cie, разбогател. Но Монтена «не ощущала себя в богатстве счастливым человеком». Девушка искала смысл жизни в социал-демократических и коммунистических партиях, работала в Англии ученицей медсестер, а когда вступила в наследство, начала думать: «В какой форме вернуть Совет-

скому Союзу деньги? Ведь мы этими деньгами были обязаны в первую очередь русским рабочим». Советский Союз с воодушевлением принял ее предложение организовать приют для детей-жертв фашизма. Но то ли средств не хватило, то ли были другие соображения, а официально Интердом считается построенным на деньги ивановских ткачей и рабочих всей страны. Даже сохранились кадры кинохроники, как летом 1930 года по улицам Иванова и окрестных деревень развозят грузовик, украшенный флагами и транспарантами. Человек с жестяным рупором агитирует жертвовать средства на строительство детдома. На при-

зыв откликнулись Москва, Ленинград, Харьков, Кострома, Рыбинск, Иваново-Вознесенск. Здание Интердома построили в духе популярного тогда конст-

руктивизма, чтобы с высоты птичьего полета оно напоминало серп и молот. Иваново вообще уникальный музей этого архитектурного направления: тут есть дом-пуля, дом-подкова, дом-корабль, дом-чайка, дом-танк.

5 июля 1933 года спецпоездом прибыли в Иваново первые дети со всех уголков планеты: едва живые, измученные страхом, голодом, болезнями, скитаниями и в лучшем случае неизвестностью о судьбе родителей. Большинство – с вымышленными именами, не имеющие понятия, куда их везут. А их везли туда, где возвращают детство и надежду на счастье и успех. Многие, оперившись в Иваново, потом улетят продолжать дело отцов, возглавят освободительные отряды или поведут свои уже мирные страны к светлому будущему. Но все без исключения они будут себя считать гражданами СССР. Как-то на 70-летие Интердом собрал всех выпускников и провел переключку по залу. Последней в

списке стран стояла Россия. Не стовариваясь, встал весь зал! Эти люди в местной книге отзывов пишут о том, что чувствуют себя «в вечном неоплатном долгу» перед теми, кто их спас от смерти, дал воспитание и образование. Многие остались жить в России – только в Москве более 100 человек. Большая группа живет в Швеции – там поначалу оседали чилийцы, которых долгие годы не пускали домой. 18 человек отдали жизнь второй родине на фронтах Великой Отечественной. А кубинец Хорхе Виве даже был специально приглашен в Москву на Красную площадь для участия в Параде Победы 9 мая 1945 года. В честь погибших в парадном зале детского дома повесили мемориальную доску и посадили в парке аллею из 18 рябин. Но для удержания имен в памяти этого недостаточно, решили в детском доме, – и каждой рябине присвоили имя героя, закрепили ее за конкретным отрядом.

Здание Интердома архитектор Николай Порхунوف спроектировал в честь В.И. Ленина

Земные поклоны

Современный Интердом стоит у лесопарка, на окраине Иванова. Десять кирпичных отремонтированных корпусов, в которых размещаются школа на 400 мест, два общежития, столовая с кухней, спорткомплекс с бассейном, киноконцертный зал, библиотека, медчасть, прачечная, гараж. На четыре с половиной гектара раскинулся маленький детский городок, чистый и ухоженный. Из со-

«Меркурий» – подарок итальянских коммунистов. Имя скульптора и дарителей не известны

ображений безопасности до десятого класса детям нельзя без сопровождения выходить за пределы территории. Но никто и не рвется: за все годы существования детского дома отсюда не сбежал ни один ребенок.

В городке сейчас живет 350 детей от 7 до 18 лет. Каждый день к ним приходят 170 взрослых: 45 уборщиц, дворники, слесари, 17 поваров, 11 медиков, 6 водителей и 87 педагогов (учителя, преподаватели вузов – для старшеклассников, воспитатели).

На дубах под морозящим дождем дрожат бронзовые листья, замер в легком беге мокрый Меркурий, символ Ин-

тердома. Эту статую в год открытия подарили детдому итальянские коммунисты. Позже, когда встал вопрос о символе Интердома, все проголосовало за красивую статую, рассудив, что ведь Меркурий по всему свету летал, видел все страны. Правда, со времен Великой Отечественной у него нет на ногах крылышек – уже будучи взрослыми, хулиганы-воспитанники признались, что отломали их из-за внешнего сходства с пистолетами. Меркурий не может пожаловаться на отсутствие внимания со стороны детей: то трусы на бедняжку наденут, то укутают в холода.

В таких папках хранятся сведения об интердомовцах. Бывало, в них лежало одно фото на все детство

Еще день, так что на улицу пока никому нельзя. Порядок заведен строгий: с 8 до 14 часов – школа, малыши учатся до 12.30. Затем обед, кружки (их 26 – музыка, хореография, языки, спорт, изобразительное искусство и т.д.), часы самоподготовки, а после ужина – свободное время. За соблюдением режима дня следят воспитатели, они головой отвечают за каждый детский волосок и каждую двойку.

Единственное, что остается здесь проблемой, – это свободный доступ в Интернет. Компьютеров в Интердоме много, но пока нет средств на подключение к безлимитному тарифу. В муниципальную программу бесплатного Интернета Интердом не включен, так как финансируется федеральным бюджетом, а имеющиеся средства на этот год уже распланированы.

На стенах школы – разрисованные карандашами и фломастерами плакаты: «С днем рождения, мамочка!» Это третьеклассники поздравляют учительницу. То и дело из класса в класс переходит толпа детей, волочащаяся за очередной учительницей или воспитательницей – диву даешься, сколько ручонков одновременно на ходу может вцепиться в одну женщину. Причем эти чудо-конструкции из женщин и детей передвигаются на удивление быстро, не спотыкаясь – что значит привычка!

Учителя Интердома никогда не получали цветов 1 сентября – где взять-то? Зато ни в одной обычной школе не обрушивается на учителя такой шквал поцелуев, объятий, корявых стихов про маму собственного сочинения и радости встречи после каникул. Какое сердце найдет в себе силы после этого уволиться из-за низкой зарплаты? Вот и нет здесь практически текучки, несмотря на то, что до декабря 2008 года директор высшей категории при полной нагрузке получал 5 тысяч рублей в месяц, а учителя и воспитатели – хорошо, если по 3. Переход на новую систему оплаты, в связи с российской реформой образования, поднял здесь среднюю зарплату учителя до 12 тысяч, воспитателя – до 10–11 тысяч – неплохо для Иванова. С коллективом в Интердоме никогда проблем не было еще и из-за отношения к пенсионерам. Всех быв-

ших педагогов встречают накрытым столом и концертом пять раз в год: 1 сентября, в День учителя, 8 Марта, на вечер встреч, выпускной бал. Организаторы головы ломают, как не обидеть ребят, выпустив на сцену не все 48 отрепетированных номеров, а лишь 18. Любимых учителей не за-

бывают и бывшие ученики: поздравляют, звонят, помогают, при случае бьют земные поклоны.

Выстраивается человек

В Интердом попадают ребята из социально и экономически неблагополучных регионов. Также это дети бе-

В Интердоме десять корпусов, в которых школа на 400 мест, два общежития, столовая с кухней, спорткомплекс с бассейном, киноконцертный зал, библиотека, медчасть, прачечная, гараж.

К очередной выставке архивных фотографий здесь относятся как к семейному альбому

Медпомощь дети получают на территории Интердома. В сложных случаях их везут в поликлинику или больницу через дорогу

женцев, вынужденных переселенцев, погибших при исполнении служебного долга или из малообеспеченных, неполных семей. Среди них отбирают самых умных и талантливых, высматривают в интернатах всей страны. Зачем? В спецучреждения крайне редко попадают дети из благополучных семей, где родители погибли, а родственники детей не забрали. В основном речь идет о запущенных детях, часто больных. Одаренных детей, которые могли и хотели бы отряхнуться

средства. Директор Интердома Галина Шевченко убеждена, что такая попытка спасти лучших плодотворна: «Уже к первому году пребывания у детей появляется культура общения, поведения, встраивания в коллектив. Наша задача – не потерять ни одного ребенка. Пока они здесь, мы развиваем в них все заложенные способности. Склонности помогает определить штатный социальный психолог. Мы всеми силами добиваемся конкурентоспособности наших детей во взрос-

губернатор Ивановской области по традиции лично вручал красные дипломы выпускникам вузов, которые проявили себя и в социальной жизни города, – так вот из одиннадцати человек пятеро были нашими воспитанниками. Мы следим за их судьбами после выпуска, звоним по деканатам, спрашиваем, нет ли «хвостов», что с посещением, готовы растерявшихся ребят срочно спасать. В итоге многие успешно занимаются бизнесом, на вечерах встреч наш двор заполняют дорогие автомобили».

Немаловажную роль в социальной адаптации детей играет Ассоциация выпускников Интердома. Ее основал бывший воспитанник, Вангелис Ксиротириис, грек, который вместе с папой когда-то бежал в Иваново от режима «черных полковников». Ассоциация состоит из бывших интердомовцев, помогает своим и материально, и морально. Каждый год на вечерах встреч Вангелис Ксиротириис, московский журналист, поднимается на сцену и говорит: «Ребята! Что бы в вашей жизни ни случилось, как бы вы ни ошибались, у нас для вас всегда найдется кусок хлеба и койка на ночь – остального вы, как и мы, добьетесь сами». Нет проблем у детского дома

В Интердом попадают ребята из социально и экономически неблагополучных регионов, дети беженцев, вынужденных переселенцев, погибших при исполнении служебного долга, из малообеспеченных, неполных семей.

от кошмарного прошлого, катастрофически мало. В итоге получается чудовищная статистика, которая озвучивается разными источниками: всего 2–3 процента выпускников детдомов и интернатов благополучно устраиваются во взрослой жизни, остальные становятся преступниками, бомжами, находятся в группе риска, несмотря на то, что государство в каждого ребенка вкладывает колоссальные

средства, давая хороший уровень знания иностранных языков и компьютера. Десятый–одиннадцатый классы мы делим на профильные и в качестве учителей основных предметов приглашаем преподавателей из восьми ивановских вузов. Мы гордимся достигнутыми результатами: 99,8 процента наших выпускников поступают в вузы. Многие оканчивают их с красными дипломами. В прошлом году

и с рекомендательными письмами влиятельных людей, с этим неоднократно помогал попечительский совет, который возглавляет знаменитый шахматист Анатолий Карпов. В судьбе ивановских детей принимают участие и иностранцы. В 1992 году в Бельгии собрались энтузиасты, которые по сей день финансируют двухнедельное проживание 20–30 интердомовцев в бельгийских семьях. Дети и «родители на каникулы» не прекращают поддерживать связь долгие годы, иногда даже участвуют в образовании ребят. Так, в этом году две сестры, Луиза и Диана Бузуртановы из Северной Осетии, попавшие в Интердом во время осетино-ингушского конфликта, судьбу отца не знающие до сих пор, окончили Российский университет дружбы народов в Москве, и бельгийская ассоциация пригласила их продолжить обучение во Фландрии на экономическом факультете. Сейчас девушки учат язык, усер-

дно готовятся к мартовским вступительным экзаменам. Вот уже три года как из Евросоюза, США в Интердом приезжают волонтеры, молодые студенты на срок от 6 до 9 месяцев. Они работают воспитателями, ведут кружки, секции, помогая детям с разговорным иностранным. В июле–августе детей в Интердоме нет. 120–150 человек ежегодно забирают родственники, остальным администрация выкупает путевки в лагеря. Московская железная дорога в течение шести лет предоставляет 25 путевок в детский дом отдыха на три смены, правительство Москвы дарит путевки на море. Однако внимания, хорошей материальной и образовательной базы мало для того, чтобы выветрить из детей «ценности», приобретенные в бесприютном прошлом, считает хранительница музея Интердома Софья Кузнецова: «Дом, родина и родители – это тот

костяк, на котором выстраивается человек. Что есть у наших сирот? Родина? Дом? Это была теплотрасса или детский приемник в лучшем случае. Родители? Лучше бы их не знать. Интердомовским сиротам повезло несказанно. Они обрели дом с такими традициями, с такими родителями и предками. Наша картотека, фототека из 4000 фотографий, музей – это семейные реликвии, где каждый находит себе пример для подражания». Софья Ивановна служит Интердому более 40 лет, и именно благодаря ее усилиям здесь живы советские традиции: отряды, уважение к истории, отмечание юбилеев ВЛКСМ и пионерии, стенгазета с названием «Песню дружбы запевают молодежь». Сама она довольно современная энергичная женщина, активный пользователь Интернета и не видит ничего смешного в этих своих инициативах, она убеждена, что Интердом мо-

Самоподготовке у старшеклассников отведено минимум два часа в день

Софья Кузнецова спустя 42 года работы не перестает благодарить судьбу, связавшую ее с Интердомом

жет стать колыбелью возрождения интернационального духа России. «История поворачивается, – говорит Софья Кузнецова. – Был у нас колумбиец Рикардо, скучал по отцу-матери, казнь произошла на его глазах. Мы ему говорили: «Успокойся. Ты вырастешь, заведешь свою семью, будешь бороться за свободу своей родины, и твоя страна будет жить хорошо». Прошло время. Приезжает он к нам «вторым Че Геварой», лидером освободительного движения в Колумбии. А у нас перестройка, зарплаты нет несколько месяцев. Он стоял, гладил меня по плечу и говорил: «Успокойся. Все пройдет, и ваша Россия снова будет Россией, и все у вас будет хорошо».

Лезгинку здесь танцуют так, как танцевали отцы, деды и прадеды в родной Ингушетии

Мама сказала, в Назрани опасно

Из спортивного зала доносились звуки лезгинки и дружные лихие выкрики мальчишек. Ингуши от самых маленьких до десятиклассников на занятии по хореографии показывали хореографу Инне, как это делается. Мы невольно застыли в дверях. Как танцуют! Кровь горит, в глазах огонь! И ведь их никто не учил специально, они делают это так, как танцевали их отцы и деды. Особенно хорош самый старший, десятиклассник

вать и стараться отличаться от других самоучек. Быть самым красивым. Мне сильно легче общаться со своими, из Ингушетии. Но я освоюсь, выучу язык. Меня уже отправляли в Россию в честь того, что хорошо учусь, на Кремлевскую елку. А теперь вот живу здесь». Замминистра образования Ингушетии всегда лично сопровождает детей в Интердом. Она рассказывала такой забавный случай. Везжает утром автобус в Москву. Один мальчик выглянул в окно и вдруг начал кричать: «Нана! Нана!» («женщи-

ся. Здесь вообще-то хорошо: красиво, много лестниц, еда хорошая, много подружек. А несколько дней назад приезжала мама, сказала, еще приедет. Не знает когда, она же далеко живет. Мама сказала, что в Назрани еще опасно, и она очень рада, что мы с братом здесь. Он в первом классе учится. Мама мне телефон привезла. Настоящий! Бабушка подарила, телефон мало у кого тут есть. Мне не жалко давать всем звонить, но я не могу, там всего 55 рублей. А мы с братом не балуемся, я каждый день хожу его навещать после самоподготовки».

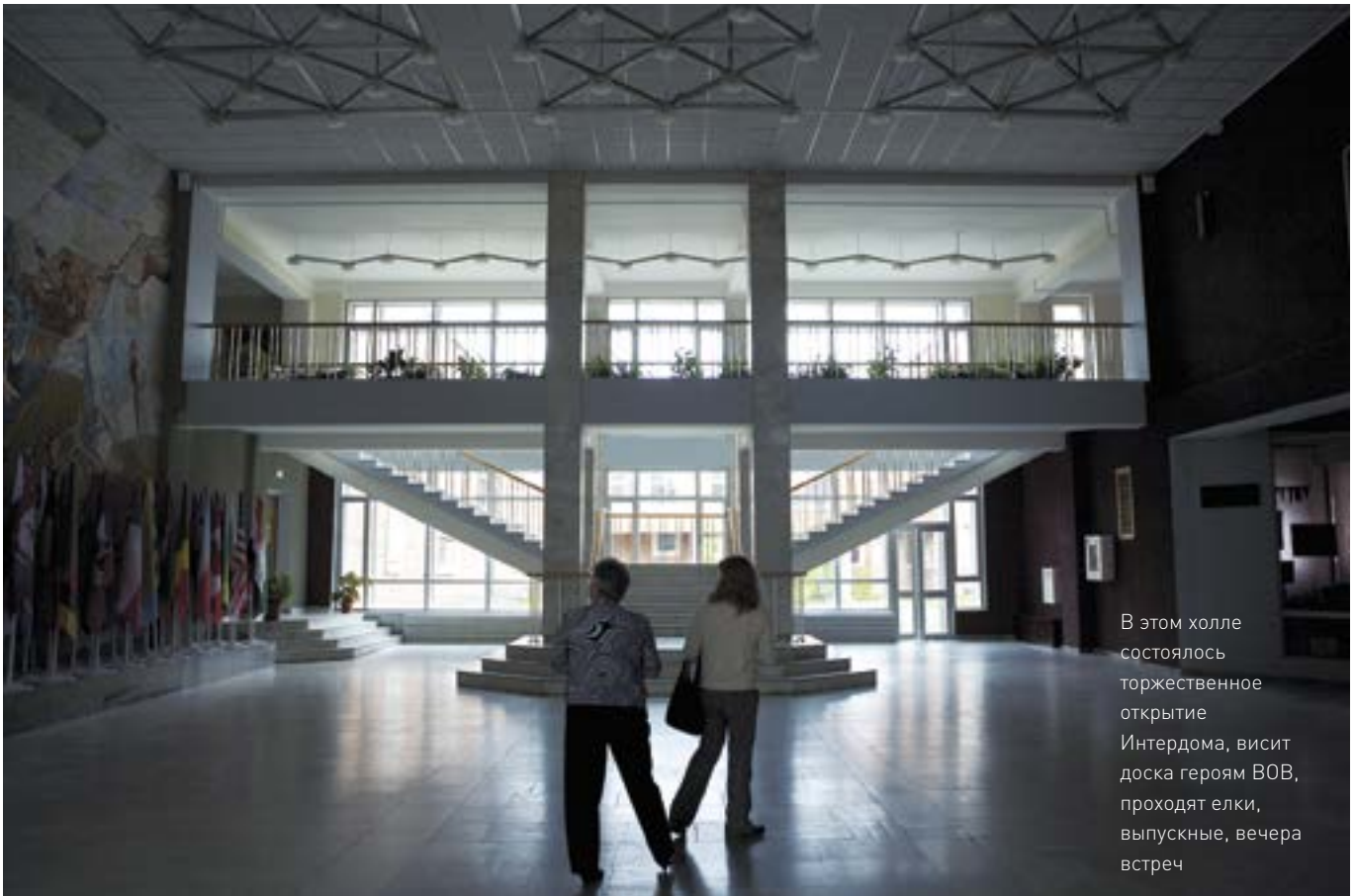
В городке сейчас живет 350 детей от 7 до 18 лет. Каждый день к ним приходят 170 взрослых: 45 уборщиц, дворники, слесари, 17 поваров, 11 медиков, 6 водителей и 87 педагогов.

красавец Осман Боков. Он в Интердоме лишь с 1 сентября, но уже говорит довольно бегло: «Мы лезгинку обычно на свадьбах танцевали, как только учились ходить. Этому можно научиться, но только если когда-нибудь это видел. Наши ребята плоховато еще танцуют, совсем даже не могут. Главное в лезгинке – ритм поддержи-

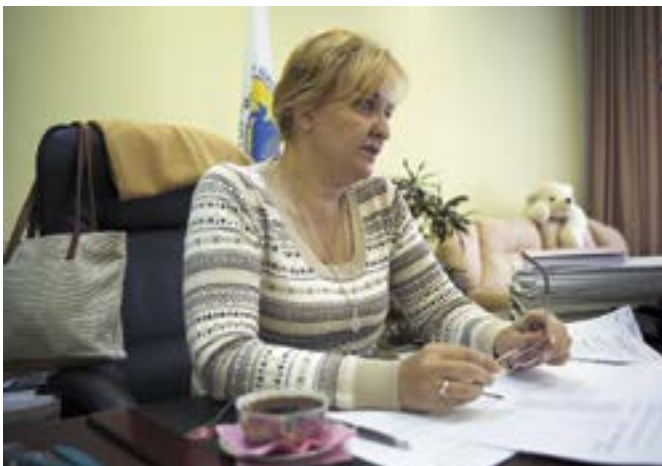
на» по-ингушски). Всех перебудил. Он впервые видел женщину за рулем. Мальчик приехал в другой мир. У многих детей есть родители, но из-за всем понятных трудностей они могут детей забирать домой только в мае, на лето. Мальшка Хава Нальгиева смотрит на меня большими ласковыми черными глазами: «Домой хочет-

Спасение будущего Земли

Разговоры администрации Интердома о международных связях – не просто ностальгические воспоминания. Во-первых, эти связи живы до сих пор. Во время марафона Москва–Пекин маршрут специально из-за Интердома провели через Иваново. Не раз здесь были представители правительств Китая, Кубы, Анголы и других стран. Все время возобновляются разговоры о возвращении Интердому международного статуса, но на новой основе. Не секрет, что российское высшее образование востребова-

В этом холле состоялось торжественное открытие Интердома, висит доска героям ВОВ, проходят елки, выпускные, вечера встреч

Директор Галина Шевченко всего за восемь лет вывела Интердом из разрухи на высочайший уровень по всем показателям

но в Китае, странах Азии и Африки. У первокурсников-иностранцев возникает много проблем с языком, адаптацией к российской жизни и различиями в системе образования. Интердом, обладая огромным опытом в этой области, хочет принимать в свои стены старшеклассников и готовить их к поступлению. Сейчас, с точки зрения педсостава, это даже проще сделать, оказывается, в Иванове уже не так сложно найти людей, говорящих на любом языке из-за большого количества вузов, принимающих иностранцев.

Конечно, такую смелую инициативу нельзя взять и внедрить без согласований. Интердом озвучил идею Министерству иностранных дел, это первый шаг. Дальше нужно будет на высоком уровне получить разрешение брать с иностранцев деньги за обучение. Пока, как государственное учреждение, детский дом обязан давать все бесплатно. Но на это его бюджет не рассчитан. К тому же пока, к сожалению, в России не убывает число детей, которым требуется помощь. А всех нуждающихся в одну школу не примешь. Директор Галина Шевченко за этой идеей ви-

дит большую политику: «Интердом не стоит рассматривать только как школу русского языка. Мы учебное заведение, через которое прошло огромное число людей из разных стран, которые благодаря нам стали преданными друзьями России. Вернувшись в свои страны, они проводят политику дружественного сотрудничества с нашей страной. Мы существуем 76 лет, нас давно называют барометром мировых событий. И будет очень печально, если эта уникальная база, которая столько времени у нас копилась, совершенствовалась, останется не востребованной».

Софья Кузнецова горячо подхватывает актуальную тему: «Если здесь объединены дети со всего земного шара, то что мы спасаем? Будущее Земли. Вот такое нам досталось наследство. И оно прекрасно. Почему мы должны только отдавать наших детей в иностранные семьи? Спасаю других, спасемся сами. Интердом – намоленное детским горем место, святое. Оттого сюда без конца едут выпускники, привозят детей и жен, чтобы и к ним пришла частица того духа, который на Земле должен жить». 🍷

РУССКИЕ АРХИТЕКТОРЫ В ЛОНДОНЕ

Редко кому из российских архитекторов удастся открыть бизнес на Западе и преуспеть в сегменте дорогого частного строительства. Светлане Кузнецовой и Игорю Фальковскому это удалось. О том, как живут и работают добившиеся успеха в Лондоне россияне, они рассказывают «Русскому миру.ru».

Игорь Фальковский, Светлана Кузнецова
и их английский партнер молодой
архитектор Аарон Брукс

ИЗ АРХИВА STUDIO DAR ARCHITECTS

И так, вы учились в МАРХИ...
Светлана Кузнецова: В МАРХИ мы учились в аспирантуре. До этого я окончила архитектурный факультет Политехнического института в Хабаровске, а Игорь – в Волгограде.
– И как протекает ваша нынешняя пасторальная жизнь в собственном доме на берегу Темзы?

С.К.: Она не пасторальная, мы много работаем. Но и советскую жизнь не забываем. После института меня распределили в «Военпроект». У нас в мастерской был парень, Серега Храмов. Он приходил на работу, клал ноги на стол и ничего не делал. Его не увольняли, но и зарплату не повышали на 10 рублей в год, как остальным. Народ упражнялся в отвращении к работе, там совершенно нечего было делать! Я читала журналы. Через несколько лет уехала в аспирантуру в Москву. Это был 90-й: талоны, демонстрации. А потом очень быстро мы очутились в Англии.

– Можно поподробнее?

Игорь Фальковский: Вначале Светлана получила третью премию на архитектурном конкурсе в Турине. Он назывался «Жизнь бездомных в мире». Итальянцы в те годы ошалели от нелегальной эмиграции, и FIAT спонсировал конкурс, чтобы понять, что в принципе с эмигрантами делать. Света решила проблему радикально.

С.К.: У нашего проекта был девиз: «Бездомный! Иди домой!» На примере России, конечно. Дескать, все бегут из деревень в большие города, хотя делать там нечего, а у каждого есть своя малая родина, и почему бы туда не вернуться. Мы не вписывались в рамки политкорректности, но итальянцы пришли в восторг. Нас пригласили в Италию, вручили премию – тысячу долларов. И на эти деньги я поехала на пять недель в Лондон учить язык. А потом как человек, сносно говорящий по-английски, показывала Москву двум известным архитекторам, Полли Хоуп и Тео Кросби. Они проводили в МАРХИ семинары в рамках программы Project Imagination. Тео Кросби был основателем легендарной студии Pentagram. Как настоящие «левые» интеллектуалы,

они приглашали молодежь со всего мира работать в студии. Позвали и меня. Потом в Лондон приехал Игорь...

И.Ф.: Я побродил по городу, вырулил ночью, под дождем, к Tower Bridge и понял, что это мое место на земле. Тем более что никаких проблем с общением я не испытывал, мне повезло со школьными учителями.

– Вам было просто остаться в Англии?

С.К.: Совсем непросто. На легализацию ушло лет пять. Но мы все время работали. Игорь из Лондона принимал участие в проектировании бизнес-центра «Усадьба» на Тверской: делал всю раскладку камня на фасадах и вход с Вознесенского переулка.

И.Ф.: Потом возникла небольшая английская компания, которая декорировала интерьеры. Она получила заказ на строительство частного спортивного клуба и искала архитектора для проектных работ. Вначале они пригласили меня, затем позвали Светлану, освоившую к тому времени компьютер и делавшую всю ра-

контракты, брать кредиты, общаться с заказчиками и подрядчиками. По сути, это была подготовка к ведению собственного бизнеса.

С.К.: Игорь блестяще сдал экзамены, не только устный, но и письменный, который длился три часа.

– Что надо было сочинить за три часа?

И.Ф.: Сценарий строительства в письмах. С первого контакта с клиентом, первой встречи, благодарности за эту встречу, обсуждения собственного гонорара, переговоров с органами власти и т.д. до сдачи готового объекта. Это и по-русски сделать непросто, а по-английски тем более.

– Что вам дал полученный диплом?

И.Ф.: Право открыто называть себя архитектором. Я ведь и до этого проектировал, никто мне не запрещал, но называть себя архитектором не мог – это противозаконно.

С.К.: Мы открыли компанию Studio DAR Architects, зарегистрировались в RIBA (The Royal Institute of British Architects) – местном Союзе архитекторов. За членство в этой

**Главное, что дает
архитектурный диплом, – это право
на профессиональную страховку.
Для небольшой компании Studio DAR Architects
она составляет 1 миллион фунтов.**

бочую документацию. И мы быстро сделали компанию богатой. Вначале нас ценили, потом стали опасаться, что мы уйдем. Так и вышло.

– Чтобы уйти, вам, очевидно, необходима была корочка об английском образовании?

С.К.: В Англии архитектурное образование трехступенчатое: Part I, Part II и Part III. Между этими частями надо обязательно поработать. Мы со своим образованием и опытом соответствовали второй ступени. Собрали все документы, дипломы, конкурсные проекты, реализованные проекты, прошли аттестационную комиссию и получили Part II. У нас уже было двое маленьких детей, поэтому на дальнейшую учебу был делегирован Игорь.

И.Ф.: Полгода я ходил на лекции, где мне объясняли, как заключать

организации мы ежегодно платим очень приличный взнос, зато имеем ряд преференций. Вступили в ARB (Architects Registration Board) – госорганизацию, которая отслеживает деятельность архитекторов и является буфером между клиентами и архитекторами. Самое главное – мы получили право на профессиональную страховку. Для нашей небольшой компании она составляет 1 миллион фунтов.

– Вам не скучно строить частные дома?

И.Ф.: Так это же самое интересное в архитектуре! Каждый частный дом – головоломка! Объект может быть небольшой, а творческие, технические и прочие вложения в него – колоссальны. Частное жилье, а особенно его реконструкция и реновация, – настоящий вызов для архитекторов.

– Как вы выбрали ваш собственный дом?

– Мы живем на западе Лондона, в очень хорошем районе – Ричмонд, рядом с самым старым ботаническим садом мира, Kew Gardens. Основным критерием выбора была близость к офису – до него 35 минут на велосипеде вдоль Темзы с заездом в школу. Дети ходят в очень хорошую частную школу, и когда появилась возможность купить собственный дом с садом, то перемена школы не вошла в наши планы. Наш район нам очень нравится. Здесь есть все необходимое: магазины, метро, чистый воздух, вид на Темзу, возможность гулять с нашей сибирской лайкой и заниматься спортом, хорошие соседи и приличные рестораны.

– В чем принципиальное отличие работы архитектора в России и в Англии?

С.К.: Английский архитектор – главный человек на стройке. В конфликтах он третейский судья – дает профессиональное видение любой проблемы. Архитектор всегда защищает интересы заказчика и своей профессии. А в России такого нет, там все ждут приказаний клиента.

– Среди ваших заказчиков люди из разных стран. Что отличает русских клиентов?

С.К.: Русские не готовы платить за сервис. За материалы – пожалуйста. Но они с трудом понимают, зачем зарплата менеджеру проекта. В Англии RIBA проводит огромную разъяснительную работу, что любой труд должен быть оплачен: и архитектора, и декоратора, и менеджера, который будет отслеживать логистику и контролировать воплощение замысла.

– Как живут в Лондоне те русские, кого нельзя назвать олигархами?

С.К.: Как правило, все работают. Люди приехали в Англию из России с четким желанием изменить жизнь. Не всем удается работать по прежним специальностям, но многие переучиваются и добиваются успехов. Люди достаточно быстро адаптируются, учат язык, стараются ассимилироваться. Жить здесь легче, чем в России, хотя бы из-за климата и социальной защищенности. Лондон очень космополитичный город, и иностранцам здесь комфортно. Хотя

ИЗ АРХИВА STUDIO DAR ARCHITECTS

привыкнуть к английскому характеру, понять и принять его не просто.

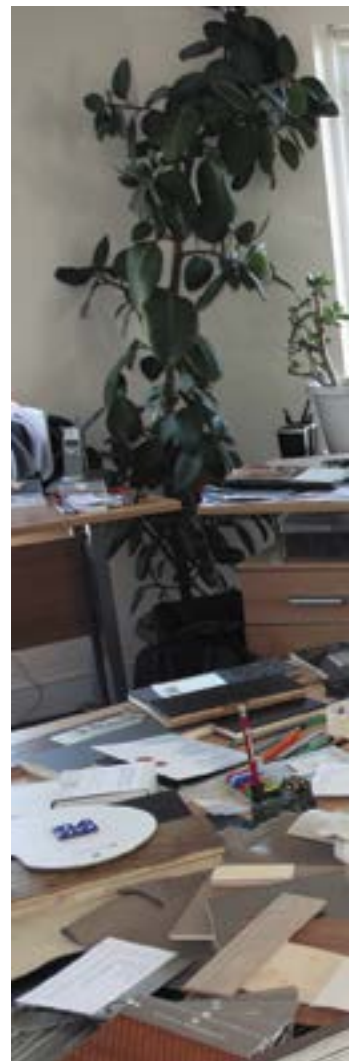
И.Ф.: Любой может начать свой бизнес, для этого здесь все условия – оформить компанию по Интернету за 20 фунтов можно за 15 минут. Малый и средний бизнес в Англии – основа всего. Мне очень нравится английская поговорка: «Мы уже достаточно большие, чтобы что-то делать, но еще достаточно малы, чтобы помочь».

– Стоит ли перед вашей семьей проблема сохранения русской культуры? Ваши дети говорят по-русски?

С.К.: Да, безусловно, эта проблема существует, и мы делаем все возможное, чтобы дети не забыли, откуда их корни. Дома общаемся по-русски, но у дочек первый – английский, и на нем они разговаривают охотнее. Дети ходят в суботнюю русскую школу, так как общеобразовательной русской школы в Англии и в Лондоне просто нет! Хотя есть немецкие, французские, американские, итальянские, шведские, которые финансируют правительства этих стран. Раз в неделю к нам домой приходит учитель русского языка. И еще приезжают друзья и родственники. Отпускать девочек в Россию нам пока боязно.

– Поддерживаете ли вы ли контакты со своими коллегами, как российскими, так и британскими? Чем отличаются те и другие?

До и после.
Интерьеры дома
в престижном
лондонском районе
Regent's Park

«Каждый частный дом – головоломка. Объект может быть небольшой, а творческие, технические и прочие вложения в него – колоссальны»

С.К.: Мы постоянно на связи с институтскими и аспирантскими друзьями. Некоторые приезжают в Лондон, да и Интернет позволяет постоянно обсуждать вопросы и проблемы. С британскими коллегами встречаемся, как правило, по работе или на званых обедах и вечеринках.

И.Ф.: И русские, и британские архитекторы в большинстве своем стараются делать работу с полной отдачей, но в России и в Англии возможности сильно разнятся, в Великобритании ты получаешь от работы гораздо больше удовольствия. Архитектурная общественность, как и общество в целом, намного инициативнее, ответственнее, амбициознее. Законы, правила и этикет дают перспективу для самореализации. Российские архитекторы скованы непреодолимыми обстоятельствами, нередко жалуются на власть и вздыхают – дескать, надо выживать, и поэтому приходится соглашаться на компромиссы в профессии.

из архива STUDIO DAR ARCHITECTS

– Как относятся в Англии к русской диаспоре?

И.Ф.: В Англии нет организованной русской диаспоры, есть вялые попытки ее создать. Люди общаются по месту работы, учебы или в церкви. Есть несколько клубов, куда приглашают русскоязычное население, но мы туда не ходим. Мы живем согласно нашему возрасту – семья и дети, работа и друзья – и не ощущаем необходимости посещения мест, где собираются русские. Ходим на концерты или мероприятия, которые нам действительно интересны.

– В 2008-м вы были причастны к сбору средств для умиравшего поэта Ильи Кормильцева. Вы с ним дружили?

С.К.: С Ильей я познакомилась, когда он был уже в госпитале St. Thomas. Меня попросил передать ему деньги на лечение наш общий друг, Саша Коротич. После смерти Ильи я предложила сделать мемориальную скамейку. Есть в Англии традиция – ставить в скверах и парках скамейки с мемориальными табличками. Я прошла

Основные человеческие

пороки – лень и трусость.

Преодолеть их помогает сообщество инициативных людей. В Англии процент таких людей намного выше.

все инстанции, не выходя из офиса, выбрала место, согласовала с Коротичем, оплатила 733 английских фунта муниципалитету, и ко дню рождения Кормильцева скамейка «принимала посетителей» в самом центре Лондона. Друзья Ильи возместили мне стоимость скамейки и тем самым стали участниками акции.

– Двадцать лет жизни в Англии вас изменили, появились ли у вас чисто английские увлечения?

И.Ф.: У нас нет никаких хобби, кроме работы. Мы даже путешествуем с целью изучать архитектуру.

С.К.: Мы приобрели опыт жизни в демократическом обществе, где человек сам отвечает за свою судьбу. Основные человеческие пороки, как известно,

это лень и трусость, преодолеть их помогает сообщество инициативных людей, которых защищает государство. В Англии процент таких людей намного выше, чем в России. Люди поддерживают и продвигают местные инициативы, изобретения и идеи. Здесь очень много бюрократии, невежества и пассивности, но в то же время огромное число людей, которые говорят этому нет. Они сами без страха и упрека принимают на себя инициативу. Подавляющее большинство понимает, что только от них зависит будущее их и их детей. Каждый выбирает то, что хочет, будь это премьер-министр или цветы в саду. 🍷

Беседовала Людмила Лунина

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ/КОММЕРСАНТЪ

Михаил Быков

НА РОДУ НАПИСАНО

Формально представить этого человека позволю себе несколько позже. А пока поделюсь главным ощущением. Оно возникло пять с лишком лет назад в момент знакомства и сохранилось в полном объеме до сего дня.

Н А ЛЕСОПИЛКАХ ИСТОРИИ XX века множество родовых древ перемолото в опилки. И сегодня кое-кто из соотечественников пытается восстановить прошлое своих родов, откликнуться, что называется, на зов предков. Увы, таких людей немного. Большинство ограничивается представлениями о собственных

ми сонных чиновников из многочисленных регистрирующих органов, чтобы восстановить прошлое собственной семьи. Он естественным образом с рождения стал следующим звеном цепочки длиной в четыреста с лишним лет, имя которой – российский дворянский род Вилинбаховых. Драгоценной цепочки, чудом сохранившейся целиком в памяти нашей страны без купюр, без трагических метаморфоз и переименований.

В этом году заместителю директора Государственного Эрмитажа по науке, государственному герольдмейстеру Российской Федерации Георгию Вадимовичу Вилинбахову исполнилось 60 лет. На день рождения ему дарили разные вещи, исходя, понятное дело, из известного пристрастия юбиляра к военной истории и геральдике. В числе прочего подарили и дорогую шашку. Он, как человек крайне воспитанный, подарок принял. И кто знает, вполне вероятно, был искренне признателен дарителю. Но если б только даритель знал, какая шашка хранится у Георгия Вадимовича дома!.. В 1917 году его дед, Борис Вилинбахов, из юнкеров Павловского военного училища

года и личным вещам Петра Великого, Александра Суворова, Михаила Кутузова...

В окне его кабинета – Нева и Петропавловская крепость, будто ничто не менялось за этим окном на протяжении веков. Как-то в этом кабинете в гостях оказался заглянувший из Парижа князь Александр Трубецкой. Подошел к окну, посмотрел на крепость и молвил, указывая взглядом на один из бастионов, носящих имя его предка: «Мой!»

Вилинбахов знаком со многими VIP-персонами мировой политики. Не исключение и все президенты России. Его второй кабинет находится в Москве, в здании администрации президента РФ.

Без преувеличения имя Георгия Вадимовича вписано в историю России уже по той причине, что он был назначен главным организатором и церемониймейстером двух траурных церемоний – перезахоронения останков Николая II и членов царской семьи и перезахоронения праха вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны.

Вилинбахов – кладезь всяческих «исторических историй», которые пришли к нему разными способа-

«Дворянское происхождение никто отменить не в силах. Большевики в свое время отменили сословия, но это формальная попытка изменить род людской. Другое дело, что не следует, наверное, кичиться своим дворянством, равно как и предавать его».

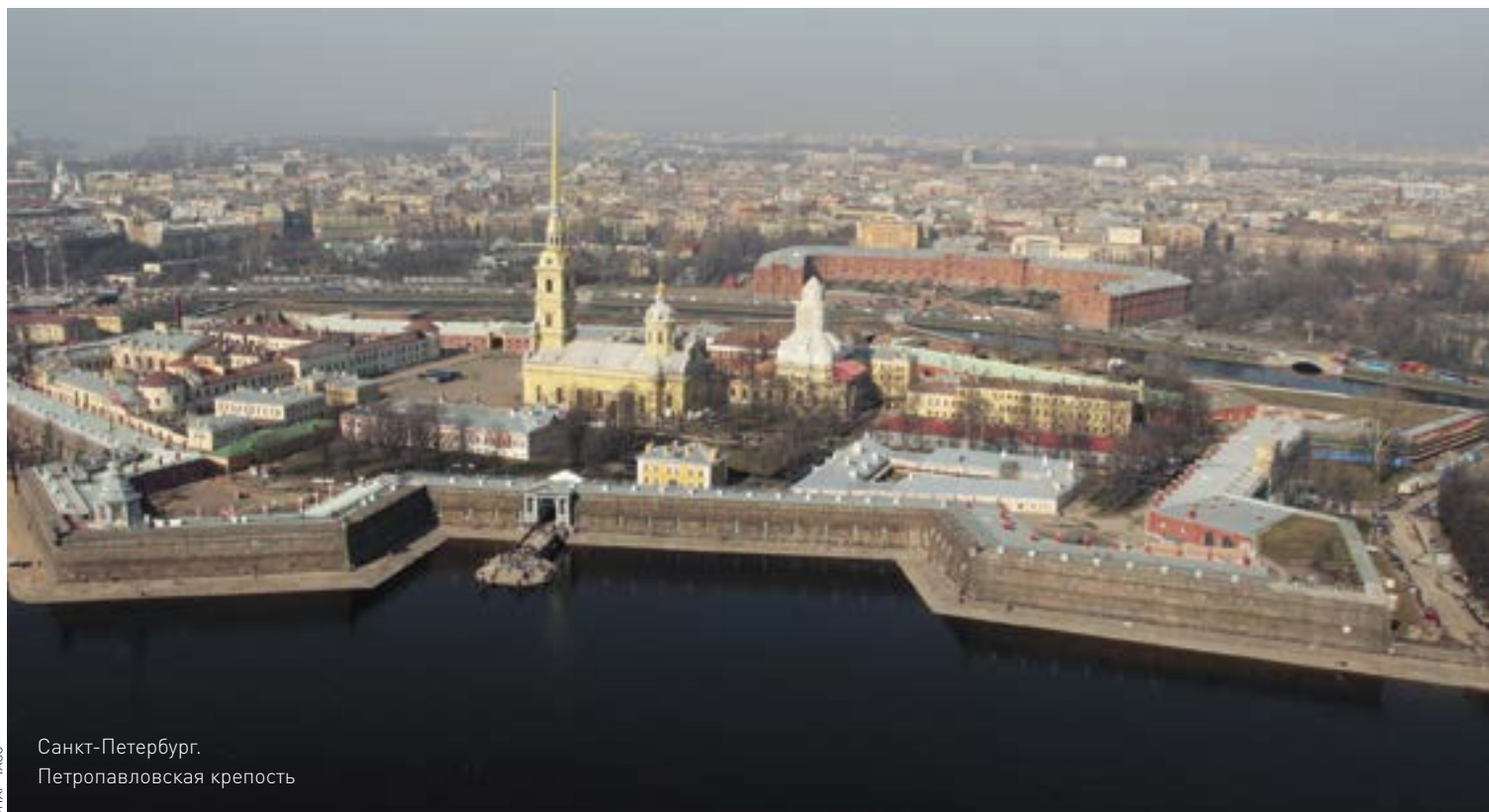
дедушках и бабушках в пределах типовой биографии и двух-трех фотографий в семейном альбоме. Кому лень, кому недосуг, кому все равно, но глубже в дебри семейно-родового леса не идут. Родовой рефлекс как отшибло.

Этот человек принадлежит к той малочисленной части русских людей, которым чрезвычайно повезло в период, когда ломались не то что отдельные судьбы, а целые империи летели в тартарары, целые народы растворялись, будто их не было вовсе. Ему не нужно перелопачивать горы пыльных папок в архивах, не приходится тревожить запроса-

вышел в офицеры, в лейб-гвардии Петроградский полк. Но на фронт Первой мировой войны попасть не успел – помешали октябрьские события. А шашка офицерская была. И осталась в семье. К нынешнему дню она узнала тепло рук не только внука Бориса Вилинбахова, но и его правнука и праправнука. Четырнадцатое поколение рода живет сегодня на земле Петербурга.

На первый взгляд Георгий Вадимович – находка для журналиста. Он держал в руках вещи, которые большинство из нас попросту никогда не увидят. Например, прикасался к русским боевым знаменам 1812

ми. В том числе и через таких носителей, как Владислав Михайлович Глинка, Юрий Михайлович Лотман, крупнейшие коллекционеры Петр Петрович Квасков и Александр Иванович Любимов. В Петербурге принято, чтобы провожающий гостя хозяин дома подавал пальто независимо от возраста и статуса обоих. Как-то юный Юра, уходя от Владислава Михайловича, попытался уклониться от почетной процедуры, на что тут же получил комментарий любимого учителя: «Когда я был в твоём возрасте, мне пальто подавал сам академик Тарле. И при этом академик пригова-

Санкт-Петербург.
Петропавловская крепость

ИТАР-ТАСС

ривал: «Если б вы знали, кто мне подавал пальто!»

Вилинбахов не склонен к эпатажу, но при этом вовсе не принадлежит к числу типичных «музейных сухарей», которых современная, «успешно проскочившая между Брокгаузом и Ефроном» молодежь именует «ботаниками». Вилинбахов – совсем не «ботаник», умеет держать стол, рассказывать байки и анекдоты, он

листика по своей природе весьма банальная штука?

И я решил: пусть Георгий Вадимович рассказывает о себе сам.

Династия

«У нас в семье как-то спокойно относились к истории рода, дворянскому происхождению, несмотря на существовавшую после 1917 года очевидную опасность. Дома храни-

ственно для XVIII–XIX веков, когда военная служба считалась главным поприщем для дворянского сословия. Три представителя рода сражались в Отечественную войну 1812 года, двое – в армии Кутузова, в том числе на Бородинском поле, один – в корпусе генерала Виттенштейна защищал подступы к Петербургу. Офицером был мой дед. После боев Первой мировой он преподавал в военной академии. Военная стезя досталась и отцу. Он прошел Великую Отечественную войну и только после демобилизации ушел в гуманитарную сферу. Сначала – в историю, затем – в область аномальных явлений.

Ярким представителем рода, изменившим военной профессии, был мой прапрадед. В царствование императора Александра II он, будучи правоведом, принимал деятельное участие в судебно-правовой реформе. Уже в 30-е годы XX века его сына, моего прадеда, расстреляли. Еще страшнее, что три его сестры погибли во время красного террора в 1918 году.

Можно сказать, что гены прапрадеда и прадеда, который также был юристом, чуть не восторжествовали. После школы я собирался стать следователем. Но меня вовремя просветили: оказалось, такая карье-

«Государственная служба – не маскарад.

Это не только честь – носить красивый мундир, но и строгий спрос, дисциплина, ответственность. Правильнее все-таки сначала пойти на службу и, уже как следствие, носить соответствующий мундир. А со временем – и заслуженные ордена».

подвижен и любознателен. «Книга – лучший подарок» – это про него.

Так в чем же дело? Почему, садясь за этот материал о человеке не просто интересном, а всегда интересном, я долго искал верный тон? Почему, будучи находкой, Вилинбахов для журналиста еще и сущее мучение? Может, все дело в том, что его биополе на дальних подступах отталкивает от него банальные вопросы и общие сентенции. Ну как тут быть бедняге-интервьюеру, если журна-

лись реликвии, родословная, гербовые печати. Предание гласит, что мои дальние предки участвовали в крестовых походах, потому и символика родового герба связана с этими событиями. Но документально сей факт подтвердить нечем. Зато точно известно, что первым русским Вилинбаховым был Филипп, прибывший служить царю Иоанну Васильевичу из Южной Германии аж в XVI веке. Большинство Вилинбаховых – военные, что вполне есте-

ра неминуемо была бы сопряжена с обязательным вступлением в КПСС. Военная история пленила меня с детских лет, что совершенно естественно, учитывая профессиональные занятия отца. Особое увлечение – коллекционирование оловянных солдатиков. Этот процесс привел меня к самым известным коллекционерам в городе – Александру Ивановичу Любимову и Михаилу Викторовичу Люшковскому. Я учился в десятом классе, когда один за другим они ушли из жизни. Незадолго до смерти Александр Иванович успел рекомендовать меня в Музей Суворова в качестве хранителя их коллекций, которые музей как раз собирался приобрести. Но случилось так, что, пока я поступал на исторический факультет Ленинградского университета, ставки в музее закончились, и я оказался в Эрмитаже».

Солдат-ракетчик

Мужчины, учившиеся в советское время в институтах, срочную службу в армии служили редко. Можно даже утверждать, что многие мужчины в советское время учились в институтах прежде всего потому, что не хотели служить в армии. Особенно это касается тех, кто учился в советское время на гуманитарных факультетах. Тем удивительнее, что в один прекрасный вечер сразу после легкой закуски Георгий Вадимович в характерной для него манере взял разговор на себя и огорошил: «Наша ракетная часть стояла в Карелии. С армией у меня связано несколько моментов, которые вполне вписываются в категорию «абсолютное счастье». Вот один из них. Учения, как это обычно бывает, начались ни с того ни с сего. Зимой на карельских дорогах ориентироваться, мягко говоря, нелегко. И вот чтобы машины с ракетными расчетами не сбились с правильного пути, на всяческие лесные перекрестки загодя высылали регулировщиков. Я служил срочную в комендантском взводе. Во время учений мы-то функцию регулировщиков и выполняли. Одевали нас тепло. Но это ничего не значило. Стоишь в лесу на перекрестке, мороз под 30, один, и самое

жуткое – понятия не имеешь, сколько еще стоять. От такой неопределенности 30 градусов превращаются в 50. И когда я отчетливо стал понимать, что именно здесь, в этом диком лесу, все для меня и кончится, пошли машины. В последнюю забрали и меня. А спустя какое-то время я оказался в землянке, натопленной, как баня, ел горячую кашу, пил раскаленное нечто со стуженным молоком. И это было счастье. Служба шла. Я уже что-то понимал. И меня отправили в Ленинград в командировку. Надо было доставить командующему артиллерией Ленинградского военного округа подарок от нашей части. Странно, если б это было что-то другое, а не довольно объемная модель нашей ракетной установки. И вот притащил я эту установку в штаб округа,

дошел до старшего дежурного офицера, и полковник, утомленный солдатской настырностью, дал приказ выписать мне пропуск. Так я очутился в приемной командующего. Полковник приказывает поставить упакованную в бумагу и перевязанную бечевкой модель куда-нибудь на пол и – с глаз долой! Но у меня приказ – вручить лично! Наверное, в тот день меня вела счастливая звезда. И в кабинет командующего я попал. Отрапортовал, передал, смотрю в огромное окно, а в нем – Зимний дворец, мой родной Эрмитаж, в котором я работал до призыва в армию...»

Эрмитаж

Один человек, работающий в Эрмитаже, в той его части, что размещается в здании Главного штаба, на-

ИТАР-ТАСС

Б. Ельцин и Г. Вилинбахов во время передачи штандарта президента на хранение. 1999 год

который находится на Дворцовой площади. Меня, простого солдата, ни к какому командующему, разумеется, не пускают.

А у меня выхода нет: командир части отчетливо дал понять, что назад с установкой-моделью мне пути нет. В такие моменты и куется мужской характер. Я поступательно посредством телефонных переговоров

против Зимнего, рассказывал, что вышел он на балкон своего кабинета на шум с Дворцовой, глядь – а на площади концерт сэра Пола Маккартни начинается. Взял он стул, поставил на балконе и стал слушать экс-битла с удовольствием. Не сразу, но заметил, что как-то странно публика из первых – элитных – рядов на него косится. Уже и не до сэра Пола ей вовсе. И тут догадался: публика эта мучительно пыталась осознать, кто ж это такой, что сидит на отдельном балконе над Дворцовой

PHOTOXPRESS

Заместитель министра информационных технологий и связи РФ Дмитрий Милованцев, директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский и председатель Геральдического совета при президенте РФ, государственный герольдмейстер России Георгий Вилинбахов на представлении интернет-проекта «Российская символика». 2007 год

площадью и в одиночестве внимает самому Маккартни!

Георгий Вадимович выслушивает такие рассказы с удовольствием. После них ему особенно легко объяснить, почему он отказывается от любых предложений поменять место работы:

«Первый раз изменить Эрмитажу предложили очень давно. Оказалось вакантным место руководителя в одном из исторических архивов. По совершенно другому вопросу я пришел в кабинет тогдашнего директора Эрмитажа, Бориса Борисовича Пиотровского, а он, не поднимая головы от бумаг, буркнул: «Звонили уже. И что вы решили?» Я ответил, что никуда не уйду. Он поднял

глаза и сказал: «И правильно. Нечего вам там делать». Вот, собственно, и вся история. С тех пор соблазняли часто – Третьяковская галерея, Московский Кремль. А последний раз – Царское Село. Соблазн соблазнов. Почему не согласился? Царское да еще в канун 300-летия – это очень большая работа. Такое предложение можно принимать в том случае, если уверен в своих силах минимум лет на 15 вперед. Это в первых. Во-вторых, там помимо музея огромное хозяйство, в котором не только здания, но и парки, пруды, фонтаны... я в этом мало что понимаю. Гвоздь, конечно, забить смогу. Но это мой хозяйственный максимум. Сейчас появилась земля для строительства дачи, так я довольно слабо представляю себе этот процесс. А тут – Царское!

Но предложение было сделано красиво. Надо отдать должное нашему министру культуры. Александр Алексеевич Авдеев пригласил в Москву. Заранее дали понять, о чем разговор. Чтобы и у меня было время подумать. Но я люблю обдумывать

и принимать важные решения утром. Вечером сел в поезд, утром прибыл в Первопрестольную, привел себя в порядок, а тут и время встречи с министром прояснилось. До встречи – часа два, день отменный, воскресенье, Москва пуста. Я пошел прогуляться и забрел на Новый Арбат. Прямо у церкви Симеона Столпника увидел на асфальте монетку – пятачок, что ли, – «Георгием» вверх. Подумалось – знак. Зашел в церковь, свечу поставил. И вдруг – колокола. Время вроде как неурочное? А дальше в переулках недалеко от Патриарших прудов набрел на ресторан. Он, конечно, был еще закрыт, но за витринами работали люди, что-то чистили, мыли. Готовились. Узкий коридор между домами к входу в ресторан был увешан огромными копиями полковых знамен русской армии 1812 года. Потом, по случаю, я узнал, что именно в тот самый день этот ресторан принял первых в своей истории гостей. А что до Царского Села – отказался. И министр меня, кажется, понял».

Геральдика

Кстати, по поводу ресторанов. Ах, какими пирогами угощает жена Георгия Вадимовича Татьяна Борисовна! Но жизнь публичного человека требует публичного поедания всяческой снеди. В Петербурге Вилинбахов любит ресторан при отеле «Пушка инн». Это на Мойке. Здесь традиционно останавливаются многие гости Эрмитажа и его личные друзья. А вот в ресторанчик «Штабной», рядом с аркой Главного штаба, он впервые зашел только в этом году. И впервые разговор некоторое время не клеился. Георгий Вадимович не сразу привык к фигурам Колчака и Маннергейма, изображенным на стене заведения в полный рост. Портретное сходство имелось, а вот с формой и знаками различия – беда. Но шок постепенно прошел, и беседа наладилась:

«Интерес мой к геральдике начался в семье. У деда была крупная коллекция гербовых экслибрисов, хорошая библиотека по геральдике, гербовники. В общем, все, что надо начинающему. К тому времени я уже всерьез увлекся изучением воинской формы. Это явилось естественным продолжением увлечения оловянными солдатиками. Ведь приходилось и самому их делать. А значит, точно соблюдать нюансы формы и вооружения, раскрашивать. Окончательно интерес к геральдике сформировался, думаю, уже во время работы в Эрмитаже. Ведь я начинал хранителем коллекции знамен. Работать со знаменами и не понимать, что и почему на них изображено, – это по меньшей мере странно.

Теперь, по прошествии многих лет, понимаешь, какой длинной и многообразной оказалась эта дорога. Меня часто спрашивают: а зачем нужна геральдика, да еще государственная, в современном мире? Не дань ли это устаревшей традиции? Вот был серп с молотом, теперь двуглавый орел, а что, собственно, изменилось?

Думаю, нельзя человеческую жизнь сводить к сугубо рациональным, хуже того, – утилитарным позициям. Мол, сохранять надо лишь то, что имеет сугубо прагматический

смысл. Это путь к самоуничтожению человечества. Духовные смыслы геральдических знаков имеют огромную силу.

Но прежде можно и нужно поговорить и о рациональной стороне геральдики. Это – язык, который позволяет людям самоидентифицироваться разными способами. Гимн можно услышать, флаг и герб – увидеть. Ориентирование в национальном, государственном, территориальном пространстве – это столь же важная для жизнеобеспечения функция, как свет на дороге или маяк на берегу. Человек когда боится? Прежде всего, когда он сталкивается с чем-то непонятным. Вот геральдика и учит его понимать семью, род, город, страну... Поэтому я уверен, что возвращение трехцветного флага и двуглавого орла на герб – вещи обязательные, бесспорные. Те, кто пытался влиять на этот процесс с позиции «нравится – не нравится», эстетствуя, ошибались в принципе. После 1991 года Россия нуждалась в самоидентификации. Стране требовалось восстановить

нельзя отнимать у человека награду в угоду политической конъюнктуре. Резюме таково. Надо как можно подробнее знакомить граждан с символами собственной страны. И надо набраться терпения, пока эти символы не станут столь же привычными, как русский язык, названия городов и рек, пословицы, мелодии любимых песен».

Музыка

В середине мая в Петербурге состоялось очередное заседание Английского клуба. Председательствовал господин Вилинбахов. Члены клуба собрались в Меншиковском дворце на Васильевском. Среди прочего звучали военные песни, написанные заведующим эрмитажного отдела «Главный штаб» Александром Дыдыкиным. Исполнял под гитару автор, осуществлять конференс любезно взялся сам председательствующий. Прошло на ура. Видно, что говорить и об этом «музыкальном капризе», и о музыке в целом Георгию Вадимовичу в удовольствие:

«Такие военно-музыкальные вечера

«Геральдика учит человека понимать семью, род, город, страну... Поэтому я уверен, что возвращение трехцветного флага и двуглавого орла на герб – вещи обязательные, бесспорные. Россия была узнаваема по орлу полтысячи лет и по трехцветному флагу – двести».

преимуществом, а вовсе не создавать свой образ заново. Это не существовавшим ранее государствам, освобождавшимся от колониальной зависимости, требовалось придумать символы, чтобы их начали узнавать в большом мире. А Россия была узнаваема по орлу полтысячи лет и по трехцветному флагу – двести.

В то же время необходимо аккуратное отношение к любому периоду истории страны. Возьмем, например, ситуацию с орденами. Орден – это не только символ, отличающий какого-то человека или группу людей в связи чем-то ими совершенным. Это – награда. Можно изменить символ, восстановить его, но

не только праздник души. Они еще и очень полезны. В розовом зале Главного штаба мы уже концертировали, в августе в Петергофе на пленэре – тоже. Пора выходить на большую сцену.

Представьте на минуту просыпающийся Петербург, скажем, начала XIX века. Какие славные звуки первыми приходили к людям! Еще темно, а уже слышно, как по булыжникам и деревянным настилам стучат копыта коней, как скрипят телеги на мостовых подъемах. Вот кричит хозяин трактира где-то неподалеку на неловкого возчика дров. Начинают звать на заутреннюю службу колокола церквей. Но прежде, прежде – армейские барабаны и пол-

ковые трубы пропоят зорю. Полки стояли в городе, словно окружая его центральную часть, и звуки эти лились со всех сторон.

Военные оркестры сопровождали жизнь того времени. Под них шли по городу воинские части, под них вечерами танцевали на балах и гуляли в парках. Военные марши – это особенная музыка. Я давно собираю коллекцию военной музыки, это не только современные диски, но и почти забытые кассеты и бобины и совсем забытый винил.

Люблю джаз. Он помогает думать и помогает расслабиться. В зависимости от того, что тебе в данный момент нужно».

Овчарки

Есть в квартире Георгия Вадимовича потаенная комната. Не знаю, чем уж там обиты стены, но раз в этой комнате до сих пор стоит то, что там стоит, значит, звукоизоляция хорошая. Да и сам дом строили до известных событий 1917 года. А тогда строить умели.

Стоит в той комнате... ударная установка. Не какая-нибудь жалкая «трючка» из тарелки, хита и рабочего барабана. Полноценная «кухня»

Три представителя рода Вилинбаховых сражались в Отечественную войну 1812 года, двое – в армии Кутузова, в том числе на Бородинском поле, один – в корпусе генерала Витгенштейна защищал подступы к Петербургу

и всей нашей семье удалось перебраться из коммуналки в собственную квартиру. Почти сразу в клубе взяли щенка – немецкую чепрачную овчарку. Назвали ее Чарли. Чарли прожил с нами 14 лет. После Чарли в семье о другой собаке и слышать никто не хотел.

такой – мохнатый и очень маленький – комочек. Разбираться было уже поздно, щенок остался, а утром мне и говорят, что, раз я весь из себя такой недовольный, щенка заберут туда, откуда принесли. А мне подумалось, что это совсем уж неправильно. Раз собака провела в доме ночь, значит, ей в этом доме и жить. Так оказалась у нас Маня. А было это в 1993 году. С ней мы и переехали в нынешнюю квартиру, на Гагаринской. Об этой квартире – отдельный сказ. Это бывшая коммуналка в центре. Когда мы пришли ее смотреть, состояние квартиры было жутким. Мы бы так и закончили осмотр в коридоре, если б я вовремя не прошел вглубь и не посмотрел в окно дальней комнаты. А там – пейзаж детства. Дело в том, что в старой квартире, на набережной Невы, будучи совсем маленьким, я все пытался выглянуть в окошко и увидеть большой мир. В какой-то момент удалось положить подбородок на подоконник и – вот оно: Нева, а на том берегу – та самая «Аврора». Для меня этот пейзаж совершенно особенный. Так вот, гляжу я в окно этой заброшенной некогда квартиры и вижу: Нева, «Аврора»... все как в детстве, только угол зрения чуть другой. И мы согласились на этот вариант».

Дворянство

Это в последние годы московский рынок «Черкизон» связывали с неким Тельманом. А в конце 80-х – начале 90-х тут сколачивал состояние человек с абсолютно славянскими именем-фамилией. Стартовал с физкультурно-оздоровительных услуг, потом пошли палатки и контейнеры. Вспомнилось о нем вот почему. Когда человек достиг коммерческих высот, к его фамилии загадочным образом присоединился княжеский титул. На полном серьезе. Он и на визитках писал – князь имярек. Такая вот получилась «светлость». Георгий Вадимович может слушать подобное с интересом неослабевающим, но все-таки – с интересом медицинского свойства. Сам же не стремится говорить о чужих бревнах, старается все больше о своих соломинках:

«Нельзя человеческую жизнь сводить к сугубо рациональным, хуже того, – утилитарным позициям.»

Мол, сохранять надо лишь то, что имеет сугубо прагматический смысл.

Это путь к самоуничтожению человечества. Духовные смыслы геральдических знаков имеют огромную силу.»

для профессионального ударника. Врать не буду, как она работает – не слышал. Но Вилинбахов любит точность и правду. Если сказал, что иногда присаживается с палочками за барабаны, значит, так оно и есть. Маня, стоящая рядом с хозяином, смотрит внимательно и всем своим видом подтверждает, что барабаны – не игрушка.

Маня говорить не умеет. Поэтому Манину историю рассказывает сам Георгий Вадимович:

«Эта веснушчатая кокер-спаниельша появилась у нас вопреки. Так вышло, что в 1968 году отцу

Но прошло время – и мы вновь завели овчарку. Теперь уже в доме на Моховой. Через 8 лет – опять потеря. Надо сказать, в тех условиях даже думать о новой большой собаке не приходилось. А маленькую собачку я не хотел ни в какую. Представлял себя гуляющим с лохматым комочком под мышкой среди «каменных джунглей»... И вот однажды перед выходом с работы звоню домой, сообщая, что ждите, мол. А мне и говорят, что ждут и еще как! Я сразу заподозрил неладное. Открываю дверь... а в квартире как раз

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ/КОММЕРСАНТЪ

ВИЛИНБАХОВ ГЕОРГИЙ ВАДИМОВИЧ

Родился 13 апреля 1949 года в Ленинграде. Потомственный дворянин. Личный девиз на гербе – «Братцы».

Доктор исторических наук.

Заместитель директора Государственного Эрмитажа по науке.

Государственный герольдмейстер Российской Федерации, председатель Геральдического совета при президенте РФ.

Действительный член и член Бюро Международной академии геральдики, член исполкома Международной ассоциации военных музеев и музеев оружия.

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета, орденом «За заслуги перед Итальянской Республикой», рыцарским крестом ордена Белой розы (Финляндия), Национальным орденом заслуг (Франция), медалями.

«Дворянское происхождение никто отменить не в силах. Большевики в свое время отменили сословия, но это формальная попытка изменить род людской. Другое дело, что не следует, наверное, кичиться своим дворянством, равно как и предавать его. Оно – данность. Есть – и все тут.

Дворянство давалось за службу. Поэтому весьма странными выглядят современные попытки создать новое дворянство из людей, к государственной службе никакого отношения не имеющих. Тут нет логики. Хотя я понимаю тех, кто чает вернуть внешние признаки потерянного прошлого. Одобрить не могу, но понимаю. Человеку в принципе свойственно прятать собственные комплексы в красивую обертку. Мол, так не заметят.

Из этой же серии вопрос о моем отношении к военно-историческим реконструкторам, движение которых становится все популярнее год от года. Почему-то думают, будто это отношение сугубо негативное. Ничуть. Я отношусь к тем, кто этим занимается, с уважением. Мне не нравится только одно: когда люди надевают на мундиры не заслуженные ими знаки отличия.

Под Петербургом, где-то в районе Мурманского шоссе, образовалась группа людей, вполне успешных и состоятельных, чьи интересы связаны с Императорским Его Величества конвоем. Они построили себе форму конвойцев, приобрели лошадей, макеты вооружения и уже несколько раз обращались с просьбами включить их в официальные мероприятия именно в качестве конвоя. Например, на вынос знамени в торжественных случаях. Обижать людей я не люблю. Но и соглашаться с таким видением вопроса не могу. Как объяснишь, что государственная служба – не маскарад. Что это не только честь – носить красивый мундир, но и строгий спрос, дисциплина, ответственность. Правильнее все-таки сначала пойти на службу и, уже как следствие, носить соответствующий мундир. А со временем – и заслуженные ордена». ■

ТАКАЯ РАБОТА, ЗЕМЕЛЯ

Василий Журавлев, фото автора
[Марсель–Обань–Париж–Москва]

Французский иностранный легион придумал в 1831 году король Луи-Филипп. В марте того года он подписал указ о создании полка из иностранцев. С одной лишь целью: поскорее избавиться от них.

Три поколения легионеров:
такими их нарисовал
Евгений Пономарев

ТОГДА ПАРИЖ НАВОДНИЛО слишком много чужеземцев без средств к существованию, но с боевым опытом и бунтарскими идеями.

Поводом для создания Легиона послужила очередная схватка за испанский трон: из-за династических связей, то есть по-родственному, Франция должна была поддержать королеву, однако Луи-Филиппу участвовать в чужих интригах не особо хотелось: хватало и своих. Тогда-то в умах парижских политиков родилась гениальная мысль: отправить на помощь дальним родственникам французские войска, которые были бы не совсем французские. Иностранцы. В отличие от наемников такой полк станет подразделением французской армии: просто в нем будут служить иностранцы под командованием французских офицеров.

Первый полк Легиона сформировали, разделив солдат по языкам: немцев к немцам, поляков к полякам и т.д. Вооружили и отправили воевать в Испанию. Там полк разгромили, но о нем никто не пожалел. Напротив, в Париже решили, что опыт удался. И сформировали новый полк, тоже Первый. В новом полку было приказано говорить исключительно по-французски. Вступить в него можно было под вымышленным именем: скрыться от полиции, кредиторов или неудачной любви. Так возник Французский иностранный легион.

Сегодня Легион считается самым элитным подразделением французских сухопутных войск. Служить в нем – высокая честь. Но попасть туда непросто. Даже журналисту. Мне потребовались полтора года переписки и личный предварительный визит в полк, чтобы получить приглашение.

«Отчий дом» Легиона

Городок Обань. «Отчий дом» Легиона. Кому-то Обань покажется скучной. Центральная площадь с кинотеатром, три кафе, извилистые улочки... Где находится Легион, здесь знает каждый. Есть даже такая остановка. Сажусь в автобус: «Один билет до Легиона, силь в

пле. Сколько с меня?» – «Бесплатно!» Думаю, разыгрывает. На всякий случай осведомляюсь: «У вас власть в городе захватили социалисты?» В ответ араб-водитель хохочет: «Хуже. Коммунисты! Оттого и проезд теперь бесплатный!»

В Обани расквартирован Первый полк. Сейчас это не боевой полк, а административный: штаб, Музей Легиона, оркестр, редакция журнала «Белое Кепи» и архивы. До 1962 года «отчий дом» был в Алжире, в городке Сиди-Бель-Аббес. В октябре 1962-го Легион ушел из Алжира навсегда. Все, что было в Африке, в том числе памятник погибшим ле-

гионерам из Сиди-Бель-Аббеса, перевезли в Обань.

Расположение Первого полка чем-то напоминает санаторий на нашем юге: белые двухэтажные здания, кипарисы... Но вместо расслабленных отдыхающих – парни в белых кепи. При встрече они с шиком отдают друг другу честь. Если на голове нет кепи – хлопают ладонью по правой лямке: здесь тоже «к пустой голове не прикладывают».

Современные легионеры делятся на две категории. Первые – те, кто использует Легион как трамплин в гражданскую жизнь, прагматики. Но их меньшинство. Обычно

они уходят по истечении первого 5-летнего контракта. Или дезертируют. Бегут из Легиона не потому, что здесь издеваются или бьют, а потому, что разочаровываются в собственном выборе, не видят перспектив в своей работе. Дезертиру обратного хода нет: он лишается всех привилегий легионера. Никто их не ищет.

Вторые – те, кто считает Легион своей настоящей семьей. Таких большинство.

Получив отпуск, легионер не может взять билет и просто укатить домой. О поездке нужно предупредить начальство, особенно в первый раз. Но это – формальность. Препятствий чинить не станут. Главное – вернуться в срок. Наши всегда возвращаются, а вот «западники» для дезертирства используют свой отпуск. Просто: «не вернулся из отпуска».

«На нас всегда есть спрос»

Легион не зазывает к себе. «Мы не занимаемся агитацией. За нас это делает сарафанное радио. Кандидатов много всегда, – рассказывает офицер по связям с общественностью майор Фредерик Дагийон. И смеется: – Наше предприятие не подвержено никаким кризисам – на нас всегда есть спрос».

Скамейка у КПП, где ждут своей очереди «призывники», редко бывает пустой. Те, кто на ней сидит, не похожи на будущих профессиональных солдат: обычные ребята. Длинноволосые и коротко стриженные. Только рюкзаки и волнение на лицах выдают свежих кандидатов. Средний возраст рекрута 23 года. После развала СССР в Легион пошел поток желающих из России и СНГ. Конкуренцию им составляли выходцы из стран Варшавского договора. Отказывали многим. В Легионе строгое правило: не должно быть преобладания представителей какой-то одной национальности. Это, кстати, отличает французский легион от испанского.

К субботней католической мессе ходят в основном новички. Даже убежденные атеисты. Это повод «сачкануть» от уборки казармы, наряда,

Когда майор Фредерик Дагийон говорит о своем Легионе, глаза у него загораются, как у влюбленного юноши

60 легионеров против 2000 мексиканцев у асиенды Камерон. Легионеры погибли, но не сдались. Сегодня этот день – главный праздник Легиона. С картины Евгения Пономарева

В старинной вилле на территории Дома инвалидов в Полубье расположен музей униформы Легиона

Марсельские библиотеки всегда находят работу для инвалидов-легионеров из переплетной мастерской. И неплохо ее оплачивают

чистки оружия. А вообще-то легионеры вне политики и вне религий. Их религия – Легион. Семь пунктов «Кодекса чести легионера» – их десять заповедей.

Легион – большая семья. И отношение здесь между людьми как в нормальной семье, где младшие уважают старших, а старшие заботятся о младших. Старшие офицеры называют младших и простых легионеров *nos garçons* – «наши мальчишки». Известно, что в Сочельник вся Франция сидит дома. В этот вечер семья должна собираться полностью – это традиция. Но только не для офицеров Легиона: Рождество они проводят в казарме, со своими «мальчишками». Как мне пояснил комбат-парашютист майор Морель, «жена

офицера-легионера знает, что у ее мужа есть вторая семья – Легион. И не должна ревновать».

По долинам и по взгорьям

Оркестр Легиона – один из старейших во французской армии: он возник вместе с созданием Легиона. Раньше оркестр был в каждом полку, сегодня – только в Первом.

Легион дважды побывал в России – в Крымскую и Гражданскую войны. Оба раза крайне неудачно. Чего нельзя сказать о выступлениях оркестра Легиона в Санкт-Петербурге и Москве в последние годы.

Двухэтажная казарма с балконами. Над входом – кованый скрипичный ключ. Дежурный офицер начинает собирать на встречу моих «компатриотов». Для французского коман-

дования «русские» в Легионе – это выходцы из бывшего СССР. Кроме стран Балтии, разумеется. Это теперь тоже европейцы.

Сидим за огромным столом, покрытым зеленым сукном. В витрине – коллекция фуражек музыкантов со всего мира. Наконец все в сборе. В качестве «смотрящих» на встрече соотечественников присутствуют старший офицер-музыкант и майор Дагийон. На встрече говорим по-французски, а в личном общении легионеры мешают все известные им языки.

Солдаты из бывшего СССР служат под своими именами, общаются по-русски. Обычно только прибалты поначалу не хотят разговаривать на русском, но потом сдаются. С выходцами из бывшего соцлагеря обща-

ются сначала по-французски, потом тоже переходят на русский... Только вот молодежь его уже совсем не знает: вытравили русский из обихода младевропейские политики. Все это я узнаю позже, а пока в воздухе повисло легкое напряжение... Оно несколько рассеивается после того, как находятся мои «земели» – москвичи. 35-летний сержант-шеф (то есть старший сержант) Юрий Васильев в Легионе служит уже третий срок. Джазист Андрей Громов новобранец и пребывает в почетном зва-

иностраннй язык. А потом поют для себя. Или вот, к примеру, «попот» – дружеская попойка, проводится в офицерском собрании товарища к новому месту службы или на «гражданку». Попот начинается не с речей, а с того, что офицеры встают и а капелла поют гимн Легиона. У каждого полка своя песня, а у многих подразделений в полку – свои. В «репертуаре» Легиона французские, немецкие и английские песни. Есть, разумеется, и русские: песня 4-го эскадрона Первого

ют и на 25 лет. Среди наших таких ветеранов пока нет.

Заработать французское гражданство несложно: отслужи 5 лет и получи хорошую характеристику. И необязательно потом продлевать договор с Легионом. Получив французский паспорт, наши legionеры начинают подумывать о том, как устроиться на «гражданке». Но большинство в итоге контракт продлевает. А потом еще раз... Почему? Почему вообще переходят из российской армии во французскую?

Этот ветеран мог бы многое рассказать о колониальных войнах Франции. Но за работой он молчалив

нии legionера, то есть рядового. Андрей Прутков служил в Кремлевском оркестре... А капрал Андрей Коняхин – из Белгорода. Все прошли нашу армию, так что им есть с чем сравнивать свою новую службу. В отличие от российских военных оркестров музыканты в Легионе остаются солдатами. Их посылают в командировки: Джибути, Афганистан, Косово... Раз в полгода – месяц полевых учений.

Говорим не о войне, а о Москве, о концертах военных оркестров, вспоминаем службу, смеемся и подкалываем друг друга... Солирует, как самый «бывалый», сержант-шеф Васильев. Музыканты рассказывают, что в Легионе любят петь. В первые месяцы службы это часть подготовки: с песней легче изучать

кавалерийского полка, сформированного из конницы армии Врангеля, – на мотив «По долинам и по взгорьям». Теперь это бронетанковый полк, а в песне поется не о степи, а о «блде» – каменистых районах пустыни Сахара.

Гастарбайтеры в погонах

Сроки службы в Легионе у всех разные. Некоторые – в основном французы и «афрофранцузы» – застрева-

В Обани расквартирован Первый полк.

Сейчас это не боевой полк,

а административный: штаб,

Музей Легиона, оркестр, редакция журнала «Белое Кепи» и архивы.

Юрий ухмыляется: «Зачем вы спрашиваете? Вы же сами ответ знаете!» Действительно знаю: здесь, в солдатской столовой, на десерт предлагают на выбор пирожные или мороженое.

Мои собеседники, за исключением «первосрочника»-джазиста, уже успели получить французские паспорта. У многих родители в пенсионном возрасте, а значит, живут за счет детей.

Назвать легионера наемником – оскорбительно. Он служит не ради денег. Ради чего? Об этом здесь спрашивать не принято. У каждого свой резон.

По российскому законодательству, служба в иностранной армии до сих пор считается наемничеством и преследуется по закону. Этот, еще советский, закон никто не отменял. Спрашиваю своих собеседников, знают ли они об этом. Знают. Но пока домой пускают. В российском консульстве в Марселе взамен просроченных выдают новые паспорта. Консульские работники рассматривают легионеров как часть русской диаспоры на Юге Франции. Российские паспорта они предъявляют на российской границе. Вернувшись во Францию, в аэропорту Шарль Де Голль достают французский паспорт...

В случае военного столкновения с НАТО поездка в командировку в Россию нашим легионерам не грозит: по правилам Легиона, в случае военного конфликта на родине легионера воевать его туда не отправят. И не потому, что бойцу не доверяет военная контрразведка. В Легионе считают, что такая «переместка» может оскорбить национальные чувства солдата. Во всяком случае, такова официальная версия.

На следующий день на КПП встречаю Андрея Коняхина с товарищем, но в гражданской одежде не узнаю его. Ребята едут на денек в Марсель: «Повалиться на пляже и прошвырнуться по магазинам...» С легионерской зарплатой особенно не разгуляешься: 1200 евро в месяц. Правда, на всем готовом, но ребята отсылают деньги домой, помогают родителям и младшим братьям-сестрам. На себя остается немного. Такие вот гастарбайтеры в погонах. Французы и легионеры из «цивилизованного сообщества» домой ничего не отсылают.

Легионеры служат везде, где у французов есть свой «интерес». На высокооплачиваемые командировки в горячие точки планеты выстраивается очередь.

Отслужив год, наши легионеры приглашают к себе в гости близких. Примерно так же, как наши матери

Сегодня старый легионер может строить солдат только на своем рабочем столе

Капрал Евгений Пономарев рисует не только по приказу

ездят проводить сына в воинскую часть, родители едут к своему легионеру во Францию. Мамы и папы приезжают не в Обань и даже не в Марсель – а в Париж.

Десантник с кисточкой

В газетных киосках во Франции еженедельно появляются десятка полтора маленьких «энциклопедий»: небольших журналов по теме, к которым прилагается оловянный солдатик, модель автомобиля или самолета. Эти серии французы собирают годами. Нет, не подрост-

ки – взрослые. Есть такая серия и про Иностранный легион: история костюма, сражений, вооружения, судьбы людей, старинные фотографии... и в каждом выпуске – бравый оловянный солдатик. Издательство Hachette выпустило уже сотню номеров совместно с Музеем Иностранного легиона. Я поинтересовался: кто же художник? Оказалось, русский. Евгений Пономарев.

...С того дня прошел год. Дневальный по магазину при Музее Иностранного легиона Владимир Козодий с Украины спрашивает меня:

«Вы нашего художника Пономарева знаете?» Отвечаю, что работы его знаю, а его самого – нет. «Да, Женька наш – пример того, как Легион дает человеку второй шанс в жизни, – говорит Козодий. – Дали ему возможность не только с парашютом сгнать, но и рисовать: вот и вышел из него художник».

Евгения я представлял человеком невысокого роста, сухощавым, с тонкими пальцами. Нервным. Если и годным к службе вообще, то только к нестроевой. Такими мне запомнились художники в нашей армии в годы моей службы.

Навстречу мне из-за стола поднялся голубоглазый здоровяк под два метра ростом, с остриженными под «бокс» пшеничными волосами. Настоящая «десантура»! Не хватает только тельника и голубого берета. Но на этом парубке – камуфляж французский. И белое кепи на столе. «Десант» широко улыбнулся: «Здравствуйте! Солдатское радио уже передало, что приехал корреспондент из Москвы...»

«Жардинаж», FAMAS и «калаш»

Евгению 30 лет. Десять из них служит в Легионе. А до этого отслужил в десантном полку в Кубинке, вернулся к родителям в Минводы. Кто-то из товарищей пошел в ОМОН, другие – в охранники. Евгений – на стройку. Пахал много, получал мало. И вдруг вспомнил, что во время «дембельского аккорда», когда рисовал 10 стенгазет вперед своему замполиту, полк участвовал в совместных учениях с французами. Тогда ребята и притащили брошюрку про Иностранный легион. Подумал, занял денег и купил тур на Юг Франции. Туристические планы сына отцу не понравились, а отца Евгений слушается, советуется с ним. А тут, может быть первый раз в жизни, не послушал. Предупредил домашних: если не позвонит, значит, все нормально. Уехал. Позвонил через несколько дней: ему не отказали, а просто попросили приехать через несколько месяцев – сейчас перебор «славян». Вернулся. Снова пошел на стройку. Заработал деньги, раздал долги. Опять занял

Гренадер Иностранного легиона в 1832 году в летней форме во время завоевания Алжира. Рисунок Евгения Пономарева

Гвиане, Габоне, Новой Каледонии и в Косово. Везде по четыре месяца. «В Косово патрулировали. НАТО ничего не делало, а мы в бронежилетах ходили – народ пугали. Но сербы действительно к русским хорошо относятся, про остальных не знаю... Мне везде интересно. В Новой Каледонии здорово было: на выходные можно поплавать с аквалангом, туристов много. Габон – ничего хорошего. Не боевая операция это была, так, «презанс» – присутствие французских войск».

К доске рабочего стола прикреплен эскиз Репина – любимого художника Евгения. В столе – книги по живописи. Ни одной французской. Он поясняет: «Музыканты, художники... В России школы сильнее. А реалистическая – особенно. Это все здесь признают... Я-то сам больше по реализму. Когда маленькая картинка и целый список разъяснений, что хотел сказать художник, – это смешно! Может, конечно, в Сальвадоре Дали и есть что-то, но мне больше по душе реализм... Я, конечно, по рабоче-крестьянски рассуждаю, как мой батя-полиграфист. Это он меня в школу рисования в детстве отвел, когда увидел, что я все время рисую. Критиковал меня. Судил строго. Да я и теперь ему работы посылаю: на критику».

В Легионе строгое правило: не должно быть преобладания представителей какой-то одной национальности.

Это, кстати, отличает французский легион от испанского.

денег и уехал. И пропал. Позвонил только четыре месяца спустя. Взяли! Служит во Втором парашютном. На Корсике.

«У нас в РЕПе (REP – Regiment Etrangere Parashutiste – Парашютно-десантный полк Иностранного легиона. – Прим. авт.) было 70 процентов русскоговорящих. Там французам легче было выучить русский, чем нам – французский. От того и говорим плохо по-французски», – вспоминает Евгений свой первый срок службы. Был в командировках в

Пономарев признается: «Хотелось бы сделать выставку, но для этого нужно 10–15 картин. Мне нравится делать серьезные вещи, но пока больше оформительская работа. Карандаш, масло, гуашь, пастель... чем прикажут, тем и сделаю. В армии все жестче. Если на «гражданке» можно дискутировать, дескать, «не успеваем», то здесь дали приказ. Я ж не буду спрашивать: «Мон Командан! А у вас художественное образование есть? Ах, нет! А тогда чего же вы тут рулите?» Иногда работать приходится

в выходные, но я знаю, что это нужно, и потом, я всегда получу свободные дни, когда мне понадобится». От живописи – к оружию. Евгений признается, что французская винтовка FAMAS ему не нравится: «Я больше к классике привержен, реализму. Во всем, в том числе и в оружии. Мне «калашников» нравится –

Нет, это не приказ к выступлению, просто у лейтенанта появился новый телефонный аппарат – как тут не поделиться радостью с товарищами по службе

лепо, смешно. За что ее держать-то, когда дело до драки дойдет?» Спрашиваю, хорошо ли быть французом? «Можешь вояжировать. Стольких проблем избегаешь! Все в очереди стоят, а ты раз – прошел. Где виза, спрашивают. А ты второй паспорт показал и вперед. Свобода передвижения!»

Интересно, что делают на гауптвахте Иностранного легиона? «Могут дней семь дать. Будете там «жардинажем» заниматься: кусты резать. Нет, это не советская губа... Но могут и выгнать, особенно если до

Служба у десантников здесь иная: всем заранее известно, когда будет война. Не бывает, чтобы кто-нибудь ворвался ночью в казарму и заорал: «Рота подъем! Строится на плацу! Боевой вылет!» Подобное устраивают изредка на учениях, да и то больше для молодежи.

О боевой готовности «номер один» подразделение предупреждают за три дня, минимум за сутки. Есть время собраться и ничего не забыть. Известно, в какой точке мира предстоит работа, а значит, что брать с собой – плавки или теплую шапку.

Демонстрация удали и прочая показуха в Легионе не в чести. В первых, вряд ли они пригодятся в современной войне. А во-вторых, у всех – «асюранс», то есть страховка, и никому неохота оплачивать лишний раз лечение травм, полученных на тренировках. Лучше заниматься плаванием, бегом, ходить в тренажерный зал. Но если кто хочет заняться «боевыми искусствами», то есть секция. Свое умение легионеры демонстрируют на праздниках. «Драка всякая, кульбиты, народу нравится, да и начальство довольно», – говорит Евгений. Но сам считает, что солдату нужно знать приемы рукопашного боя, хотя лбом кирпичи ломать все-таки не стоит.

Сегодня Легион считается самым элитным подразделением

французских сухопутных войск.

Служить в нем – высокая честь. Но попасть туда непросто.

вот классическая форма! FAMAS на сошки поставь – точно стреляет, особенно в тире. Но условия войны меняются. Допустим, в Чечне FAMAS вообще стрелять бы перестал. Там такие условия были. Грязь, сырость, все ржавое, а «калаш» работает. Уж больно этот FAMAS для меня нежный, что ли... Как рукопашный бой-то с ним вести? У них есть какие-то приемы для этого, но выглядит все это не-

проступка были трения с командованием».

Известно, когда война

В Легионе, как и во всей французской армии, наказывают как у нас: не виновника, а всех сразу, то есть коллективно. Правда, в нашей потом, когда офицеры уходят домой, провинившегося «залетчика» воспитывают «в сушилке». «Не нравится мне эта система», – говорит Евгений.

В Полубье в отдельных комнатах среди привычных вещей вместе с братьями по оружию доживают свой век legionеры-инвалиды

нас – свои. Работать вместе можем, а чтоб дружить... Слишком уж мы разные».

В конце пути

Майор Дагийон ведет казенный «рено», как танкист: лихо и уверенно. Девятнадцать лет он отслужил в бронетанковых войсках и счастлив, что перевелся в Легион. Еще поворот, и мы на месте, в «Доме legionера» – доме ветеранов.

Дом открылся в 1933 году. Марсель тогда наводнили «бомжи с орденами» – ненужные Франции legionеры-ветераны. Они уцелели во всех битвах, но у них не было ни денег, ни семьи, ни дома. Старые солдаты подыхали на пристанях Марселя. Узнав об этом, командующий Легионом генерал Ролле стал хлопотать о приюте для ветеранов. И добился своего: правительство купило 4 гектара земли в живописной долине и построило этот странноприимный дом. В нем 70 отдельных комнат. Клуб. Прачечная. Бар. Медпункт. Столовая. Магазины.

Поселиться здесь может всякий, кто служил в Легионе. Для этого нужно лишь представить свою служебную характеристику, которую каждый legionер получает перед увольнением. Паспорт. Если у ветерана-иностранца нет вида на жительство во Франции, его сделают тут, на месте. И еще нужно платить 650 евро в месяц. И жить на всем готовом. У кого нет таких денег, отправляются в бесплатный Дом инвалидов, что неподалеку. Кто еще может, тот работает на виноградниках и в мастерских.

В «Доме legionера» доживают свой век в приятной компании близких по духу людей. Среди тех, кому всегда можно сказать: «А помнишь?..» Умирать старые legionеры тоже предпочитают здесь. Недавно ушел из жизни один старик. У него был рак на последней стадии. Ложиться в больницу он отказался. Сказал, что хочет умереть среди своих. Начальник приюта, старик-полковник в отставке, держал его руку до последнего вздоха умирающего товарища.

Русских legionеров эпохи лихолетья в этом доме призрения пока нет. Они еще слишком молоды. ■

Памятник погибшим legionерам на плацу в Обани. Каждый год 30 апреля здесь проходят празднования очередной годовщины битвы в Камероне (Мексика)

всегда помогают. «Разные сюда служить приходят. Вся Восточная Европа физически лучше смотрится на фоне всей этой западной... ерунды. Тут один итальянец пришел, его взяли. И сразу, как принято, мобильный отобрали. Так он вопить начал: а как я маме позвоню? Ты же в армию пришел, мужик, к тому же

По мнению русского legionера, современному солдату нужны не только отличная физическая подготовка, но и мозги. Тесты на интеллект, которые проходят рекруты при отборе, не

добровольно. Вот курс подготовки пройдешь и через четыре месяца позвонишь... Раньше, говорят, вообще сурово было – до пяти лет контакты с внешним миром ограничили».

Художник не пьет и не курит, ходит в спортзал, рисует, читает. Записался в гражданский тир: захотелось пострелять из «ковбойского» кольца с дымным порохом... Отдыхать едет домой – в Тверь. Там учился в Полиграфическом, там остались друзья и родственники.

В Легионе отношения со всеми хорошие, но не близкие. И так у всех «славян». Друзей среди французов у него нет. Что мешает? Характер французов и стереотип отношения к русским: «У них свои интересы, у

Оксана Прилепина
Фото Андрея Семашко

ЧТОБЫ ЖИТЬ КУЛЬТУРНО...

Много чудачков в российской глубинке. Каждый – со своей сумасбродной мечтой, для реализации которой им не жалко сил и уходящих лет. Они с улыбкой встречают непонимание родных, соседей, властей. Вот, например, 75-летний Леонид Мулярчик уже 20 лет как строит метро в городке Лебедяни Липецкой области... «чтобы жить, как в Москве, – культурно».

ЧУДИТЬ ЛЕОНИД НАЧАЛ С юности. В 12 лет «техническая жилка» проявилась в том, что он сконструировал небольшую подводную лодку из будильника. Но неправильно настроенные рули утянули изобретение под весенний лед пруда. За будильник мальчику здорово попало от родителей, что отбило охоту к изобретениям аж до самой пенсии.

В 16 лет юноша совершил подвиг ради возлюбленной, жившей в Москве. Так случилось, что Леонид, приехавший к родителям на лето, сильно захотел девушку снова увидеть, а десяти рублей на железнодорожный билет не нашлось. Он

сел на велосипед и поехал на свидание из Лебедяни в Москву, затем обратно, преодолев порядка 846 км за 58 часов. «В дороге питался яблоками, – вспоминает Леонид. – Однажды совсем обессилел от голода. Вижу – индюшки бегают. Одну задал. Заехал за деревню, а там снопы стоят, тогда еще снопы вязали. Пощипал индюшку, зажег сноп – у меня получились и мясо, и хлеб. Вот и все продовольствие». Ночевал у добрых людей. Кто медом угостит, а кто и махотку (кувшин) молока с хлебом поднесет». Роман с девушкой в итоге не сложился...

Довольно долго еще жизнь Леонида Мулярчика не предвещала ниче-

го экстраординарного. Окончил семь классов школы, железнодорожный техникум. Правда, хотел поступать в Литинститут и даже на творческий конкурс написал трилогию «про жуликов» на 80 тонких тетрадях. Но рецензия была неутешительной: «Ваше творчество направлено не в ту сторону». После техникума работал диспетчером ярославского торфопредприятия, ездил на целину, отслужил в морфлоте, вернулся на родину и всю трудовую жизнь, с 1958 по 1986 год, состоял заливщиком на местном машзаводе. Жизнь в родительском доме на берегу действительно тихого Дона текла легко и непринужденно до тех пор, пока в один прекрасный день Леонид не сконструировал из обычных листов железа трактор. Этот шаг был судьбоносным: трактор пробудил в человеке тоску по чудесам. Мулярчик забросил огород и семью, а семейный бюджет пускал на скупку металла. Один за другим стали появляться на свет технические шедевры.

Оп! Авторская моторная лодка. Не потопляемая, со специально разработанными конструкциями на бортах. Оп! Двухпалубный корабль пяти с половиной метров в высоту. Невиданному чудовищу ходить по Дону местная администрация не разрешила: глубина реки всего три метра, да и некоторые технические характеристики вызвали сомнения. Леонид не отчаялся и переквалифицировал корабль в паром. Натянул между берегами Дона трос и, отталкиваясь палкой от дна, сам работал на переправе, взимая по рублю с пассажиров, пока трос не украли. Проект оказался не только убыточным, но и на редкость скучным – пришлось Мулярчику смастерить колесный буксир (с ходовым мотором – нельзя). Ведь на буксире уже было можно таскать корабль по реке вниз и вверх по течению, что существенно меняло дело. Когда же корабль стоял на приколе, владелец позволял молодежи устраивать на нем вечеринки, нырять – за три рубля с персоны. Но и этот бизнес-проект провалился. Как только ребяташки завидят хозяина – попрыгают в воду и наутек. От самовольной погрузки на палубы не спасала даже натянутая колючая проволока. Помогать собирать мзду охотников не нашлось. А транспортный налог тем временем капал – 6 тысяч в месяц. Для российского

пенсионера, даже романтически настроенного, это слишком. Так что корабль был продан по цене металлолома за 65 тысяч рублей – хотя нет, это металлолом стоил 65 тысяч, а сторговались за 50 тысяч, на которые изобретатель купил белую «ниву». Верхнюю палубу корабля пришлось срезать, она не проходила ни под одним мостом, груда «лишнего» железа лежит на берегу до сих пор. Леонид давно мечтает переплавить ее на очередное чудо техники, но не может, так как она принадлежит хо-

зяевам корабля. Все собирается изобретатель им позвонить, попросить подарить, да стесняется... К тому моменту, когда Мулярчик поставил в сарай самодельный подъемный кран и бетономешалку собственной конструкции, в голове изобретателя-самородка начала вызревать идея метро. Днем и ночью Леонид думал о ней, беседовал с другом-гидрогеологом и как-то упустил момент, когда из дома ушла жена (разделила дом и огород пополам), народились внуки и правнуки. Зато

час, чтобы пройти за линию в центр города, жители вынуждены делать большой крюк, а в действительности ежедневно просто пролезают под вагонами. Мотивация проектировщика и исполнителя в одном лице довольно эксцентрична: хочется жить как в Москве. Идея, понимал он, настолько сумасшедшая, что озвучить ее перед соседями и администрацией не решался. Не поймут. И пошел в обход: решил основать кооператив «Радость», который якобы не ме-

осчастливит Мулярчик). Однако с самого начала «Радость» была обречена, ее даже регистрировать не хотели. Сам энтузиаст объяснял трудности пересечением интересов: мол, власти иначе видели, кто, как и почему принесет людям комфорт. Но сдаваться Леонид и не подумал. Он напечатал «прокламации», поехал в Москву к Белому дому и два часа вручал их утром идущим на работу чиновникам. В листовках он жаловался на то, что лебедянская администрация отказывает ему в самостоятельном благоустройстве дома. Наконец кто-то ему сочувственно сказал: «Дед, поезжай домой, разберемся». Кооператив зарегистрировали, но добро на строительство метро не дали. Тогда Леонид попробовал зарегистрировать партию «Атлантида» – по его представлениям, «кузницу кадров для кооператива». Удалось завербовать 166 членов. Мулярчику грезилось, что «Атлантиде» с большей охотой будут выдавать необходимые для строительства метро разрешения. В программе партии было написано, что «Атлантида» собирается бороться за то, чтобы люди жили в приемлемых бытовых условиях. Ничего другого в голову не пришло, потому что бороться за власть горе-политик даже не помышлял и слабо представлял, чем политика отличается от экономики. В общем, партия не была создана, так как в ее

**Однажды Леонид Мулярчик сконструировал
из обычных листов железа трактор.**

Этот шаг был судьбоносным:

**трактор пробудил в человеке
тоску по чудесам.**

хорошо помнит тот солнечный день, когда «сожительница» из села Ракитино похвалила очередную железяку и подарила еще пару листов железа.

Потопление «Атлантиды»

В 1989 году Леонид Мулярчик взял лопату, пошел в огород и начал рыть глубокую яму – вход в тоннель лебедянского метро общей протяженностью 400 метров. Ветка метро в его мечтах должна соединить деревянные дома с железнодорожным вокзалом через консервный завод. Сей-

тро строил, а многофункциональный водопроводно-канализационный коллектор. То есть в подземных тоннелях помимо рельсов и индивидуального входа в метро из каждого дома Мулярчик собирался провести водопровод, канализацию, электричество, поставить индивидуальный пожарный гидрант. Идея была актуальной: ведь на момент начала строительства в микрорайоне не было элементарных бытовых удобств (спустя десятилетие жители провели их за свой счет, не дождавшись, пока их

основе справедливо углядели хозяйственную деятельность. А соратники разбежались, поскольку не были готовы к тому, что труд будет оплачен после того, как метро начнет приносить деньги. «Видимо, для такой работы в человеке должно быть что-то еще», – сказал он себе и с головой ушел под землю.

Чтобы домашнее отопление сделать бесплатным, он помимо угля в самодельную котельную кладет на обжиг известняк – камни, подобранные тут же, у реки. Когда уголь прого-

рает, известняк уже подоспел, остается только погасить его водой – и можно продавать востребованный стройматериал. А на эти деньги снова закупать уголь. В тоннелях метро температура ниже пяти градусов не опускается, так что там он по краям дорожки зимой выращивает капусту и тюльпаны – «для экзотики, женщинам дарить, не на продажу».

Соседи также способствовали развитию технической мысли Леонида. Он долго бегал по инстанциям согласовывать строительство котельной. Тогда она проектировалась на улице. Соседка в письменной форме выразила категорическое несогласие с идеей, опасаясь дыма. «СЭС мне сказала: котельную можешь поставить только у себя в огороде, – вспоминает Леонид, – Заметьте, это, получается, еще ближе к соседке, вообще в пяти метрах от нее. Я отвечаю: «Вы с ума сошли! Как же я уголь буду возить?» В общем, котельную тоже пришлось спустить в тоннель, но оставалась еще проблема – куда девать дым? Трубу ведь мне тоже не разрешали на улице ставить. Значит, я дым от котельной пустил в трубу на крыше своего дома.хлопот было много. Зато благодаря тому, что тяга мощная – высота 12 м! – там все настолько сильно горит, что иногда приходится песком засыпать».

Мулярчик. Его дом угадать легко. Надо ли упоминать, что все далее перечисленное – рукотворные детища Леонида, включая сам дом? Внизу у реки – металлические лавочки (деревянные ломают) и пристань, ограничители для машин (чтобы не заезжали на место для купания), трансформаторная будка (с трехфазным током, 380 В), на воду спущен

проводами: горе-бизнесмен не знал действующих норм во время строительства. Так что торгует мастер опять же из-под земли. Оттуда же через веб-камеру следит за порядком. Тут же, у неоткрытого ларька, подвешен громоздкий ящик, в нем планируется установить телевизор для привлечения покупателей. Неподалеку от дома – самодельный кран, лодка, трактор. В огороде – сарай метров десять в высоту, демонстративно построенный во времена, когда соседка пыталась отвоевать у Мулярчика часть земли под предлогом, что тот на ней ничего не строит, не сажает. Сад на 20 сотках зарос, осыпаются яблоки, картошка не окучена – впрочем, больше ничего съедобного здесь не растет.

Неприглядная серая дверь в доме Леонида Мулярчика и есть вход в магистральный тоннель уже знаменитого метро, на которое, к слову, получены практически все необходимые документы. По тоннелю в скором будущем пойдут автоматизированные четырехместные вагоны с местными жителями и туристами. Нажал кнопку – вагонетка поехала, нажал – остановилась. Толчки высотой чуть более двух метров и стены оштукатурены известняком. Есть довольно «узкие» места, полтора метра в высоту, а в среднем

**Ветка метро в мечтах Леонида
должна была соединить деревянные дома
с железнодорожным вокзалом
через консервный завод:
хотелось жить как в Москве.**

Так прошло 20 лет. Мы поехали в Лебедин посмотреть, как идут дела у Леонида.

Метро

Теперь город Лебедин, утопающий в лебеде в верховьях Дона, известен больше как местоположение крупнейшего в Восточной Европе завода по производству соков. Хотя каждый, кто читал «Записки охотника» И.С. Тургенева, может помнить, что здесь проходили знаменитые конские ярмарки. На окраине Лебедини, куда не каждый трактор проезжает по распутице, и живет Леонид

буксир. Кстати, соседка Леонида регулярно жалуется администрации на шум, поэтому изобретатель чаще всего работает под землей в специально вырытой мастерской. Спустится вниз, поколдует – и вытаскивает на поверхность очередной железный шедевр. Есть еще ларек, к нему ведет лестница – ее строительство согласовывалось более двух лет. На ступеньках лестницы уже стерлась реклама товаров: «шоколад, бульон магги, супы б/п, жев. резинка, чупа-чупсы...» Ларек Мулярчик не открыл и не откроет, потому что тот построен под электро-

менять, то есть начинать все сначала. Сразу за входом – просторный для лебедянского метро зал шириной в два метра, длиной – в восемь. «Это помещение задумывалось для пожарной службы, – начинает экскурсию творец-создатель. – Но когда я понял, что мне никто не желает помогать, а своих средств не хватит, я лет 10–15 назад хотел сделать здесь кафе-бар, покрасил стены. Вот тут бы стояли столики, а в соседнем зале – танцевали бы. Администрация мне на словах разрешила, а на бумаге отказала. Видите, теперь уже тут все оползло, ведь даже летом температура не поднимается выше 14 градусов».

Из магистрального тоннеля длиной 60 метров идет ответвление – технический тоннель. Здесь расположена насосная станция, которая качает в дом Мулярчика артезианскую

нируют их ничем, туда сливают все, что у них есть. Когда-то эта гадость должна просочиться в родники? Сколько я уже говорю: надо канализацию нормальную сделать, яму хорошую. Никто не хочет работать, ждут, когда принесут на блюде. В трех метрах – малая котельная, рассчитанная на обогрев четырех домов. В перспективе Леонид планирует построить котельную на 20 домов – «на весь околоток», помещение для нее уже готово. Из котельной можно по лестнице входить прямо в дом. Неподалеку – электростанция и мастерская. Другое ответвление от магистрального тоннеля ведет к электрифицированной эстакаде, созданной для подъема тележки с грунтом на поверхность. Эстакада ведет прямо в гараж. Везде проведено рабочее (12 В) и постоянное (220 В) электричество. Свет может включаться из тоннеля, а может – прямо из дома. В конце магистрального тоннеля виднеется забой. Общая длина метро сейчас примерно 200 метров. «У меня нет ни выходных, ни праздников, – продолжает Леонид. – И в субботу, и в Новый год могу идти копать. В моем возрасте иначе ценишь дни. Вот повесил ящик под телевизор и смотрел на него два часа. А когда вхожу в метро, думаю: жалко, что построил его таким низеньким. Неохота теперь ходить согнувшись. Как проходит мой обычный вечер? Нароботаюсь, лягу, семечки на пузо возьму и грызу, телевизор смотрю».

глубина залегания метро – семь метров. Специальная экспертная комиссия заключила, что сооружение уверенно выдержит сверху вес 64-тонного грузовика. «Приехали из института, – рассказывает про приезд комиссии Мулярчик, – спрашивают, почему получается так прочно. Я говорю: «Потому что я сам у себя цемент не воровал, сколько положено, столько и клал. Никаких утечек».

Однако же срок годности сооружения ограничили 30 годами. Через 30 лет укрепление стен нужно будет

воду из скважины, расположенной на глубине 70 метров. Напор такой, что при желании можно дать вверх струю высотой в полтора километра. Прицепленные герконы на трубе включают и выключают насос автоматически. Все под сигнализацией. «Я один раз у соседей попробовал воду из общего водопровода, у меня расстроился живот, больше не буду пить из труб никогда, – говорит Мулярчик. – У меня родниковая вода. Но я боюсь, что ее рано или поздно заразят. У нас тут все «культурные», выкапывают ямы, не бето-

Нужен миллион – только и всего

Поразительно: метро построено без схем и чертежей. Все – в голове мастера. Хотя были у Мулярчика два консультанта, геолог и начальник пожарной службы. Но большую часть знаний мастер добывал сам, из учебников. Причем активная работа, непосредственно копание, заняла у пенсионера не более двух лет. Остальные 18 он боролся с дефолтами, соседями и властями. В процессе выработалась и технология. Например, никак нельзя забывать про температурные воздействия – для этого и оставляют незабетонированные участки. Ведь

тоннель нагревается, охлаждается, и, если свод сделать монолитным, он однажды просто лопнет, раздавит сам себя.

«Грунт потверже долблю кайлом, – Леонид показывает мастер-класс. – Лопатой – когда грунт помягче. Потом грузу совковой лопатой в тележку. Так за день прохожу метр. Чтобы сверху ничего не обвалилось на голову, через 20 сантиметров ставлю аркообразную металлическую распорку – проходческий щит. Когда прошел метр – бетонирую, на что уходит еще два дня. За щит пихаю дощечки и белый силикатный кирпич, все выше, и выше, и выше. И так от пола по потолка – и снова до пола по противоположной стороне. Затем заливаю в щели бетон. Ширина стены получается 15 сантиметров. За месяц прохожу максимум 10 метров». Дело иногда идет медленнее по финансовым причинам: Леонид может выделить на проект... 3 тысячи рублей в месяц, сэкономленные с пенсии, – «я привык скромно жить». При этом он, невзирая на печаль-

ный опыт с зарабатыванием денег изобретениями, продолжает искать коммерческие ходы: «Мне нужно где-то взять миллион рублей, только и всего, – говорит он. – Тогда бы я пустил метро через три месяца. Купил бы сразу цемент, бетон, кирпич и людям заплатил за работу. Если сделать красивый вестибюль – тогда понадобится не более двух миллионов. Я уже пытался их достать. Как-то однажды заказал товар через один журнал, какой-то дайджест. Им понравилось это, стали писать мне письма. На одно я ответил. Написал про свое метро и предложил сделку.

Пусть они мне дадут миллион, а я за это им буду первым давать всю информацию о стройке, тираж от этого поднимется. Мое предложение актуально для всех СМИ. А потом, когда первая вагонетка поедет, тогда будет и шоу, и деньги пойдут, и будем работать на самоокупаемости».

Инструмент Мулярчик менял всего один раз, когда штыковая лопата сточилась наполовину. Но копать в этом деле не самое сложное. Главная проблема – выносить грунт на поверхность. Еще год назад Леонид просто грузил тележку и через эстакаду вез эти 300 килограммов. Получалось быстрее, эффективнее, но сейчас он предпочитает лебедкой поднимать металлическую емкость – «бадейку». За день, таким образом, для прохождения одного метра тоннеля нужно либо вывезти 11 тележек, либо поднять 33 «бадейки».

«Мне очень нравится копать под землей, очень даже, – откровенничает метростроевец-самоучка. – Копание – простая работа. Но голова то есть, она начинает работать,

с кораблем, потому что никто не собирается летать в сильный ветер или сажать на самолет дурачков. Первым я сам хочу полететь. Думаю, у меня хватит сил минут на десять».

В городе Леонид – человек известный, однако никакой пользы ему это не приносит. Время от времени навещается милиция проверять чеки на металл для очередной технической новинки. Да мало ли сюда ездит проверок! Вот недавно нарколог и психиатр отказались продлевать ему водительские права – говорят, после 75 лет нечего за руль садиться. А как без «нивы» построить метро?! Если остановят работу, думает Леонид, придется заниматься посильным пенсионным спортом: носить каждый день ло-

**Каждое изобретение должно
дойти до людей. И меня печалит,
что не хватает сил, денег
и времени сделать все, что хочу.
Слишком много задумок на одного человека.**

выдумывать всякую чепуху: как, например, человеку полететь, используя только мускульную силу? Профессора говорят, что у человека недостаточно сил, чтобы летать. А мое мнение другое. Надо только сделать машину, которая эту силу будет отбирать на 100 процентов. Оговорюсь, это не мое изобретение, но его забыли. Какое – пока не скажу, а то украдут идею».

Взмывает в небо!

Самолет этот действительно существует – причем не только в голове лебедянского Леонардо да Винчи

(автора махолета), но и в чертежах. Леонид возил свои расчеты в Московский авиационный институт, где ему кто-то из профессоров посоветовал увеличить прочность, ведь конструкция очень легкая – из пенопласта. Чертежи делались по книгам. Полет, уверен изобретатель, будет выглядеть так: «Плывет по нашему Дону в тихую безветренную погоду корабль – такой же, какой я продал, только с верхней палубой. На верхней палубе стоит самолет без двигателя с педалями, 10 метров – размах крыльев плюс 6–7 метров сам. В самолете сидит человек. Чтобы он поднялся в воздух, ему нужна скорость, скажем, 25–30 км/ч. С палубы по желобам самолет скатывается к воде, то есть ускоряется, человек крутит педали и взмывает в небо – и летит, летит! Над кораблем. Никаких веревок и страховок. Потом прекращает крутить педали – и тихо опускается обратно на корабль. Мы не берем в расчет порывы ветра, отклонения от курса вправо-влево или несовпадение скорости

пато́й песок из одной кучи в другую, чтобы не одряхлеть. Такое обещание он себе дал еще в детстве, когда занимался плаванием в Доме юных пионеров. Труд, конечно, бессмысленный, зато укрепляющий. Но по-настоящему Мулярчика печалит то, что возраст дает-таки о себе знать: работа идет медленнее и тяжелее. Но просто уму непостижимо, как все это мог построить один человек, причем на пенсии и на пенсию. «Такая история, как у меня, могла случиться в любой стране, – философствует лебедянский Кулибин. – Вот, например, калькулятор изобрел простой американец. И он долго не мог найти всего-то 10 тысяч долларов, чтобы открыть производство, но нашел, открыл и разбогател. Но это я не к тому, что в США хочу. По путевкам ездят бездельники, мне необязательно. А к тому, что каждое изобретение должно дойти до людей. И меня печалит, что не хватает сил, денег и времени сделать все, что хочу. Слишком много задумок на одного человека». ■

Жанна Васильева

ВИЗУАЛЬНЫЙ ЯЗЫК ЭПОХИ

В чем секрет завораживающей силы старых фотографий? Видимо, в их превосходстве над временем. Ведь благодаря таким фотографиям события давно минувших дней могут переживаться так, будто они происходят на наших глазах.

В ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XX века интерес вызывало искусство прежде всего нонконформистское и авангардное. Бурные 90-е почти презирали «шестидесятников» и иже с ними – за наивность, идеализм и компромисс с властями. Сегодня ситуация изменилась. Обнаружилось, что фотография времен так называемого социализма с человеческим лицом интересна определенной свободой не только от идеологических догм, но и от коммерческого заказа. Навязчивую силу последнего никому уже не надо объяснять. Как ни странно, авторы фото 60–70-х – отчасти наши первые «независимые». Уже обживающие terra incognita вне лозунгов и плакатных штампов, но еще не попавшие на крючок рекламы и гламура. В те годы споров «физиков и лириков», поэтических вечеров в Политехе, отчаянных альпинистских восхождений и бардовской песни закладывалась новая эпоха. В СССР

ее отсчет начался с доклада Хрущева на XX съезде партии, но ее суть не исчерпывается кратковременным политическим «потеплением». Она принесла выход в открытый космос, выпестовала первые ЭВМ, впустила телевизор в каждый дом. ...Иначе говоря, у нас она послужила разом колыбелью постиндустриальной экономики и общества, в котором масс-медиа правят бал. С этой точки зрения интересно вновь взглянуть в фотографии минувших дней. Еще интереснее сравнить взгляд того времени и нынешний. Попытку такого сопоставления предприняла Фотогалерея имени братьев Люмьер, затеявшая проект «Антология русской фотографии XX века». За точку отсчета в нем была взята эпохальная выставка «СССР: страна и люди в художественных фотографиях», которая в 1970–1976 годах объехала полмира, побывав в том числе в США, Австралии, Японии. Для ее подготовки в 1969 году была создана специальная редакция в АПН. Участво-

вали в ней 500 фотографов из всех республик СССР, в разных странах выставлялось до 1000 работ. Куратором и организатором был фотограф Николай Драчинский, который вдохновлялся примером Эдварда Стейхена с его масштабной выставкой «Род человеческий». Советский проект был своеобразным ответом Стейхену, который возглавлял фотографический отдел МоМА (Музей модернизма. – Прим. ред.) в Нью-Йорке. Может быть, он и задумывался как ответный идеологический удар. Но гораздо важнее, что для ответа нужно было как минимум взять ту планку, которую задал Стейхен. А он рассматривал фотографию как вид искусства, равноправный с живописью или кино. В результате сам принцип подхода к фотографии, который использовал при отборе и подготовке проекта Драчинский, стал мощным стимулом освобождения фото от идеологических ограничений. Показательно, что в СССР выставка, подготовленная АПН, была показана лишь однажды – в 1970 году в столичном Манеже.

Тот рывок, который советская фотография сделала в 60–70-е, напрямую связан с воздухом свободы, принесенным «оттепелью». Одновременно открывался и мир западной фотографии. Конечно, очень дозированно. Самым популярным в СССР в те годы западным фотографом был, разумеется, Картье-Брессон, побывавший в СССР в 1954 году. Его концепция «решающего момента» отлично подходила для репортерской фотографии, ко-

ПРЕДОСТАВЛЕНО ФОТОГАЛЕРЕЕЙ ИМЕНИ БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР

Яков Халип.
«Язык племени
маяя разгадан».
1962 год

Вадим Опалин.
«Сельская
школа». 1970 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО ФОТОГАЛЕРЕЕЙ ИМЕНИ БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР

Лев Бородулин.
«Мы играем
в волейбол».
1965 год

Владимир
Лагранж.
«Забавы».
1961 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО ФОТОГАЛЕРЕЕЙ ИМЕНИ БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР

ПРЕДОСТАВЛЕНО ФОТОГАЛЕРЕЕЙ ИМЕНИ БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР

торая оставалась важнейшей для советской прессы. Наконец, мягкий юмор, тонкая наблюдательность Картье-Брессона рифмовались с эпохой, пронизанной лирическим пафосом и открывавшей чувства частного человека. Что касается другой западной фотографии, в которой острая социальность соединялась с трагическим взглядом на мир, то в СССР ее открывали прежде всего литовские мастера. Литовцы оказались теми «посредниками», которые принесли в СССР европейский взгляд и новую экспрессию. В 1969-м выставка девяти литовских фотографов в Домжуре произвела эффект разорвавшейся бомбы. Серии Мацияускаса «Сельские базары» и «Ветеринарные клиники» возвращали и героев, и зрителей в природное пространство, но не идиллическое, а пронизанное болью, мыслью, страстью. Позже, уже в 2009 году, Мацияускас, говоря о мастерах, оказавших на него влияние, выделит швейцарца Вернера Бишофа, англичанина Билли Брандта, венгра Андре Кертеша...

Не менее значительным в те годы было влияние чешской и польской фотографии. Альбом Эдварда Хартвига «Фотографика», вышедший на русском в 1960 году, быстро стал культовым. Коллажи и фотограммы Хартвига открывали новому поколению мастеров выразительность

жесткого контраста черного и белого, прелесть лаконизма.

С другой стороны, профессионалы, которым была доступна заморская техника, осваивая ее, искали новые способы видения. Характерна история снимка «Мы играем в волейбол», сделанного Львом Бородулиным в 1965 году. Объектив «рыбий глаз» только что появился тогда в Японии. Бородулина в 1964-м командировали снимать Олимпийские игры в Токио. Японский журнал решил показать Олимпиаду глазами советских фотографов и даже предоставил технику. Бородулин выбрал «рыбий глаз». После Японии он с новым объективом приехал уже на озеро Селигер. Там-то «рыбий глаз» был положен на травку посреди круга туристов, играющих в волейбол. В момент, когда мяч взлетел вверх, сработал автоспуск. Фотография, напечатанная в «Огоньке», произвела такой фурор, что ей была посвящена специальная встреча коллег. Но не только расширение жанровых, стилевых, тематических возможностей, открывшихся для фотографов в 60-е годы, сыграло огромную роль в появлении фотографического «клондайка». Фотокамеры оказались по карману многим, а фотография стала тем новым визуальным языком, который с удовольствием осваивало новое поколение. Чему немало помогли фотоклубы, ставшие опорой для «простых»

любителей по всей стране. Благодаря фотоклубам фотография снова начинает рассматриваться не только как скромная служанка газет и журналов, всегда готовая «отразить», «доказать», «продемонстрировать», но и как фотоискусство. «Любители», свободные в выборе, вводили в фотографию новые темы и возвращались к традициям не только конструктивистской, но и пикториальной фотографии с ее любовью к сельским пейзажам, классическому портрету, «высоким» искусствам.

В переломную эпоху 60–70-х фотография несла весть о меняющемся мире. О мире, в котором границы становились менее существенными, масс-медиа – более влиятельными, а частная жизнь норовила стать публичной. Слова «глобализация» и «Интернет» еще не были произнесены, но слово «спутник» уже облетело весь мир. Фотографы оказались не просто свидетелями социальных сдвигов, происходивших в обществе второй половины XX века. Они создавали новый визуальный язык эпохи – наряду с кинематографистами и художниками. Более того, фотография оказалась первым медиа, давшим шанс для самовыражения простому человеку. Этот человек мог быть слабым, смешным, героическим или несчастным. Но он оказался в центре внимания, и он получил возможность высказаться. ■

Алексей Макеев, фото автора

ХОЗЯЕВА КОЛЬСКОЙ ТУНДРЫ

Мягкие «ковры» в тундре, сплетенные самой природой из мхов... Больше сотни тысяч прекрасных озер... Невероятно красивые туманы... А еще – крупнейший ядерный арсенал и заполярный горнолыжный курорт. Это – Кольский полуостров, омываемый Белым и Баренцевым морями.

НО ЦЕЛЬ НАШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ – не красоты природы и не курорт. Главное – познакомиться с коренным населением полуострова – саамами (самоназвание – саами), которых, увы, можно назвать вымирающим народом.

Саамы, или лопари, как их прозвали первые русские поселенцы полуострова, издревле разводили оленей, ловили рыбу, поклонялись духам леса, земли и воды. Шаманских кланов у саамов не существовало, каждый общался с духами самостоятельно. Эта странность стала причиной того, что эзотерики объявили саамов «народом особой посвященности», а православные миссионеры не раз жаловались на трудности обращения лопарей в христианство.

Найти саама

Оказывается, главная проблема на Кольском полуострове – найти настоящих саамов. И дело не в отсут-

ствии дорог или иных трудностях пути. Напротив, Кольский полуостров выгодно отличается от многих других районов нашего Заполярья тем, что по автотрассам здесь можно спокойно передвигаться круглый год. Асфальтовые дороги тянутся даже через тундру в легендарное саамское село Ловозеро.

Но, как это часто случается, там, куда приходит цивилизация со всеми своими «благами», тускнеет, стирается, а то и вовсе исчезает местная, традиционная культура.

Вот и в Ловозере я был неприятно поражен, увидев вместо чумов и оленей стандартные пятиэтажки и стаи голодных собак. Только благодаря счастливому случаю, который свел меня со знаменитым оленеводом Николаем Лукиным, удалось увидеть, что же такое настоящая саамская жизнь.

Олень в тундре надежней

Традиционный для саамов способ «вольного» выпаса оленей сохранился на Кольском полуострове до сих пор. Что он собой представляет? С октября по июнь оленеводы выгоняют свои стада на пастбища, а также держат на стойбище. А летом подгоняемые комарами олени уходят к морю, оставаясь без присмотра пастухов. Осенью саамы отправляются собирать свои стада на ездовых оленях, которые постоянно живут на стойбище.

Как раз в сентябре мы и отправились на стойбище в глухую тундру. Ехали на старом вездеходе, напоминающем танк времен Великой Отечественной. В вездеход нас набилось семеро: четыре пастуха, я и две чум-работницы – именно с такой специальностью они окончили Ловозерское училище.

Только мы покинули Ловозеро, как не очень-то до этого момента отличавшиеся от русских саамы как будто преобразились. Стали разговаривать на саамском языке и даже иначе называть друг друга. Мне объяснили, что советская власть не только объединила всех оленеводов в колхоз, но и дала им русские имена. Мыкло стал Николаем, Вульце – Алексеем, Васък – Василием. Единственное, что осталось неизменным в речи саамов, – русская брань. Лопари, судя по всему, вообще всегда

были любителями горячего словца. Одни местные названия чего стоят! «Вот, – говорит, улыбаясь, Мыкко, – озеро Патпештем-явр, по-русски Попа-озеро». А названия некоторых островов или озер просто не имеют печатного варианта. От ближайшей дороги до стойбища всего-то 100 километров. Однако добирались мы туда десять дней! Может, кому-то это покажется слишком

бензин. Так что пришлось нам идти пешком по болотам... Дошли не все. Пройдя пару километров, Васк неожиданно валится на землю и мгновенно... засыпает. Я его поднимаю, пытаюсь тащить на себе, а меня успокаивают: «Оставь его. В первый раз, что ли? Он редко когда сразу доходит». Наконец, добрались до стойбища, запрягли оленю упряжку и при-

благодаря Мыкко, который ведет в коллективе жестокую и планомерную борьбу с пьянством. И хотя ЧП по-прежнему случаются, показатели у третьей бригады самые высокие. Кроме того, эти оленеводы единственные, кто сохранил ездовых оленей. Остальные давно пропили свою «тягловую силу».

Режим дня лопарей для меня так и остался загадкой. На стойбище нельзя понять, какой день рабочий, а какой – выходной, когда нужно спать, а когда – обедать. Спят, когда вздумается, но почему-то обязательно все разом. Могут три дня вообще не ложиться спать, а потом не вылезают из постелей целые сутки. Причем такой странный режим ничем не обусловлен. Саамы сидят, играют в карты, болтают, часами пьют чай или вдруг выходят обниматься со своими оленями.

Но каким-то странным образом каждый при этом успевает заниматься своим делом. Чумработницы подшивают малицы и пекут хлеб. Мужчины готовят ездовые упряжки, мастерят сани и ловят рыбу, которая является основой рациона лопарей.

долгим, но по местным понятиям очень даже приличная скорость! Хорошо, что вообще доехали. Например, прошлой осенью этот самый вездеход, на котором мы пробирались сквозь тундру, утонул в болоте примерно на половине пути. А вытащили его только через год, за месяц до нашей поездки.

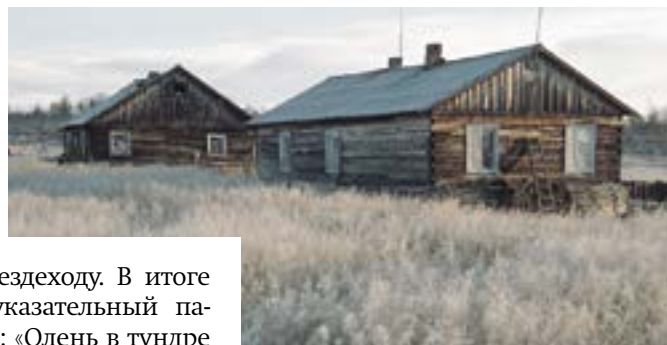
В этот раз самую трудную часть пути прошли без потерь, по этому случаю устроили грандиозный праздник с горячительными напитками. После чего и без того прогнивший вездеход катания «навеселе» не выдержал. У горы с колоритным местным названием «Секс под снегом» наш «танк» налетел на здоровенный валун. Пришлось три дня просидеть в болоте, наблюдая за тем, как сложнейшая поломка странным образом ликвидируется без единой запчасти. Наконец, снова тронулись в путь. И тут началось... Порвалась цепь, отваливались катки. А за 20 километров до стойбища из баков загадочным образом исчез весь

Избы оленеводов в тундре

везли бензин к вездеходу. В итоге Мыкко, подняв указательный палец, важно заявил: «Олень в тундре надежнее».

В обнимку с оленями

Стойбище – это две деревянные избы, сарай, вежа (саамское жилище из дерна и мха) и баня, в которой почему-то находились олени. Помимо оленеводов на стойбище постоянно живет дедушка Сыр. Личность эта весьма загадочная и неразговорчивая. Мыкко почему-то называл его «батраком» и жаловался, что дедушка Сыр безвыездно живет на стойбище, «совсем оброс и одичал». Хозяйство третьей бригады оленеводов считается образцовым. И все

Каменная щука

В здешних озерах и речках водятся множество ценных пород: кумжа, хариус, семга, сиг, паalia. Саамские блюда из рыбы поражают своим оттачивающим видом и одновременно удивительным вкусом. Мне более всего запомнился «Сиг в тряпке». Готовится очень просто: рыбину засыпают солью и заворачивают на два часа в самую обыкновенную тряпку. Затем обдирают руками мясо и набрасывают его кучей в тарелку. Ну а деликатесом у лопарей считаются рыбы глаза и кишки и, конечно,

икра, которую здесь едят ложками. Еще один деликатес – щука. Правда, ее здесь принято готовить весьма специфически: щучью тушку выворачивают наизнанку и вешают сушиться до тех пор, пока она не окаменеет. Мне дали попробовать такую «каменную» щуку... А я еще удивлялся, почему у лопарей так мало зубов?

Ловят рыбу как сетями (для того чтобы сделать запас), так и на удочку ради удовольствия. Однажды, когда саамы спали, я сделал небольшое удилище и пошел на рыбалку. Только вчера видел, как дедушка Сыр на этом месте за полчаса наловил целое ведро окуней. У меня же ни одной поклевки за три часа! «А ты на что ловил?» – спросили меня, когда я вернулся с пустыми руками. «На червя, хлеб, тесто, кашу – все перепробовал». Мыккло оглядел мою удочку и с удивлением спросил: «У тебя крючок? У вас что, так рыбу ловят? Ты бы лучше палку привязал – наловил бы бакланов. А крючком здесь даже опухшую от голода рыбу не соблазнишь. Надо мормышку и опарыш».

Несмотря на присутствие последних достижений науки и техники на стойбище, быт саамов вполне традиционен. Все эти плоды современного инженерного ума для лопарей все равно что для папуасов холодильники. Красивые, блестящие, можно использовать в качестве мебели, но никак не по прямому назначению. На стойбище есть два генератора, но возиться с ними никто не хочет. Легче зажечь керосиновую лампу. Рация хоть и имеет внушительный вид, но работает только по воле какого-то саамского бога: никто не знает, когда и на какой частоте. Есть и мобильный телефон с большим болтом вместо антенны. Однако до места действия сети необходимо пройти километров 20 и забраться на сопку высотой метров 500.

Свист для полярного сияния

Главным сюрпризом на стойбище для меня стало северное сияние. В сентябре это случается редко. Причем повезло увидеть как раз ту уникальную форму «полярки», о ко-

торой много слышал. Наверное, это было самое впечатляющее зрелище в моей жизни.

Сначала как будто кто-то начинает огромной кистью раскрашивать небо. А затем встряхивает получившееся красочное полотно, отчего оно идет волнами, переливаясь самыми разными цветами. Над головой появляются гигантские столбы зеленого света, начинают закручиваться один за другой, смешиваются, вспыхивают, образуя новые цвета и оттенки. Вдруг над горизонтом загорается... бегущая строка! Движутся символы, напоминающие арабскую вязь! Свет мигает то справа, то слева; из глубины всплывает зеленый шар. Он начинает удлиняться, затем лопается и раскрывается словно цветок. лепестки переливаются розово-зеленым цветом, мутнеют и исчезают... Совершенно сюрреалистическая картина!

Для саамов же «полярка» никакого не чудо природы, а обыденная жизнь. Мыккло, увидев, как я остолбенел от восхищения, засунул два пальца в рот и начал оглушительно свистеть. От свиста, объяснил, сияние становится ярче и динамичнее. Для них, наверное, это то же самое, что для нас – гонять по крышам голубей.

На всякий случай

Последователей древнего саамского культа не осталось совсем. Еще в советское время шаманизм уничтожили на корню. Сегодня о легендарном прошлом напоминают лишь сейд-камни, разбросанные по всему Кольскому полуострову, а также Бабкин камень, находящийся как раз недалеко от стойбища, в былые времена он почитался как жертвенный алтарь. Рассказывают, что в 50-х годах какой-то чекист нашел легендарный камень и унес все монеты и украшения, пожертвованные за многие столетия. Однако из тундры ему выбраться не удалось: утонул в болоте вместе с золотом и серебром.

Меня к Бабкиному камню везли какими-то окольными путями, постоянно петляя и запутывая следы. Разрешили побыть возле него толь-

ко несколько минут и сделать всего два снимка. А то, говорят, «Бабушка» может рассердиться.

Еще интереснее саамы ведут себя, когда оказываются вблизи сейдов. Сейды – это валуны разных размеров, как правило, поставленные друг на друга. До сих пор точно неизвестно их происхождение и назначение. Древние саамы верили, что в этих камнях живут духи, которые не выносят шума и могут жестоко отомстить разгулявшимся лю-

полчаса. Приходилось идти босиком, отчего часто болели. Для саамов резиновые сапоги стали не только «чудом цивилизации», избавившим от массы проблем, но и самой модной деталью туалета. Причем считалось, что чем длиннее голенище, тем солиднее человек. Самые завидные кавалеры приходили на танцы в «болотниках» с поднятыми голяшками. А некоторым, чтобы покрасоваться в сельском клубе, приходилось пробираться по тундре 30–40 километров,

неводства на Кольском полуострове в том, что оно до сих пор продолжает оставаться образом жизни небольшого, но самобытного народа. Так что вопрос сохранения оленеводства – вопрос сохранения культуры саамов.

Волшебники и вертолет в тундре

Из-за отсутствия какой-либо перспективы выбраться из тундры, чтобы вернуться в цивилизацию,

Оленевод Николай Лукин и чум-работница Ольга со своей племянницей

Тоборки из оленьих шкур – продукция ловозерской швейной мастерской

дям. Останавливаясь недалеко от такого сейд-камня, саамы начинают говорить шепотом, а ветки для костра ломают руками, ни в коем случае не берутся за топор. При этом саамы утверждают, что не верят ни в каких духов, а делается это все так, «на всякий случай». «На всякий случай» оленеводы также встают на колени перед сейдами, припадают к ним и шепчут что-то по-своему.

Резиновые сапоги как фактор культурной революции

В разговорах за чашкой чая молодой саам Вульце любит ссылаться на стародавние времена. Что вот, мол, когда-то, при царе Горохе, все было хорошо. А Мыкко в ответ с содроганием вспоминает, что только в 50-е годы у саамов появились обыкновенные резиновые сапоги. Раньше по болотам ходили в тоборках (короткие сапоги-чулки из оленьей шкуры), которые промокали через

что опять же без резиновых сапог раньше было невозможно.

«Обидно одно, – грустно говорит Мыкко, – саамская культура погибает, но спасают не ее, а какой-то только что придуманный миф. Новоявленные патриоты высасывают из пальца саамские игрища, пляски,

я уже начал готовиться спасать культуру саамов вместе с Мыкко. Но все разрешилось как в сказке: «Прилетел вдруг волшебник в голубом вертолете». Пускай и не волшебник, и не в голубом, но все-таки настоящая «вертушка», к всеобщему изумлению, призем-

Саамы, или лопари, как их прозвали первые русские поселенцы полуострова, издревле разводили оленей, ловили рыбу, поклонялись духам леса, земли и воды.

шаманские обряды, чего никогда не было! Причем занимаются этим те, кто в советское время запрещал нам разговаривать на саами, не считая нас, живущих в тундре, за людей. А ведь культура саамов – это прежде всего оленеводство». Действительно, уникальность оле-

лилась прямо на стойбище. Два каких-то совершенно неприкаянных пилота доложили: «А мы тут летели мимо, увидели ваши избы. Рыбки захотелось...»

В общем, вместе с двумя бочками соленой рыбы я благополучно приземлился в Ловозере. ❀

Евгений Резепов
Фото Андрея Семашко

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

В апреле этого года Казань зарегистрировала патент на право именовать себя «Третьей столицей России». Другие российские города, усмотрев в этом попрание своего статуса, обвинили Казань в хитрости и теперь с пристрастием ищут в «третьей столице» как признаки столичности, так и то, что может поставить под сомнение новый статус Казани.

ПРИНЯТО СЧИТАТЬ, ЧТО САМЫЕ культурные люди Поволжья живут в Казани. Правда, на улицах города я не встречал жителей ни с книгами, ни с газетами в руках.

От проливного дождя я укрылся в первом попавшемся магазине. Оказалось – книжный. Около 15 минут перелистывал страницы «Воспоминаний» Надежды Манделъштам. Витрина магазина выходила на автобусную остановку, ближайшую к знаменитому Казанскому рынку. Я отвлекся от книги и стал наблюдать за девушкой-студенткой, безуспешно пытавшейся прикрыть зонтом рулон ватмана, который выскальзывал у нее из рук. От этого занятия меня отвлекла раздраженная продавщица. Выхватив у меня из рук книгу и

водворив ее на полку, она отрезала: в магазине книги не читают, а покупают! Я начал листать другую, но продавщица была на страже и вновь провела ликбез о поведении покупателей в книжных магазинах.

Я огляделся. Увы, здесь, так же как и везде в книжных магазинах, продавщицы стояли с отсутствующим видом. С равным успехом они могли бы точно так же торговать в рыбных рядах или за овощными прилавками. Продавщицы меж тем оживились: в магазине начала мыть полы молодая девушка в татарском халате. Из их разговора я понял, что девушка пропускает уроки в школе, чтобы зарабатывать деньги мытьем полов. «Что ж такая красивая, а найти никого не может! – сокрушались продавщицы – Все сама!» А ведь это первая настоя-

щая столичная деталь Казани, подумал я... Девчушка энергично возила шваброй по полу, брызги летели во все стороны, попадая и на книги...

Мне хотелось узнать, уехала ли та студентка, которая никак не могла справиться с зонтом и ватманом. Но остановка была плотно забита толпой. А дождь лил такой, что было не разглядеть: соблюдают ли в Казани пассажиры свою очередь при посадке в автобус? И можно ли будет сей факт рассматривать как еще одно доказательство столичного статуса Казани? Старик в дешевом плаще, со старым портфелем, с тубетейкой на голове и классической татарской бородкой переходил трамвайные пути, и аж два трамвая уступили ему дорогу... Шум мегаполиса в Казани не замечен. Громяхают только трамваи.

Переходя узкую улочку с трамвайными путями, я уступал трамваю дорогу, а он проходил так близко, что, казалось, мог задеть мое плечо. Но еще больше меня поражало, что фасады некоторых лавочек, торгующих мелким железным инвентарем, выходят прямо на трамвайные пути! Пассажирам достаточно протянуть руку продавцу в окошке. Это говорит о том, что раньше Казань была тесна, а теперь выросла, и только такие места, сохранившиеся у центрального рынка города, и напоминают о прошлых временах. Может, потому их и не убирают, оставив для колорита?

Кстати, о колорите. Его дополняют представители армянского, азербайджанского, таджикского, грузинского, киргизского народов. Есть и китайцы, и корейцы, и турки. Почти все они носят тюрбеты и выдают себя за казанцев. Но обмануть это может только гостей города.

Тысяча и одна тюрбетка

С тюрбетками в Казани вообще беда. Представитель администрации города посетовал в разговоре, что тюрбетки в огромном количестве шьют в Китае, подрывая этот бизнес в татарской столице. То же самое происходит с многочисленными татарскими сувенирами, которые изготавливают в Поднебесной и везут в Казань. Эти же сувениры туристы могут встретить в Киргизии, Туве, Таджикистане, Монголии, где продавцы выдают их за товар местных умельцев, упирая на полное соответствие национальному колориту. После того как Казань получила статус «третьей столицы», поток поддельных сувениров увеличился. Оно и понятно. Город, который исторически определяет себя как точку пересечения Запада, Востока, Севера и Юга, может демонстрировать самые невообразимые предметы народного искусства. Тут все оправданно.

С детства покоренный сказками «Тысячи и одной ночи», я, за неимением лучшего, отождествлял Багдад с Казанью, а буйство красок багдадского рынка невольно стал искать на казанском. Это действительно знаменитое место. Кто только не

бывал на Казанском рынке из известных людей! Какие только тут не разворачивались сюжеты! Тут тебе и свои Синдбады-мореходы, и Ходжи Насреддины, и даже непревзойденный в ловкости «багдадский вор» имел на Казанском рынке соперника. Известный международный вор-карманник иранец Вану Шимун начинал свою карьеру на Казанском рынке и в казанских трамваях. Слухи о его подвигах доходили до главных столиц страны, куда он часто ездил. Этот знаток казанских улиц и переулков называл Казань самым лучшим городом мира, когда за просто беседовал с иностранцами в московских и ленинградских ресторанах. Он ценил восточную составляющую своего города. Сегодня она пропадает.

Кусочек Петербурга

Казань подражает сразу двум российским столицам. Петербургу – тем, что создала Петербургскую улицу, на которой можно заметить детали города на Неве. Замощенные светлой плиткой площадки, здания с колоннами, ротонды, старинные пушки, черные жерла которых смотрят в стены дальних домов. Мне, правда, почему-то вспомнился не Петербург, а Емельян Пугачев, который во время взятия Казани из пушек простреливал улицы, сметая все живое... Было это 250 лет назад. А чуть более 170 лет назад в Казань приехал Александр Сергеевич Пушкин, собиравший материалы для своей «Истории Пугачевского бунта». Дни визита поэта казанские краеведы расписали по часам, не забыв подчеркнуть

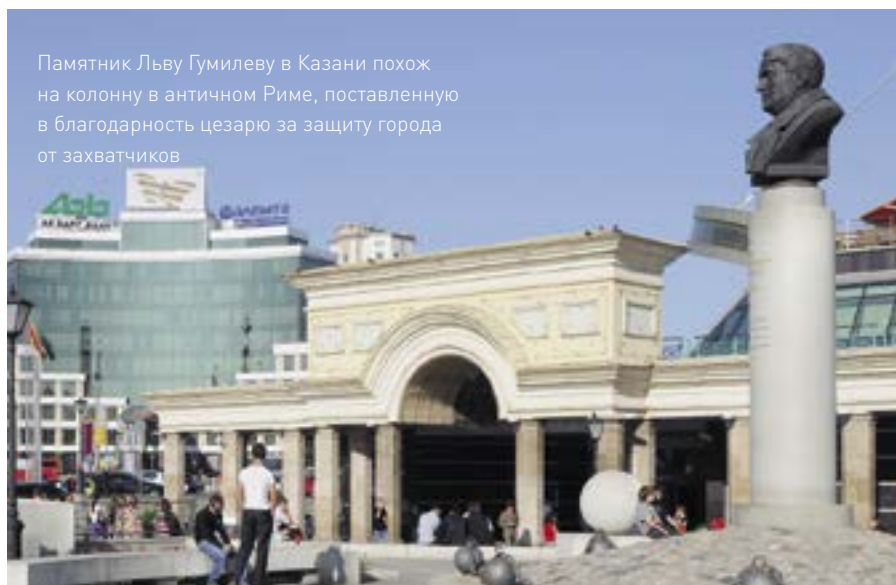
удовлетворение Пушкина от посещения столицы Казанского ханства. Теперь имя солнца русской поэзии придает городу дополнительный оттенок столичности.

На Петербургскую выходят окна одного из двух самых высоких отелей Казани. На его крыше вертолетная площадка, о чем сотрудники отеля с гордостью сообщают водителям паркующихся машин. В Казани вообще принято подчеркивать новшества, которые, по мнению казанцев, роднят город со столицами. Если в ответ казанцы не услышат восхищения, обидятся. Так что в Казань надо ехать, запасшись багажом самых разных комплиментов. Даже когда мне несколько критически рассказывали о Петербургской улице, я все-таки хвалил ее. В самом деле, ежели в сырую и холодную погоду да еще глядеть себе под ноги... Вполне, знаете ли, можно представить, что ты прогуливаешься по Северной столице. Тем более что Петербургская улица продувается холодным ветром с расположенного в нескольких километрах озера Кабан...

Открывает этот своеобразный «Петербургский проспект» памятник Льву Гумилеву, единственный, кстати, в России. Сын Анны Ахматовой и поэта Николая Гумилева, расстрелянного большевиками в 1918 году, одаренный ученый, отсидевший в лагерях, подарил миру идеи евразийства и пересмотрел значение татаро-монгольского ига для Руси. «Этот русский татар защищал!» – сказали мне потом казанские старожилы. Петербургская улица весьма оживленная, здесь даже назначают свидания влюбленные. И откуда тогда это странное ощущение – будто бредешь среди декораций фильма, съемки которого слишком затянулись? Вообще, подобное ощущение в Казани у меня возникало частенько. Удивительно! И это в городе с таким богатым историческим прошлым?! А вот его почему-то и не чувствуешь.

В мутных водах Булака, текущего через центр города, отражается серое

Памятник
Федору
Шалапину перед
входом в отель
его имени

небо. Неприветливость, отчужденность. Даже жилые дома производят впечатление административных зданий. Это – точно признак столичности.

Правда, раз я случайно оказался в другой Казани. Ночью над Булаком устанавливали шесты и натягивали канат для акробатов. Это старинное сооружение для смертельного номера ставилось по всем правилам 500-летней давности. Ночью, глядя в черные воды Булака, где отражались и звезды, и шесты, и канат, по которому завтра пойдут канатоходцы, я почувствовал себя в средневековом городе.

Казанский «Арбат»

Казань подражает и первой столице. Она устроила собственный «Арбат». Мода на свои «Арбаты» захлестнула многие региональные столицы России. Но, кажется, нигде это не достигло такого размаха, как в Казани. Для своего «Арбата» город освободил улицу Баумана от транспортного движения, вымостил ее брусчаткой, установил памятники, открыл двери магазинчиков с антиквариатом и сувенирами. Людям нравится. Они идут толпой, заглядывают во все витрины, в которых главное место занимают татарская тюбетейка и калфак, шумно фотографируются и громко говорят. Но улица Баумана не Арбат, а всего лишь подражание ей. И в конце концов это вызывает иронию.

Магазины на казанском «Арбате» забиты товарами так плотно, что, например, книжные полки начинаются прямо от пола. Они расположены настолько близко к дверям, что книги с них можно брать. И это при том, что размеры магазинов вполне нормальны. Так же утрамбованы и сувенирные лавки. Продавцы открывают двери магазинов настежь, а чтобы они не закрывались, подкладывают кирпич, утащенный, как правило, из фасада гостиницы «Россия», которая закрыта то ли для реставрации, то ли для сноса. Спотыкаясь об этот кирпич или деревянную палку, которую с той же целью применяют обычно в дере-

венских сельмагах, гости казанского «Арбата», конечно, злословят: «Не Москва!» Я поделился этими впечатлениями с представителем городской администрации. Он ничуть не удивился. Взяв на себя ответственность называться третьей столицей России, казанцы прекрасно понимали, сколько будет к ним теперь самого придирчивого внимания и завистливой ревности. Некоторые злопыхатели заглядывают даже в самые дальние дворы, злословя даже по поводу брошенной газеты. Признаться, на том же самом я поймал и себя. Спускаясь в потемках по длинному деревянному трапу к речке Казанке, отметил, что он явно нуждается в ремонте... Совсем рядом в темноте прошла баржа с погашенными огнями, разглядеть которую можно было только благодаря огням Казанского кремля... Запах тины... На противоположном берегу Казанки сверкали высотки так называемой «Ривьеры». Этот туристический комплекс возводят в пойме, где раньше были лишь болото и кустарник. Вместе со мной на эти сверкающие огни смотрели рыбаки, причем почему-то внимательнее, чем на поплавок своих удочек. Днем я сно-

ва побывал здесь. Ночных рыбаков сменили дневные, но и они больше смотрели на «Ривьеру»... По реке, в водах которой отражались стены старого кремля, плыли водоросли и мусор, оставленный баржой.

Во времена Екатерины II проезд такой роскошной кареты по улицам Казани был событием. Теперь для гостя Казани событие найти станцию метро и проехать до конца ветки.

Сплошной фасад зданий, в который заперта улица Баумана, имеет в своей монолитности редкие «трещины». Через них можно попасть в старые казанские дворики. Они как кулисы за театральной сценой, на которой разыгрывается спектакль заморского драматурга. В этих маленьких городских двориках больше соприкасаешься с историческим бытом города. И возвращаться на шумную улицу Баумана нет никакого желания. Однако перед тем, как окончательно проститься с местным «Арбатом», я столкнулся еще с одним казанским новшеством.

Станция Тукая

Метро в Казани открыто всего четыре года назад. Мне, как, наверное, и каждому гостю города, оказавшемуся на улице Баумана, не раз приходилось слышать вопрос от татар, которые приехали в свою столицу и метались по казанскому «Арбату» с вопросом: как найти станцию метро? Они не хватают за рукав, не заглядывают в лицо, а спрашивают дорогу с чувством скромного достоинства, опустив глаза, видимо, испытывая стыд, что в своей столице они – просители. Мне было грустно от того, что большинство людей, к которым обращались эти коренные уроженцы татарской земли, нацепили на свои головы тюбетейки и поедали татарские пирожки, но не знали имени Тукая. Вопросов по-татарски они тоже не понимали. Откуда приедем татарам было знать, что это не земляки, а туристы? Ведь туристами жители Татарстана избалованы только последние десять лет. Местные жители еще не успели к ним привыкнуть и национальные аксессуары в одежде принимают за знаки, говорящие о родстве. Задавали вопрос насчет метро и мне. И я ответил. И какой радостью засветились глаза: «Я два кварта-

ла прошел, и никто не говорит, где станция Тукая!» Имя этого великого татарского поэта носит станция метро. И пожилой татарин, приехавший из села, знает это имя, а толпа на казанском «Арбате» – нет. «Правильно. Казань теперь столица! Здесь бедному татарину нечего делать», – говорит он и поднимает с брусчатки пакет, полный учебников и справочной литературы. Я понимаю, что передо мной учитель из татарской глубинки. Это – тоже встреча в духе новой столицы. Ничего необычного в этом тоже нет. Начитавшись когда-то произведений Гоголя, Гиляровского, Горького о бед-

ных жителей российских столиц, невольно ищешь их здесь. И они здесь такие же, как везде.

Принцесса и другие

Под сводами старого центрального универмага, где опять пришлось пережидать дождь, я стал свидетелем ссоры влюбленных. Девушка неодобрительно наблюдала за дождем, а молодой человек тщетно вымаливал прощение за что-то. Эта классическая городская сценка была оригинальна только яркими национальными деталями в наряде казанской «принцессы», как я тут же окрестил красавицу. Молодой человек несколько раз раскрыл и закрыл зонт, уговаривая ее пойти с ним. Но надменная «принцесса» даже не повернула головы в его сторону – ни тогда, когда он прощался с ней, ни тогда, когда он одиноко побрел под дождем. Я продолжал разглядывать неприступную красавицу: изящный изгиб спины, гордая посадка головы, на пальцах кольца и перстни, на запястьях тонкие золотые браслеты в виде змей, в ушах – сережки, в волосах – заколки... На вид – лет 18. Все почтительно обходили эту юную казанскую «принцессу». В этом нет ничего удивительного для Казани: здесь всюду можно встретить примеры исключительной обходительности с женщинами.

На жителях Казани много золотых украшений. В Казани женщину, как правило, сопровождают несколько мужчин, среди которых выделяется один, своим повышенным вниманием и услужливостью напоминающий слугу. Это и есть, скорее всего, муж. И смею подозревать, что в этом – проявление национального лица этого города.

Согласно легенде, в озере Кабан утоплены сокровища казанских ханов

были приобретены ею в Европе, а вот линия спины, которую так любил писать Дали, точно – наследие Казани. Эту азиатскую гибкость, эту

ся только гадать о происхождении этих достоинств. Кровь ли это? Ведь старая, деревянная часть Казани полуразрушена, а то, что осталось, говорит о терпении и бесконечных однообразных буднях под строгим надзором нужды и религии. Откуда тут такие спины, как не от породы казанских красавиц?

Сейчас дом, в котором когда-то жила Галя, закрыт на реконструкцию, а о Елене Дьяконовой вспоминают в Казани почему-то неохотно. Больше гордятся писателем Василием Аксеновым. Не говоря уж о Шалапине. Его именем назван шикарный отель. И опять в этом присутствует намек

**Для своего «Арбата» город освободил
улицу Баумана от транспортного движения,
вымостил ее брусчаткой, установил
памятники, открыл двери магазинчиков
с антиквариатом и сувенирами.**

И как тут не вспомнить Елену Дьяконову, супругу Сальвадора Дали, известную как Галя? Крайняя жесткость и деспотичность, возможно,

восточную изящность, которую не скрыть под самой строгой мусульманской женской одеждой, можно наблюдать в Казани часто. Остает-

С холма,
на котором стоит
Казанский кремль,
прямая дорога
к развлекательному
комплексу
«Пирамида»

на принадлежность к столичному статусу. Здесь не любят вспоминать о детских годах великих людей, которые они провели в нужде. Напоказ выставляются успехи, полученные титулы и атрибуты шикарной жизни. Уж не знаю, изобретен ли такой подход самой Казанью или позаимствован у столиц.

Мне же милее простые казанцы. В воскресенье на улицах Казани можно встретить так называемого «бедного татарина», знакомого по литературным произведениям, в том числе Чехова и Короленко. Часто это – молодой человек, приехавший в Казань на выходные и глазающий на соблазны татарской столицы. Его наивный взгляд, активная жестикуляция и остановки перед каждой яркой вывеской говорят о привычке к сельскому труду. Поношенная тюбетейка лихо сдвинута на затылок, на среднем пальце – дешевая печатка. Он не кавалер для надменных казанских «принцесс». Ему только остается цокать от восхищения языком и приглашать покатайся верхом на лошади. Но это предложение красавиц не трогает. И молодому человеку приходится возвращаться домой, где он, наверное, с восторгом будет рас-

сказывать о Казани своим соседям. А на конюшне его, как и его предков, наверное, уже ждут грабли и вилы. Это природное трудолюбие, которое читается на обветренных лицах молодых татарских парней, и их какая-то восточная покорность судьбе, которая позволяет спокойно любоваться роскошью столицы, трогают меня и заставляют по-дружески смотреть на них.

Татарин в поезде, на рынке или во дворе Москвы и татарин в татарской столице – это люди с разными выражениями лица. Здесь, в Казани, они двигаются медленно, видно их стремление все запомнить, видна их готовность прийти в восторг. Эти молодые ребята – самые искренние и доброжелательные люди в городе. Руками их дедов и прадедов создавались великолепие и слава Казани, но, кажется, они здесь чужие. Заметна их неуверенность. Так же, как и любого случайного гостя, ставят их на место в угоду прибыли, которая в любой столице затмевает все остальное. Чуть только на том же казанском «Арбате» слышит администратор магазина чужую речь, то сделает выбор в пользу иностранца, а не своего земляка. Это ведь по-столичному?

Станут ли жители Казани счастливее от того, что будут жить в «третьей столице» России? Я спрашивал об этом случайных соседей на лавке перед входом в метро. Они смотрели на свои руки, на фасады домов и отвечали стандартными фразами: «Казань стала лучше, красивее, чище».

Но их больше волновало свое будущее в этом городе. ❶

Павел Васильев, коллаж Евгении Гладкой

ОШИБКА ТОЛИКА ДЗЕНА

– В педагогический? На исторический? – Толик не спеша разминал сигаретку. – С ума ты сошел... Попадутся такие, как мы, курить будут на перемене. А тебе, значит, надо за гаражи бегать, за нами следить, двойки за поведение ставить.

– А куда идти? В армию, что ли?

– Зачем в армию? Зачем вообще куда-то идти? Я вот, смотри, устроился в почтовый ящик. Семь минут на автобусе. Там какую-то центрифугу испытывают. Вроде для космоса. И надо в этой центрифуге внутри сидеть и крутиться. Делов-то!

– И долго крутиться? – Я с детства карусели не выносил.

– А сколько скажут. Зато, как накрутишься, три выходных, 160 в месяц и от армии отсрочка! Вот это жизнь! Да, чуть не забыл! Сказали, после удачных испытаний 150 красного наливают. За так! А ты... Педагогический... Нестор Петрович какой...

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД Я ПОЛУЧИЛ толковый совет от Толика Дзена, фамилию которого путали постоянно, но Толик не обижался: Взен так Взен, Ден так Ден, Бзен так Бзен. Каждый новый учитель спотыкался на Толике. Мы с Толиком учились вместе с первого класса. Сначала в «В», потом в «А», а потом еще в «Б». Да, Толик зря не скажет...

Я сидел на даче под яблонями и размышлял: «Саня Цуккерман идет в горный, говорит, евреев больше никуда не берут, только в горный... Вадик Анищук, понятно, в МИФИ подал, он умный, Вадик-то... В МАИ кто-то намылился, там, мол, конкурс маленький... Все кругом что-то решили, а я, как дурак, ничего не решил, сижу тут под яблонями, маюсь...»

Кто это первый сказал? Кто сказал это слово – педагогический? Что мне, десяти лет в моей школе мало? Ну, ладно история... Тут понятно. Тут я как-нибудь не потеряюсь... Но снова в школу? Здравствуйте, дети?

Начнем урок? И вот это говорить буду я?! Каждый день?

Но что-то внутри свербило... Что-то непонятное клинило. Что-то говорило, терзало – валяй! Приключения! Конкиста! Реформация! Неведомое... Вот он, мой аттестат, семь пятерок, три тройки, остальные четверочки и золотой значок ГТО. Вот они, школьные годы чудесные. Чудесные? Как сказать...

...Классная ворвалась на урок биологии. Большой бюст вздымался под белой кофтой. И опускался. Вверх – вниз, вверх – вниз. Тут уж не до инфузорий, которые туфельки... Темные глаза расширены:

– Хунта! Альенде! Танки! Пиночет... Переворот... Кровь патриотов. Протянем руку дружбы народу Чили! Бдительность, бдительность и еще раз бдительность! Мы с вами, доктор Альенде! Мы с вами, Виктор Хара! После урока – в актовый зал. Общее собрание школы. Агрессия не пройдет! Обращение правительства Со-

ветского Союза. Бдительность и еще раз бдительность... Продолжайте, Вера Ивановна, я ухожу...

А белая кофта: вверх – вниз, вверх – вниз... А нам по 13 лет. Вот он, священный ужас и чувство войны на пороге. Дома я сразу к отцу: «Тебя мобилизуют? Когда? Тебя призовут на выручку Луису Корвалану?»

Обрадовался, когда узнал, что бороться с хунтой решили без моего отца. Но слово «бдительность» с той поры рисуется сразу: бдительность – это большой взволнованный бюст.

После восьмого класса – альтернатива: красить школу или защитить ее честь в турпоходе. Я выбрал турпоход. Мы должны были преодолеть километров 120 пешком, отмечаясь в сельсоветах, составить план-карту маршрута и угодить точнехонько на городской слет, где предстояли соревнования с другими туристическими десантами.

Наш физкультурник в молодости играл за минское «Динамо» и высаживался с парашютом на Прагу в 1968 году. Вспоминать про Минск и Прагу он не любил, он вообще говорил мало. А тут высказался довольно загадочно: «Вас-то, ребята, я знаю как облупленных, мы-то дойдем. А вот с нашими немками... Полный аут». Оказалось, нас – 22 туриста из разных классов. Плюс физкультурник Андрей. И еще две молодые учительницы немецкого языка, не так давно прибывшие в школу по распределению. Рюкзаки были тяжелые. Очень много консервов! Суп на костре варился до самой ночи! Комаров тоже хватало. Но самыми страшными оказались именно переходы, а самыми слабыми – эти две немки, которые заныли уже на третий день. На четвертый день им повезло. Невесть откуда подкатил «уазик» с какими-то лихими лейтенантами, немки забрались в машину, и мы их увидели через неделю – на слете. Там они долго отсыпались в палатках. А мы – ничего, дошли. Выступили не хуже прочих. За что Андреичу осенью досталось на педсовете, мы так и не поняли. Сам он нам ничего не сказал, но мы откуда-то знали – досталось. Зато немки ходили доволь-

ные, прямо как козочки у деревни Петлево, где мы впервые в жизни ночевали в стогу.

Защищать честь школы можно по-разному... Теперь-то я знаю.

Вообще, наша школа в районе котировалась. Хотя обходилась без всяких приставок «спец». Как выступить на политическом мероприятии – районного, городского, союзного масштаба – так это к нам! Мы маршировали по Красной площади после месяца зануднейших репетиций, читали стихи в Доме Союзов, награждали красными гвоздиками депутатов и лауреатов. К нам приезжали писатели, олимпийские чемпионы, передовики производства. Учителя тоже были интересными людьми. Литераторша, например,

видя какое-то безобразие, выплескивала, хватаясь за прическу: «Что это такое – что?!»

Я до сих пор использую эту великолепную, всеобъемлющую формулировку.

Учитель пения всякий раз начинал урок одинаково. Он замуривался, втягивал голову в плечи, пиджак, одобренный перхотью, топорщился вокруг шеи, а потом красивый баритон нежно приказывал: «А теперь, когда все мы наконец вместе, давайте споем... «Интернационал»! И всякий раз с первым ударом по клавишам затихал наш класс, и девичьи голоса вначале испуганно, а потом как-то радостно затягивали: «Вста-вай, проклятем заклеяменный...»

Потом я понял: это был беспрогрышный педагогический прием.

Других приемов у нашего «пенцика» как-то не было. Доводили мы его – страшно. В волейбол играли воздушным шариком...

Учитель черчения ставил оценку за выправку. Ему, народному герою то ли Болгарии, то ли Польши, ошибочно похороненному, а затем, когда разобрались, награжденному от души, доставляли удовольствие строевой шаг и косая сажень в плечах. Пока я шел к нему с задней парты, он смачно рывкал: «Гвардеец!» и выводил пятерку в журнале. На чертеж, сделанный мне Надей Филичкиной, ему было решительно наплевать.

Директор школы вел географию. И тоже отличался неожиданными решениями. Однажды спросил вдруг: «Как полное имя Пеле?» В полнейшей тишине я поднял руку. От-

рапортовал: «Эдсон Аррантес ду Насименто». И тут же получил высший балл по географии материков. Трудовик Авенир Иванович был патриотом жестяных работ. Мы все время что-то вырезали из жести. Без жести на уроке делать было нечего. Нет жести – сразу два балла. Не готов к уроку. В нашем районе таблички с правилами пользования лифтом исчезали мгновенно. Они были из жести. Оторвал табличку в подъезде – и Авенир Иванович доволен. Мы показывали табличку другой,

Нет, Толик тогда ошибся. Я еще не знал, как буду учить, но я точно знал, как не буду. И потом, Толик не мог ведь предполагать, что в моем стареньком деревянном доме бережно хранится сложенный вчетверо, уцелевший в войнах и революциях плотный лист. Аттестат моей бабушки.

Вот я бережно достаю его и перепечатаваю, заменяя для простоты яти и другие исчезнувшие теперь буковки, обороты:

**В моем стареньком деревянном доме
бережно хранится сложенный вчетверо,
уцелевший в войнах и революциях
плотный лист.
Аттестат моей бабушки.**

блестящей стороной. Лифты Авенира Ивановича не волновали, он душой болел за трудовое воспитание. У меня часто выходило неровно, коряво, и Авенир Иванович ставил обидную тройку, приговаривая: «Не болит у тебя душа, Васильев, за трудовое воспитание». И он был прав – не болела.

Военное дело располагалось на первом этаже. Окна выходили на помойку, где по утрам резвились большие серые крысы. Военрук Сергей Сергеевич реагировал мгновенно: – Вот бы сейчас из АКМ, короткими очередями... Во Вьетнаме, доложу я вам, всяких крыс тоже хватало...

Глаза его весело блестели, и тропа Хо Ши Мина представлялась мне очень ярко: автоматы наперевес, солнце, трава по пояс и – тратата-та по врагу... Короткими такими очередями.

А наш математик, толстячок в круглых очках, Владимир Иванович? Кто мне лучше всех объяснил, что учитель всегда прав? Кто вмиг сделал из меня изгоя? Кто заставил моих родителей раскошелиться на репетитора за 20 рублей в месяц? Кто ставил мне только двойки и не замечал поднятой репетиторским усердием руки? Кто вынудил перейти в другой класс? Кто шпионил, вынюхивал и подсматривал? Кто?!

«АТТЕСТАТЪ

Воспитанница Архангельского Епархиального женского училища Никифорова Людмила, дочь священника Евгения Никифорова, при отличном (5) поведении показала следующие успехи в науках:

В Законе Божьем
Церковной истории отличные (5)

Русском языке
Словесности оч. хорошие (4)

Истории Русской
литературы отличные (5)

Всеобщей Гражданской истории
Русской Гражданской истории
Географии Всеобщей оч. хорошие (4)

В Географии русской
Арифметике отличные (5)

Геометрии
Физике
Педагогике
Чистописании оч. хорошие (4)

Церковном пении
Рукоделии оч. хорошие (4)

На основании § III Высочайше утвержденных Епархиальных женских училищ Никифорова, окончившая полный курс учения в Архангельском Епархиальном женском училище,

имеет право на звание домашней учительницы тех предметов, в которых оказала хорошие успехи, подвергшись особому испытанию в оных. Аттестат сей дан ей, Никифоровой Людмиле, на основании § 88 Устава Епархиальных женских училищ, после испытаний, бывших в июне месяце 1907 года, от Совета училища за подписом и печатью онаго.

Председатель Совета Училища – священник М. Попов
Инспектор классов – протоиерей А. Кириллов
Начальница Училища – Глафира Лаврова».

Печать, подписи – все как положено. Черная тушь прекрасно сохранилась, хоть и поблекла со временем. Сохранилась нарядность документа: рамка, узоры, рисуночки. Порядковый номер – 358. Два столбика предметов. На обратной стороне аттестата – печать уже РСФСР от 1938 года. Тогда Людмила Евгеньевна получила советское педагогическое образование, значит, этот документ ей как-то зачли. Есть у нас и зачетка конца 30-х. Желтая бумага, сокращения всюду, даже в названиях важных предметов. К примеру: «осн. марклен. фил.». Основы марксистско-ленинской философии – и те сократили. Ну и почерк, понятное дело, не старорежимный. Не разобрать, кто что принимал да подписывал...

У бабушки уже шестеро детей, марксистско-ленинскую философию она сдала на посредственно... «Поср.»

А вот и справочки от руки, собранные для пенсии, в них указаны школы тех северных, а потом и подмосковных деревень и сел, где она преподавала. Какой раз их смотрю, а все никак не перепечатаю – для надежности...

Итак, в июне 1907-го моя бабушка получила звание домашней учительницы. В августе 1977 года ее внук с боями поступил в педагогический институт на исторический факультет. Вероятно, тогда эта связь не была для меня решающей, но теперь вот горжусь... А главное, понимаю – сделал тем летом правильный выбор. Не промахнулся. ☺